

POLSKIE TOWARZYSTWO RUSYCYSTYCZNE

przegląd rusycystyczny

2023, nr 1 (181)

Katowice 2023

KOMITET REDAKCYJNY

Tadeusz Klimowicz — przewodniczący

Franciszek Apanowicz, Petar Bunjak, Jens Herlth, Jewgienij Jabłokow, Władimir Klimonow, Joanna Madloch, Daria Nevskaya, Kadisha Nurgali, Antoaneta Olteanu, Grzegorz Przebinda, Barbara Stempczyńska, Walerij Tiupa, Halina Waszkielewicz

ZESPÓŁ REDAKCYJNY

Piotr Fast (redaktor naczelny), Michał Głuszkowski (zastępca redaktora naczelnego), Justyna Pisarska, Joanna Darda-Gramatyka, Anna Paszkowska (sekretarz redakcji)

Adiustacja tekstów obcojęzycznych

Yevheniy Liashchevskyi

Piotr Plichta

Korekta

Justyna Pisarska

Publikacja dofinansowana przez Ministerstwo Edukacji i Nauki w ramach programu „Rozwój czasopism naukowych”. Numer projektu RCN/SN/0680/2021/1

ADRES REDAKCJI

Przegląd Ruscystyczny, 41-500 Chorzów, ul. Zjednoczenia 1/11

tel. +48 604 965 737; +48 505 300 667

e-mail: prz.rus@op.pl

<http://www.journals.us.edu.pl/index.php/PR>

Index 371866

ISSN 0137-298X

WYDAWCY

**Polskie
Towarzystwo
Ruscystyczne**

Polskie Towarzystwo Ruscystyczne
41-200 Sosnowiec
ul. Stefana Grota Roweckiego 5/318
tel. 505 300 667, ptr.polska@gmail.com
www.peteer.pl

**UNIWERSYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH**

Uniwersytet Śląski
Instytut Literaturoznawstwa
Instytut Językoznawstwa
41-200 Sosnowiec
ul. Stefana Grota Roweckiego 5

SPIS TREŚCI

7	GRZEGORZ PRZEBINDA	Wspomnienie o Profesor Krystynie Pietrzyckiej-Bohosiewicz
12	GIENNADIJ F. KOWALOW	Maryna Mniszek: obraz Polki w poezji rosyjskiej
28	MAŁGORZATA UŁANEK	Od poetyki tytułu do struktury sensu. O dwóch tytułach jednego opowiadania Vladimira Nabokova
50	WERONIKA JELEŃSKA	Motyw nadziei w opowiadaniu Ludmiły Ulickiej <i>Alisa kupuje śmierć</i>
66	URSZULA TROJANOWSKA	Nieobecna. Obrazy matki w powieściach Mikity Franko
86	ANASTASIIA V. MISHCHUK YULIIA RUDENKO MARYNA O. DEI IRYNA S. SKLIAR NATALIA KOVALCHUK	Opis wróżb w Kronice Nowogrodu
108	DOROTA PAZIO-WLAŻŁOWSKA	Kulturowo-językowy obraz rosyjskiej rodziny — profil religijny (na materiale miesięcznika „Пензенский православный собеседник”)
123	ZIFA TEMIRGAZINA	Epitet „крытой” w liryce Pawła Wasiliewa: porównanie semantyki ogólnej i okazjonalnej
143	MICHAŁ GŁUSZKOWSKI	Język rosyjski w Georgii (USA). Stan i funkcje społeczne języka mniejszości
162	TATIANA KOSMEDA	Dynamika leksyki języka rosyjskiego: tendencje w modelowaniu semantyki oceniającej
180	KATERYNA LAIDLER	Odziaływanie pisowni, percepcji oraz fonologii na adaptację angielskiego /з:/ w zapożyczeniach w języku rosyjskim
207	NINA D. AFANASJEW ANNA A. WASILJEW	Dyskurs akademicki jako podstawa kształtowania umiejętności akademickich studenta zagranicznego

RECENZJE

220	ALEKSANDRA SZYMAŃSKA	Тюнде Сабо, <i>Статьи по поэтике Л. Улицкой</i> , Flinta, Moskwa 2022
225	IRENA SAWICKA	Jakub Walczak, <i>Fonetyka rosyjska. Praktyczny przewodnik po wymowie i intonacji z ćwiczeniami</i> , PWN, Warszawa 2018
230	DOROTA DRUŻYŁOWSKA	Наталья В. Кабяк, <i>Любимые советские фильмы на уроке РКИ: учебное пособие</i> , Flinta, Moskwa 2022
235	NOTY O AUTORACH	

СОДЕРЖАНИЕ

7	ГЖЕГОЖ ПШЕБИНДА	Воспоминание о Профессоре Кристине Петрицкой-Богосевич
12	ГЕННАДИЙ Ф. КОВАЛЕВ	Марина Мнишек: образ польки в русской поэзии
28	МАЛГОЖАТА УЛАНЕК	От поэтики заглавия к структуре смысла — о двух заглавиях одного рассказа Владимира Набокова
50	ВЕРОНИКА ЕЛЕНЬСКА	Мотив надежды в рассказе Людмилы Улицкой <i>Алиса покупает смерть</i>
66	УРШУЛЯ ТРОЯНОВСКА	Отсутствующая. Образы матери в романах Микиты Франко
86	АНАСТАСИЯ В. МИЩУК ЮЛИЯ РУДЕНКО МАРЫНА О. ДЕЙ ИРЫНА С. СКЛЯР НАТАЛЯ КОВАЛЧУК	Описание приметы в Новгородской летописи
108	ДОРОТА ПАЗЁ-ВЛЯЗЛОВСКА	Культурно-языковой образ российской семьи — религиозный профиль (на основе ежемесячника «Пензенский православный собеседник»)
123	ЗИФА ТЕМИРГАЗИНА	Эпитет «крутой» в лирике Павла Васильева: соотношение общеязыковой и окказиональной семантики
143	МИХАЛ ГЛУШКОВСКИ	Русский язык в Джорджии (США). Состояние и социальные функции языка меньшинства
162	ТАТЬЯНА КОСМЕДА	Динамика лексики русского языка: тенденции моделирования оценочной семантики
180	КАТЕРИНА ЛАЙДЛЕР	Взаимодействие орфографии, перцепции и фонологии в процессе адаптации английского гласного /з:/ в англицизмах
207	НИНА Д. АФАНАСЬЕВА АННА А. ВАСИЛЬЕВА	Академический дискурс как основа формирования академической грамотности студента-международника
РЕЦЕНЗИИ		
220	АЛЕКСАНДРА ШИМАНЬСКА	Тюнде Сабо, <i>Статьи по поэтике Л. Улицкой</i> , Флинта, Москва 2022
225	ИРЕНА САВИЦКА	Jakub Walczak, <i>Fonetyka rosyjska. Praktyczny przewodnik po wymowie i intonacji z ćwiczeniami</i> , PWN, Варшава 2018
230	ДОРОТА ДРУЖИЛОВСКА	Наталья В. Кабьяк, <i>Любимые советские фильмы на уроке РКИ: учебное пособие</i> , Флинта, Москва 2022
235	ОБ АВТОРАХ	

TABLE OF CONTENTS

7	GRZEGORZ PRZEBINDA	Memories of Professor Krystyna Pietrzycka-Bohosiewicz
12	GENNADY F. KOVALEV	Marina Mniszek — the image of Polish woman in Russian poetry
28	MAŁGORZATA UŁANEK	From the poetics of the title to the structure of sense — on two titles of one short story by Vladimir Nabokov
50	WERONIKA JELEŃSKA	The theme of hope in the short story of Lyudmila Ulitskaya <i>Alice Buys Death</i>
66	URSZULA TROJANOWSKA	Absent. Images of the mother in the novels by Mikita Franko
86	ANASTASIIA V. MISHCHUK YULIIA RUDENKO MARYNA O. DEI IRYNA S. SKLIAR NATALIA KOVALCHUK	Description of omens in the Chronicle of Novgorod
108	DOROTA PAZIO-WLAZŁOWSKA	The cultural and linguistic image of the Russian family — religious profile (on the basis of “Penzenskiy pravoslavnyy sobesednik”)
123	ZIFA TEMIRGAZINA	The epithet “krutoi” in the lyrics of Pavel Vasiliev: the ratio of conventional and occasional
143	MICHAŁ GŁUSZKOWSKI	Russian language in Georgia (USA). Status and social functions of the minority language
162	TATIANA KOSMEDA	Dynamics of Russian vocabulary: trends in modelling evaluative semantics
180	KATERYNA LAIDLER	The interaction of orthography, perception, and phonology in the adaptation of Е /з:/ in loanwords into Russian
207	NINA D. AFANASEVA ANNA A. VASILEVA	Academic discourse as the basis for the academic literacy of the international student

REVIEWS

220	ALEKSANDRA SZYMAŃSKA	Тюнде Сабо, <i>Статьи по поэтике Л. Улицкой</i> , Flinta, Moscow 2022
225	IRENA SAWICKA	Jakub Walczak, <i>Fonetyka rosyjska. Praktyczny przewodnik po wymowie i intonacji z ćwiczeniami</i> , PWN, Warszawa 2018
230	DOROTA DRUŻYŁOWSKA	Наталья В. Кабяк, <i>Любимые советские фильмы на уроке РКИ: учебное пособие</i> , Flinta, Moscow 2022
235	ABOUT THE AUTHORS	

GRZEGORZ PRZEBINDA <https://orcid.org/0000-0001-9581-0214>

Uniwersytet Jagielloński

WSPOMNIENIE O PROFESOR KRYSZYŃCE PIETRZYCKIEJ-BOHOSIEWICZ

15 grudnia 2022, tuż pod wieczór, zadzwonił do mnie wstrząśnięty Aleksander Wawrzyńczak z macierzystej Katedry Kultury Wschodnich Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej w Uniwersytecie Jagiellońskim z informacją, że o czwartej po południu zmarła Krystyna Pietrzycka-Bohosiewicz (1948–2022), jego ukochana nauczycielka literatury rosyjskiej podczas studiów, a moja dobra i szanowana koleżanka uniwersytecka. Autorka książek i artykułów m.in. o Juriju Oleszy, Georgiju Władimowie, Wasiliju Grossmanie. To właśnie w jej domu przeprowadzałem w lutym 1999 — razem z Januszem Świeżym — bardzo ważny, i chyba nie tylko dla nas, wywiad ze wspomnianym Władimowem, rosyjskim pisarzem emigracyjnym, autorem *Wiernego Rusłana* — jednej z ważniejszych książek wolnej literatury rosyjskiej w II połowie XX w. O tym napiszę nieco więcej pod koniec, teraz ożywię w pamięci ów dzień w 1983 roku, gdy Krystyna broniła dzielnie w uniwersyteckim Collegium Novum na Gołębiej swej pracy doktorskiej, zatytułowanej — dla niepoznaki przed cenzurą! — *Poetyka prozy narracyjnej Jurija Oleszy*. Ale czujna cenzura i tak trzymała potem maszynopis parę ładnych lat pod kluczem, dopiero więc w 1989 mógł się on ukazać jako książka. Autorka, co wiem z wielu rozmów z nią, gorąco przeżywała kwestie etyczne związane z Oleszą (1899–1960), pisarzem polskiego pochodzenia, autorem słynnej kiedyś *Zawiści* (1929), który swój talent utopił ostatecznie w wódce. Podobno śmiertelnie bał się aresztowania, gdyż po wojnie krążyły uparcie po Moskwie słuchy, że zostanie oskarżony o próbę zamachu na Stalina.

Sama Krystyna, co niestety ze względu na cenzurę mogła eksponować tylko na zajęciach ze studentami albo w rozmowach na uniwer-

syteckich korytarzach z takimi jak ja młodymi asystentami, bardzo cenila wtedy książkę emigranta Arkadija Bielinkowa *Olesza. Kapitulacja i śmierć radzieckiego inteligenta* napisaną z wielce krytycznych wobec Oleszy pozycji. Dostała ją zapewne w darze od niezawodnego Andrzeja Drawicza, który z kolei — co też wiem — uważał ową pracę Bielinkowa za nazbyt demaskatorską, a nawet okrutną wobec biednego Jurija Oleszy. Książka — niezależnie od wszystkiego — musiała być w jakimś sensie ponadczasowa, skoro rok temu ukazała się po polsku w wyśmienitym, jak zawsze, przekładzie Jurka Czecha. Tyle że ciężko już wtedy chora Krysia nie mogła jej niestety przeczytać. Wielka szkoda — tym bardziej że Jerzy w solidnej autorskiej przedmowie do swego przekładu wyraźnie staje, jak i ona, po stronie Bielinkowa, o czym świadczy taki choćby, dziś szczególnie aktualny akapit:

Od pierwszych, studenckich utworów nie literatura była dlań najważniejsza, ale rzecz fundamentalna, bez której sama literatura traci sens — wolność. Ona właśnie jest tematem książki o Oleszy i tak tę książkę czytamy. Bielinkow wierzył, że mamy wpływ na to, co się z nami dzieje, i, jeśli ludzie nie są wolni, to dlatego, że się na ten stan zgodzili. Mądrzy, utalentowani, wrażliwi ludzie uznali kiedyś, że w służbie idei powinni wyrzec się wolności. Wierzyć nie temu, co podpowiadają im rozum i sumienie, ale ćwierćinteligentom, którym „parę pojęć, jak cepy” wystarczy, by znać recepty na wszystkie problemy — świata czy narodu, to bez znaczenia. Podążając za kimś takim, ludzie tracą jednak i mądrość, i talent, i wrażliwość, a często stają się kibicami zła. [...] My zaś, którzy wolność cenimy, dzisiaj w obliczu jej utraty pamiętajmy o człowieku [Bielinkowie], który wolności oddać nie umiał i w jej imię wołał się narazić nawet na śmierć. I warto mieć w pamięci jego biblijnym stylem wypowiedziane przesłanie, że pogardy godzien jest „ten, kto niewolę wybrał. Albowiem zamienił najważniejszą rzecz daną myślicemu cięlu — wolność — na żalosną jałmużnę swego pana”¹.

Muszę dodać, że w cytacie tym wykropkowałem fragment, gdzie Jerzy Czech odnosi „sytuację zniewolenia” — a było to jeszcze w 2021 — do pisowskiej Polski. Zrobiłem to jednak nie dlatego, abym się z tym nie zgadzał — wręcz przeciwnie. Jednakże dziś widzę, że fragment ten, już rok po publikacji, opisuje proroczo przede wszystkim to, co dzieje się w obecnej putinowskiej Rosji, także na styku inteligencja–władza. Krystyna Pietrzycka-Bohosiewicz aż tak otwarcie o podobnych sprawach w latach stanu wojennego napisać oczywiście nie mogła, ale wiem z rozmów z nią, także i tych ostatnich, że w swojej opinii zarówno co do Polski-PiS, jak do tej owej „zdrady wolności”

¹ J. Czech, *Prędzej by mieszkał Olesza*, w: A. Bielinkow, *Olesza. Kapitulacja i śmierć radzieckiego inteligenta*, Wydawnictwo Agora, Warszawa 2021, s. 34–35.

przez lwia część obecnej rosyjskiej, jeśli w ogóle wolno tak rzec, inteligencji, pozostawała w całkowitej zgodzie z Jerzym Czechem.

Spośród krótszych tekstów Krysi szczególnie bym dziś wyróżnił dwa artykuły — najpierw ten z 1989 roku *Komunizm jako quasi-religia: wyznawcy i heretycy*, opublikowany w bardzo ważnej, dziś niestety zapomnianej książce *Dar Polski Białorusinom, Rosjanom i Ukraińcom na 1000-lecie ich Chrztu Świętego* (Londyn 1989). A już po 2010 roku autorka z przerażeniem obserwowała, jak znowu wszystko powraca bezwładnie „na kręgi swoje” i jak w czarno-czerwone teraz quasi-religijne barwy przystraja się coraz bardziej agresywny putinizm. Myślę zarazem, że w tym właśnie kluczu można by dziś rozumieć ostatni już tekst Krystyny zatytułowany *Metafizyka „ja”*. *Jutryzm Jurija Mamlejew* (1931–2015), opublikowany w 2013 w „Przeglądzie Rusycystycznym”. Dostajemy tu opis tych dziwacznych obrzeży „idei rosyjskiej”, które powstawały jeszcze w Moskwie w latach 60. i 70. — wówczas w opozycji do oficjalnego komunizmu, a dziś i jutro są wykorzystywane do ubarwiania zbrodniczego już dzisiaj putinizmu. Nieprzypadkowo do kółka mistyków „Zaulek Jużyński” należał mrocznej obecnie sławy Aleksander Prochanow (ur. w 1938)², a w czasach już po Mamlejewie, wygnanym z ZSRR w 1974 roku, też słynny obecnie „geopolityk zbrodni” — Aleksander Dugin (1962).

Profesor Krystyna Pietrzycka-Bohosiewicz jako jedna z pierwszych w Polsce pisała przenikliwe teksty o Wasiliju Grossmanie, o Lidii Czukowskiej, jednak szczególnie wartościowa jest jej książka o Gieorgiju Władimowie, mało wyraziście niestety zatytułowana — *W poszukiwaniu autentyzmu. Twórczość prozatorska Gieorgija Władimowa* (Kraków 1999). Władimow był szczególnie znany w Polsce stanu wojennego jako autor *Wiernego Rusłana. Historii psa obozowego* (publ. w 1975) — dzięki niestrudzonemu Andrzejowi Drawiczowi, który go tłumaczył i bardzo cenił. Ta mikropowieść to historia zwierzęcia, z którego „ludzie dobrzy” uczynili właśnie psa obozowego, a ono — biedne zwierzę — już po rozwiązaniu łagru, w czasach odwilży Chruszczowa, nie potrafi się ze swej funkcji nijak uwolnić. We wspomnianym wywiadzie z lutego 1999 roku, którego Władimow udzielił nam w gościnnym, krakowskim mieszkaniu Krysi przy ul. Nawojki, znajduje się taki fragment:

² Sam tu o tym opowiada, dziś co prawda z lekka ironią: <https://www.youtube.com/watch?v=575m6HScq5A> (17.12.2022).

Grzegorz Przebinda, Janusz Świeży: Pańska powieść *Wierny Rusłan. Historia psa obozowego* jest uważana za jedną z najważniejszych rosyjskich książek XX wieku. Skąd pomysł, aby dać opis losu człowieka w świecie koncentracyjnym poprzez świadomość łagrowego psa?

Georgij Władimow: Moja matka spędziła dwa i pół roku na wyspach Archipelagu Gułag. Gdy w 1962 roku ukazał się w „Nowym Mirze” u Twardowskiego, gdzie sam pracowałem, *Jeden dzień Iwana Denisowicza* Solżenicyna, pomyślałem, że oto teraz przyszła kolej na moją taką książkę. Ale musiałem znaleźć bohatera. Prawdziwymi bohaterami Archipelagu byli ludzie wierzący, którzy przyjmowali swój los jako próbę wierności, zesłaną przez Boga. Człowiek religijny to nie jest mój bohater. Wychowano mnie w duchu ateistycznym. W dobrym momencie ktoś mi opowiedział taką historię. „W miasteczku Temirtau [w Kazachstanie — G.P.] był kiedyś łagier. Zburzono go potem w czasie odwilży, dookoła wały się druty kolczaste. Na miejscu budowano fabrykę, baraki służyły za mieszkania dla robotników. Po mieście wałęsały się psy łagrowe, które według instrukcji należało wystrzelać. Ale ktoś się nad nimi ulitował i wałęsają się teraz potwornie wychudłe, od nikogo nie wezmą ochłapu, dają na siebie patrzeć tylko z boku. Nie wiadomo, czemu jeszcze nie zdechły z głodu. Gdy jednak przez miasto idzie pochód pierwszomajowy, to psy natychmiast ustawiają się w konwoju i pilnują ludzkiej kolumny. Gdy ktoś próbuje wyjść z szeregu, warczeniem zapędzają go z powrotem”. To nie legenda, lecz szczerą prawdą. Po jej wysłuchaniu już wiedziałem, że oto wreszcie mam swojego bohatera, którego długo szukałem, mam żywą istotę, gotową oddać życie za „archipelag”³.

Ten Archipelag dziś przybrał zdecydowane brunatno-czarne barwy, co też zresztą Władimow w owym wywiadzie dla nas — w lutym 1999, czyli jeszcze przed ostatecznym nadejściem Putina — przewidywał:

Solżenicyn mówi, że Rosja nie знаła faszystów i on nigdy się u nas nie przyjmie. Niemniej mamy już faszyzm. I w Rosji ma się on lepiej niż obalony komunizm. Komuniści już na pierwszy rzut oka są figurami raczej żalnymi. Widziałem niedawno Ziuganowa, polityka stosunkowo młodego, ale on myśli kategoriami starca... Ideologia komunistyczna już się wyczerpała, jej nosiciele to zgrzybiali starszaki biorący udział w śmiesznych i żalnych demonstracjach. Co innego nasz faszyzm, który jest atrakcyjny, ma siłę przyciągania. Faszyzm ma, by tak rzec, swą własną estetykę. Dobrze to rozumiał Hitler, dbający o formę, mundury, marsze i hymny. Nasi też to zrozumieli i przejęli. Młodzież garnie się do czarnych koszul ze swastykami, do muzyki, strzyże się na jedną modłę, chce się komuś podporządkować. Oni mają poczucie misji: „To na nas ciąży brzemię władzy w Rosji. To my powinniśmy oczyścić i wyzwolić Rosję”. Myślę, że będą się szykować do przejęcia władzy. A gdy my się ockniemy i zaprotestujemy, będzie już za późno. Dojdzie do prawdziwej wojny domowej. Żadną inną ideologią, żadną

³ *Płacić Rosję za Rosję... Rozmowa z Gieorgijem Władimowem*, w: G. Przebinda, *Zaułki Mistrza Wolanda*, Oficyna Literacka, Kraków 2000, s. 85–86. Wywiad jest dostępny pod adresem http://www.rubl.uj.edu.pl/pracownicy/fiszka.php?os=01_przebinda&jed=KKSW&opis=przeb_rzp21&w=1 (17.12.2022).

ironią i śmiechem faszyzmu zwyciężyć się nie da. Hitler przecież też był błaznem, który stał się Reichsführerem. Faszyzm można zwyciężyć tylko siłą, a tej siły dziś nikt w Rosji nie ma, ani nie mobilizuje⁴.

Takie oto tematy można było poruszać z Krystyną jeszcze do niedawna w Krakowie. Dzisiaj, poza wspomnianymi wyżej tekstami, szczególnie godna polecenia wydaje mi się jej ostatnia, syntetyczna książka *Historia zapisana w człowieku. Wybrane problemy wolnej literatury rosyjskiej*, wydana w 2008 w Krakowie.

Profesor Krystyna Pietrzycka-Bohosiewicz była wspaniałą wykładowczynią, która — idąc śladami innych naszych wielkich: Andrzeja Drawicza (1932–1997), Ryszarda Łuźnego (1927–1998), Ewy Korpały-Kirschak (1936–2011), Józefa Smagi (1937–2019), Jadwigi Szymak-Reifer (1931–2022) — wprowadzała w przestrzeń wolnej literatury rosyjskiej kolejne pokolenia rusycystów i polonistów. Będziemy ją pamiętać jako człowieka sprawiedliwego, dla którego literatura była aż do końca również nauką godnego życia.

⁴ Tamże, s. 94–95.

GENNADY F. KOVALOV (ГЕННАДИЙ Ф. КОВАЛЕВ)

<https://orcid.org/0000-0001-7708-0326>

МАРИНА МНИШЕК: ОБРАЗ ПОЛЬКИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

MARINA MNISZEK — THE IMAGE OF POLISH WOMAN IN RUSSIAN POETRY

Despite the constant feuds between Poland and Russia, Russian men have always appreciated the beauty of a Polish woman, and they are featured in Russian literature. Therefore, it is not surprising that Alexandr Pushkin turned his attention to a woman who played an ambiguous role in the history of Russia. This woman was Marina Mnishkek. Besides the fact that she became one of the main characters of the drama *Boris Godunov*, for the great Russian poet she was a symbol of female beauty, which allows us to learn the letters of the poet. Marina Tsvelaeva was in love with the image of Marina Mnishkek. However, she explained this by the fact that she turned out to be the namesake of a famous Polish woman, and even an admixture of Polish blood in her pedigree.

Keywords: Marina Mnishkek, Alexandr Puszkín, Marina Tsvelaeva

Несмотря на постоянные распри между Польшей и Россией, русские мужчины всегда ценили красоту польской женщины. Польские актрисы регулярно приглашались сниматься в российских фильмах, в русской литературе тоже отражена красота и характер польских женщин. Нет нужды говорить о том, как много написано в Польше о Марине Мнишек, достаточно хотя бы упомянуть поэмы замечательных польских поэтов Юлиуша Словацкого *Сказочная Марина Мнишек* и Зыгмунта Красиньского *Агай-хан*.

И в русской литературе о ней писали многие поэты. Александр Пушкин одним из первых обратил свое внимание на женщину, которая сыграла столь неоднозначную, даже роковую, роль в истории России. Этой женщиной была Марина Мнишек, четвертая дочь самборского воеводы Ежи Мнишка. Кроме того, что она стала одной из главных героев драмы *Борис Годунов*, она для великого русского поэта была символом женской красоты, о чем позволяют нам узнать откровенные письма поэта.

Пушкин обращал серьезное внимание на Марину Мнишек не только в связи с *Борисом Годуновым*. Его современница Александра О. Смирнова-Россет вспоминала:

Пушкин рассказал мне, что царевна Софья написала либретто для оперы *Русалка*. Он видел портрет ее, сделанный в Голландии, с подписью «Самодержица России». Пушкин смеялся над этим, говоря: «Какая самозванка! Она так же занимает меня, как и Марина Мнишек. Две честолюбивы с легкими нравами, одна русская, другая — полька; это два типа¹.

Да и на вопрос, почему он писал не об Иване Грозном, а о Борисе Годунове, Пушкин сознался: «Это личность весьма интересная. К тому же тема давала мне два типа: выскочки и авантюристки; да и Марина очаровала и соблазнила меня².

Мы склоняемся к мысли, что одним из реальнейших прообразов Татьяны Лариной в романе Пушкина *Евгений Онегин* была Екатерина Николаевна Раевская, ставшая затем женой генерала Орлова. Именно ее многие черты и создали пушкинский образ Татьяны. Поэт постоянно восхищался ее красотой. Он писал Петру А. Вяземскому, сравнивая красоту Марины Мнишек с красотой Раевской, что Марина «и собою преизрядна (вроде Катерины Орловой)» (7 ноября 1825 г.). И в другом письме к нему же (15 сент. 1825 г.): «Моя Марина <Мнишек> славная баба: настоящая Катерина Орлова!»³.

В неотправленном письме Николаю Н. Раевскому (1825 г.) Пушкин писал на французском о *Борисе Годунове*:

Меня прельщала мысль о трагедии без любовной интриги. Но, не говоря уж о том, что любовь весьма подходит к романическому и страстному характеру моего авантюриста, я заставил Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить ее необычный характер. У Карамзина он лишь бегло очерчен. Но, конечно, это была странная красавица. У нее была только одна страсть: честолюбие, но до такой степени сильное и бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, вкусив царской власти, опьяненная несбыточной мечтой, отдается одному проходивцу за другим, деля то отвратительное ложе жида, то палатку казака, [и] всегда готовая отдаться [тому] каждому, кто только может дать ей слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она смело переносит войну, нищету, позор, в то же время ведет переговоры с польским королем [как равная] как

¹ А. О. Смирнова-Россет, *Записки*, Московский рабочий, Москва 1999, с. 227.

² Там же, с. 262.

³ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 19 т.*, т. 14: *Переписка А. С. Пушкина за 1828–1831 гг.*, Воскресенье, Москва 1996, с. 483.

коронованная особа с равным себе, и жалко кончает свое столь бурное и необычайное существование. Я уделил ей только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если бог продлит мою жизнь. Она волнует меня как страсть. Она ужас до чего полька, как говорила [кузина г-жи Любомирской]⁴.

Историки, как правило, представляют отношения Марины Мнишек и Дмитрия Самозванца как политический театр:

Мы считаем, что Самозванец не любил Марину, а использовал ее как средство для достижения своих материальных и политических целей. Она была геополитической марионеткой католических иерархов и польских сановников для зондирования политической и экономической обстановки в Московии⁵.

Однако Пушкин, как истинный поэт, во главу угла трагедии *Борис Годунов* ставил не политику, даже не историю, а страсть, сжигающую любовную страсть, которая преодолевала межэтнические предрассудки, дипломатические ограничения, даже исторические закономерности или истины. Поэтому Пушкин строит сюжет не столько на истории государств или государственных интересов, сколько, вопреки логике — на любви и страсти. Поэтому он спокойно относился к критикам, которые утверждали,

[...] что Самозванец не должен был так неосторожно открыть тайну свою Марине, что это с его стороны очень ветрено и неблагоприятно — и тому подобные критические замечания...⁶.

С большим интересом Пушкин относился к проблеме имени вообще и имени в художественном произведении. В критической статье *Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов*, опубликованной под псевдонимом Феофилакт Косичкин, он анализировал:

Г-н Булгарин наказует лица разными затейливыми именами: убийца назван у него Ножовым, взяточник — Взяткиным, дурак — Глаздуриным и проч. Историческая точность одна не позволила ему назвать Бориса Году-

⁴ Там же, т. 7, с. 520.

⁵ Т. В. Дадиянова, А. Н. Редькина, *Марина Мнишек — геополитическая марионетка (польская трагическая героиня на подмостках русской истории, «Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны»* 2018, №2, с. 305.

⁶ Из письма Пушкина П. А. Плетневу, 1831 г. А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 19 т.*, т. 14, с. 412.

нова — Хлопоухиным, Димитрия Самозванца — Каторжниковым, а Марину Мнишек — княжною Шлюхиною; зато и лица сии представлены несколько бледно⁷.

Кстати, Фаддей (Тадеуш) Булгарин был поляком из перебежчиков.

Когда Пушкин писал *Бориса Годунова*, он в сюжете опирался на фрагменты из *Истории государства Российского*, о чем справедливо писал польский исследователь Богуслав Муха:

Нужно помнить, что в портрете Мнишек у Пушкина внедрились его образные ассоциации, связанные с национальным характером польки, неизбежно смыкающиеся с мнениями современных установившихся в памятниках, литературных произведениях, а также пониманием этого российским обществом⁸.

Однако, изображая Марину Мнишек, уже как лирическую и романтическую героиню, он все-таки писал ее по живому портрету другой женщины, овладевшей его сердцем, — знаменитой польской красавицы и сердцеедки — Каролины Собаньской⁹. Действительно, вряд ли Пушкин ранее видел портреты Марины Мнишек, хранившиеся в Петербурге и Москве, — ему достаточно было перенести все женские прелести живой Каролины Собаньской на создаваемый образ самозванки. Это подтверждается еще и тем, что фамилию Собаньский Пушкин сумел задействовать в *Борисе Годунове*: «Собаньский, шляхтич вольный». Кроме того, в первоначальной редакции драмы была сцена под названием «Уборная Марины», в которой происходил диалог Марины со служанкой по имени *Рузя* (по-польски — *Róża*):

Марина.

Он точно царский сын и признан целым светом.

Рузя.

А всё ж он был прошедшею зимой

У Вишневецкого слугой.

Марина.

Скрывался он.

⁷ А. С. Пушкин, *Собр. соч. в 10 т.*, т. 6. Книжный Клуб Книговек, Москва 2014, с. 78.

⁸ B. Mucha, *Samozwająca carowa Maryna Mnischówna w ocenie Aleksandra Puszkina (Komentarz historyczny do Borysa Godunowa)*, «Slavia Orientalis» 1988, t. XXXVII, № 3, с. 531–532. Пер. мой — Г.К.

⁹ Там же, с. 28–37.

Рузя.

Не спорю я об этом —
А только знаете ли вы,
Что говорят о нем в народе?
Что будто он дьячок, бежавший из Москвы,
Известный плут в своем приходе¹⁰.

А ведь имя для этой служанки поэт взял у той же Каролины (это ее второе имя — *Розалия*). Служанка нашептывала ей, что Дмитрий не царевич, а самозванец. Такой ход ослаблял образ Марины, получалось, что ее объяснение с Дмитрием спровоцировано служанкой. Поэтому в окончательном варианте этот диалог был отринут, а в окончательном тексте Марина уже говорит и действует вполне самостоятельно.

Естественно, что в Каролину были влюблены и посвящали стихи и Александр Пушкин, и Адам Мицкевич. Да, это была Каролина-Розалия-Текла Адамовна Собаньская (1794–1885) — дочь графа Адама Станислава Ржевуского, предводителя дворянства Киевской губернии, ставшего впоследствии сенатором, и Юстины Рдултовской, происходившей из старинного рода, старшая сестра Эвелины Ганской (второй жены Оноре де Бальзака), жена подольского помещика Иеронима Собаньского.

Пушкин впервые познакомился с ней в Кишиневе в доме губернатора Ивана Я. Бухарина 2 февраля 1821 года. И сразу же в рукописи поэмы *Кавказский пленник* появились ее портреты. Затем он часто посещал ее в Одессе. А 5 января 1830 года, уже в Петербурге, Пушкин записал в альбом Собаньской посвящение «Что в имени тебе моем...».

О влюбленности Пушкина говорят строки из его письма Каролине (2 февраля 1830 года):

Сегодня 9-я годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни. Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами — всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня лишь грызет мысль о счастье, которым я не сумел насытиться¹¹.

Пушкин утаивал от всех и даже от себя имя Каролины. В одном письме, тоже написанном в тот же день, он упоминает лишь «С.», в другом — называет ее Элеонорой (Элленорой):

¹⁰ А. С. Пушкин, *Собр. соч. в 10 т.*, т. 4..., с. 503.

¹¹ Там же, т. 9, с. 503.

Дорогая Элленора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне и жгучие чтения моих юных лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда, и ваше собственное существование, такое жестокое и бурное... Дорогая Эллеонора, вы знаете, я испытал на себе все ваше могущество. Вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и все, что есть в нем самого ошеломляющего. От всего этого у меня осталась лишь слабость выздоравливающего, одна привязанность, очень нежная, очень искренняя — и немного робости, которую я не могу побороть.

А вы, между тем, по-прежнему, прекрасны, так же, как и в день переправы или же на крестинах, когда ваши пальцы коснулись моего лба. Это прикосновение я чувствую до сих пор — прохладное, влажное. Оно обратило меня в католика¹².

Каролина Собаньска была на пять лет старше Пушкина. Но в жизни поэта была и еще одна полька, очень близкая Пушкину, еще старше. В ссылке в Михайловском Пушкин познакомился с семьей Вульф-Осиповых. Главой многочисленного семейства Вульф-Осиповых (сын и шесть дочерей!) была хозяйка Тригорского, вдова и Вульфа, и Осипова — Прасковья Александровна Осипова (1781–1859, урожденная Вындомская, точнее, как ранее был записан ее отец — Вымдонской). И вот как описывает Вульф-Осипову в пору ее первого замужества Анна Петровна Керн: «Это была замечательная пара. Муж нянчился с детьми, варил в шлафроке варенье, а жена гоняла на корде лошадей или читала Римскую историю...»¹³.

Впрочем, и так любимая в Одессе Пушкиным Елизавета К. Воронцова (1792–1880), тоже полька, урожденная графиня Браницкая, была на семь лет старше поэта.

А ведь было и... В 1817–1818 годы в Санкт-Петербурге и Царском Селе Александр Пушкин так и не смог пройти мимо статс-дамы графини Софьи Потоцкой и двух её красавиц-дочерей, Софьи и Ольги. Пушкин, только что закончивший Царскосельский лицей, увлекается Софией-младшей, но безответно. Затем в Новороссии навещает Потоцких, где сестры якобы рассказали ему легенду о Марии Потоцкой, жившей в ханском гареме и убитой из-за ревности, и о «Фонтане слез», построенном в ее честь в Бахчисарайском дворце. Вдохновленный, Пушкин пишет поэму *Бахчисарайский фонтан*. Еще раньше он пишет посвящен-

¹² Там же, с. 308.

¹³ А. П. Керн, *Воспоминания. Дневники. Переписка*, Художественная литература, Москва 1974, с. 102.

ное Ольге Потоцкой стихотворение *Черная шаль*, ставшее любимым романсом гусар. Существует даже версия, что семейная линия в романе *Евгений Онегин* списана с семейства Потоцких (с чем мы не можем согласиться¹⁴). Александр Пушкин, по его собственному признанию, в присутствии Софии-младшей испытывал «любовный бред». К сожалению, на остальное у поэта времени не хватило.

Отсюда видно, что для изображения характерной польки у Пушкина было накоплено довольно много разнообразного жизненного, а главное, чувственного материала.

В эпоху Пушкина из двух вариантов, обозначающих представительницу польского народа (*полька* и *полячка*), более популярен был *полячка*, поскольку этот дериват логично и в полном соответствии с русским словообразованием как бы продолжал этноним *поляк*. Соответственно и у Пушкина предпочтение отдаётся варианту *полячка*:

Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою *полячкой* унижаться (*Борис Годунов*).

Так же пишет и Петр А. Вяземский, который, хотя и сам бывал в Польше, и довольно сносно понимал польскую речь, все же употреблял не польское *полька*, а русское *полячка*:

Жена иль дочка комиссаржа
Полячка, — словом все сказал:
Тут и портрет и мадригал (*Станция*, 1825).

И редкий случай, когда в письме Пушкин употребил вариант, принятый в польском языке для обозначения женщины польского происхождения — *полька*. В письме Вяземскому (около 7 ноября 1825 г. Из Михайловского в Москву) по поводу окончания драмы *Борис Годунов* он писал: «На Марину у тебя <встанет> — ибо она *полька*, и собою преизрядна (вроде Катерины Орловой, сказывал это я тебе?)». Пушкин, видимо, в угоду исторической правде и нормам обыденного языка в художественных произведениях использовал этноним *полячка*, а в кругу людей образованных, имевших довольно частые контакты с многочис-

¹⁴ См. Г. Ф. Ковалев, *Пушкин. Ономастический комментарий*, Научная книга, Воронеж 2012, с. 77–98.

ленной польской колонией Петербурга, употреблял этноним *полька*.

Еще одно свидетельство современника:

В то время была еще другая невеста в Тифлисе, славящаяся своею красотою, искусством петь и танцевать, недавно прибывшая с отцом своим, *полька* Александрина Перфильева, 53)¹⁵.

Но, оказывается, что и друг Пушкина — Иван Пущин — вспоминал, пожалуй, о первой *польке*, с которой началась роковое влечение поэта к польским женщинам:

«Случалось, — вспоминал Жанно, — зайдет он ко мне. Вместо: «Здравствуй» я его спрашиваю: «от нее ко мне, или от меня к ней?» Уж и это надо вам объяснить, если пустился болтать. В моем соседстве, на Мойке, жила Анжелика — прелесть *полька*!¹⁶

Это была Анжелика Дембиньска, *полька*, она работала билетером в передвижном зверинце. Любовь поэта была недолгой (с середины августа до середины декабря 1818 г.), однако Александр Пушкин уже в 19 лет стал отцом мальчика, которого отдали на воспитание. Любовь была глубокой и страстной, вплоть до рождения ею ребенка от Пушкина в конце лета 1818 г.

В связи с сюжетом *Бахчисарайского фонтана* интересно свидетельство Никиты М. Муравьева-Апостола об историческом прототипе — грузинке, жене хана Керим-Гирея:

Странно очень, что все здешние жители непременно хотят, чтобы эта красавица была не грузинка, а *полячка*, именно какая-то Потоцкая, будто бы похищенная Керим-Гиреем. Сколько я ни спорил с ними, сколько ни уверял их, что предание сие не имеет никакого исторического основания и что во второй половине XVIII века не так легко было татарам похищать *полячек*, — все доводы мои оставались бесполезными¹⁷.

Ясно, что для Пушкина второй, польский вариант этнонима героини был гораздо интереснее и ближе.

¹⁵ Н. Н. Муравьев-Карский, Из «Записок» // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников, ред. В.Э. Вацуро, Москва 1980, с. 53.

¹⁶ И. И. Пущин, *Записки о Пушкине* // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников, ред. В.Э. Вацуро, т. 1, Художественная литература, Москва 1985, с. 92.

¹⁷ Н. М. Муравьев-Апостол, *Путешествие по Тавриде в 1820 г.*, Типография при Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, Санкт-Петербург 1823, с. 118–119.

Грамотно употреблял этот феминный польский этноним критик Виссарион Г. Белинский в своих *Основаниях русской грамматики* (1834–1837 гг.). Анализируя русские словообразовательные типы, он писал: «Из этого правила исключаются очень немногие, подобно следующим: *полякъ — полька* [...]»¹⁸. Дело в том, что этноним *Polka* сформировался не на базе этнонима *Polak*, как это может понять русский человек, а параллельно с этнонимом *Polak* от прилагательного и хоронима *polski/Polska*. Кстати, Владимир Набоков, комментируя пушкинское «красотки молодые», писал:

В беловых рукописях Пушкин колебался между «красотками» и «гетерами», или, как их отвратительно именовали тогда в Лондоне, «кипридами». По-русски приличного названия для этих девушек (многие из которых были из Риги или Варшавы) не существовало»¹⁹.

Поэтому понятно, что в пушкинское время этноним *полька* имел еще и дополнительное, весьма определенное значение. И даже век спустя это слово в России несло определенную дозу эротического мифологизма.

Эмма Герштейн описывала такую ситуацию с Осипом Э. Мандельштамом:

На одной площадке с Мандельштамами занимал квартиру писатель, у которого жила молодая домработница-*полька*. Подымаясь вместе с ней по лестнице, Осип Эмилевич уже не впервые разглядывал ее породистую красоту. Потом лежал на кровати, размышляя и торжественно подымая вверх указательный палец, говорил: «Это неспроста!» Он предполагал, что она вовсе не домработница и тут скрывается какая-то романтическая или политическая история²⁰.

Сравните, в стихотворении Мандельштама:

Девчонка, выскочка, гордячка,
Чей звук широк, как Енисей, —
Утешь меня игрой своей:
На голове твоей, полячка,

¹⁸ В. Г. Белинский, *Полное собрание сочинений*, т. II, Издательство АН СССР, Москва 1953, с. 620.

¹⁹ В. В. Набоков, *Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»*, Искусство-СПб, Набоковский фонд, Санкт-Петербург 1998.

²⁰ Э. Г. Герштейн, *Мемуары*, ИНАПРЕСС, Санкт-Петербург 1998, с. 45.

МАРИНА МНИШЕК...

Марины Мнишек холм кудрей,
Смычок твой мнителен, скрипачка
 *За Паганини длиннопальм 1935 г.*²¹

А вот восприятие польки Игорем Северяниным:

Так вот что значит школа бед! Подумать только!
Тот говорит: «Ты, точно прошлое, легка...»
Другой вздыхает: «Грациозна, словно полька...»
И лишь один молчит — один из сорока
 *Сорока, 1929 г.*²²

Но Пушкин — мужчина, его можно понять. А ведь и Марина Цветаева была тоже влюблена в образ Марины Мнишек... Правда, она объясняла это тем, что она оказалась тезкой знаменитой польки, да еще примесью польской крови в своей родословной.

Некоторые черты характера и привычки сама Цветаева приписывает польской крови: «Пристрастие мое к Шопену объясняется моей польской кровью, воспоминаниями детства и любовью к нему Жорж Санд»²³.

В *Повести о Сонечке* она очень тонко подчеркивает манеры, по которым определяется польская кровь:

Вы мне тогда, у Зои Борисовны, напомнили польскую панночку: на вас была такая (беспомощно) — курточка, что ли? Дымчатая, бархатная, с опушкой. Словом, кунтуш? И посадка головы — немножко назад. И взгляд — немножко сверху. Я сразу в вас почувствовал — польскую кровь²⁴.

Трогательно Марина Ивановна описывает польский крой платья из ткани, которая досталась ей по наследству:

И за первым, осевшим, коричневым, фаевым — прабабушки графини Ледоховской — прабабушкой графиней Ледоховской — несшитым, ее дочерью — моей бабушкой — Марией Лукиничной Бернацкой — несшитым, ее дочерью — моей матерью — Марией Александровной Мейн — несшитым,

²¹ О. Мандельштам, *Собрание сочинений в 4 т.*, т. 3, Арт-Бизнес-Центр, Москва 1994, с. 86–87.

²² И. Северянин, *Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы*, Наука, Москва 2004, с. 311–312.

²³ М. И. Цветаева, *Собрание сочинений в 7 т.*, т. 6, Эллис Лак, Москва 1994–1995, с. 342.

²⁴ Там же, т. 4, с. 343.

сшитым правнучкой — первой Мариной в нашем польском роду — мною, моим, семь лет назад, девичеством, но по крою — прабабушки: лиф как мыс, а юбка, как море [...] застегивает на все подробности его двенадцати пуговиц обтяжной лиф, расправляет, оправляет мельчайшие сборки пояса, провожает их рукой до огромных волн подола...²⁵.

Старое фото. Мария Лукинична Бернацкая в молодости

Цветаева хорошо знала историю польского народа. Одно из своих произведений она посвящает Марине Мнишек, а в тетрадях от 16 июня 1918 г. сделана запись, что в Польше есть почетная должность сторожа могилы.

К восприятию романтико-трагической судьбы Марины Мнишек у Цветаевой прибавился еще возвращенный поэтом именной миф. Вначале этот миф исходил от этимологии имени: Марина — морская. Гимном этому имени звучит ее стихотворение *Кто создан из камня, кто создан из глины* (23 мая 1920):

Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — брэнная пена морская²⁶.

Этимологизация собственного имени сквозит и в фрагменте из цикла стихотворений *Бабушка*» (23 апр. 1919 г.):

Маринушка, Маринушка,
Марина — синь моря!²⁷

Цветаева посвятила судьбе Марины Мнишек большое стихотворение (*Марина (Димитрий! Марина! 29–30 марта 1916)*), в котором эта «авантюристка» прославляется:

²⁵ Там же, с. 381–382.

²⁶ <https://rustih.ru/marina-cvetaeva-kto-sozdan-iz-kamnya-kto-sozdan-iz-gliny/> (2.12.2022).

²⁷ <https://cvetaeva.su/babushke> (2.12.2022).

МАРИНА МНИШЕК...

Марина! Царица — Царю,
Звезда — самозванцу!
Тебя пою,
Злую красу твою,
Во славу твою грешу
Царским грехом гордыни.
Славное твое имя —
Славно ношу

Правят моими бурями
Марина — звезда — Юрьевна,
Солнце — среди — звезд²⁸.

Имена обеих Марин прочно связались в поэтическом *credo* Цветаевой. Описывая вдохновение от московского пейзажа, фиксируемого поэтом в именах (Спас на Бору, Нечаянная Радость, фабрика Эйнем, Храм Христа, памятник Александру III — Царю-Миротворцу, Царю-Освободителю), она говорит: «И в ответ, вдохнов^{енный} и бессвяз^{ный} лепет о Марине: Марине — мне, Марине Ц^{ветаевой}, Марине Мнишек»²⁹.

О серьезности отношения Цветаевой к своей польской тезке свидетельствует такая запись, сделанная еще в 1921 г., в которой поэт оправдывает действия своей тезки: «Чего искала Марина Мнишек?.. Власти несомненно, но — какой? Законной или незаконной? [...] С грустью думаю, что искала она первой, но если бы я писала ее историю...» И завершила эту мысль Цветаева только в 1932 г., вписав: «[...] то написала бы себя, то есть не честолоубицу и не любовницу: себя — любящую и себя — мать. А скорее всего: себя поэта»³⁰.

Поэтому уже в позднейшем цикле первичный романтизм у поэта утратился. Теперь Марина-мать, Марина-супруга имела право сказать о своем кумире:

Трем Самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты — гордецу своему
Не родившая сына...
В простоволосости сна

²⁸ https://ru.wikisource.org/wiki/Димитрий!_Марина!_В_мире (2.12.2022).

²⁹ М. Цветаева, *Неизданные записные книжки*. В 2-х т., т. 2, Эллис Лак, Москва 2001, с. 273.

³⁰ М. И. Цветаева, *Собрание сочинений в 7 т.*, т. 4, Эллис Лак, Москва 1995, с. 593.

В гулкий оконный пролет
 Ты гордецу своему
 Не махнувшая следом.
 На роковой площади
 От оплеух и плевков
 Ты гордеца своего
 Не покрывая телом.
 В маске дурацкой лежал,
 С дудкой кровавой во рту,
 — Ты, гордецу своему
 Не отершая пота...
 Своекорыстная кровь! —
 Проклята, проклята будь
 Ты — Лжедмитрию смогшая быть Лжемариной!
 Марина, 28 апреля 1921³¹

Образы Марины Мнишек и Марины Цветаевой вполне естественно слились у великой Анны А. Ахматовой в единый:

Невидимка, двойник, пересмешник,
 Что ты прячешься в черных кустах,
 То забьешься в дырявый скворечник,
 То мелькнешь на погибших крестах,
 То кричишь из Маринкиной башни [...]
 «Я сегодня вернулась домой...» («Поздний ответ»)³²

Еще 4 мая 1914 г. Цветаева в своей записной книжке отмечает: «Если у меня будет еще дочь, я назову ее Мариной, или Зинаидой, или Татьяной. Если сын — Глебом, или Алексеем»³³. Позже, когда была беременна второй дочерью, она хотела сыну дать имя, парное Марине Мнишек: «Если бы у меня родился сын, я бы назвала его — Димитрий, а уменьшительное сделала бы — «Лже»»³⁴.

Ариадна Чернова-Сосинская, знакомая Цветаевой по Чехословакии, писала:

И так уж повелось: Марина Цветаева, или часто просто Марина, без фамилии. Цветаева любила свое имя, редкое в ее поколении. Ее всегда занимало значение имен, и собственное имя ей напоминало не святыцы, а гордую полячку (Марину Мнишек)³⁵.

³¹ <https://poemus.ru/marina-tsvetaeva/trem-samozvantsam-zhena> (2.12.2022).

³² https://vk.com/topic-148309_21692304 (2.12.2022).

³³ М. Цветаева, *Неизданные записные книжки...*, т. 1, с. 58.

³⁴ Там же, с. 154.

³⁵ А. Чернова-Сосинская, *В одном доме «на Смихове» // Воспоминания о Марине Цветаевой*, сост. Л. Мнухин, Л. Турчинский, Советский писатель, Москва 1992, с. 299.

Тотемное отношение к Марине Мнишек у Цветаевой, конечно же, шло и от имени, и от польских кровей (прапрадед Александр Бернацкий и прабабушка по материнской линии — графиня Мария Ледуховская). К этому же польскому роду принадлежала и бабушка (по матери) Мария Лукинична Бернацкая, о которой Цветаева писала: «От М.Л. Бернацкой <у меня> польский нос и мятеж»³⁶.

Правда, она находила свое сходство и с портретом прабабки: «О встрече с собой, живой — на портрете моей польской прабабки Гр<афини> Ледуховской — когда-нибудь расскажу. Сходство — до жути!»³⁷.

* * *

Многие русские поэты и писатели просто не могли обойти тему красоты польской женщины не только в своих произведениях, но и в письмах, обыденной жизни. Вот замечание Антона П. Чехова в аналогичной с пушкинской ситуации: «Барышень чёртова пропасть: белобрысые, черноморденькие, гречанки, русские, польки...»³⁸. Но восприятие Чеховым Марины Мнишек было весьма оригинально. В письме к националистически настроенному Александру С. Суворину (25 ноября 1889 г.) он отмечал:

Напрасно Вы бросили Марину Мнишек; из всех исторических б <...> она едва ли не самая колоритная. А что касается ее отношения ко всему русскому, то ведь на это начхать можно. Русские сами по себе, а она сама по себе, да и слишком она баба и мелка, чтобы придавать значение ее воззрениям³⁹.

Тем не менее, Чехов тоже старался правильно употреблять феминный этноним поляков: «Прибегаю к любезности хирурга, имевшего связь с англичанкой и двумя роскошными *польками*»⁴⁰.

Свой вклад в русскую «Мнишкиану» внес и Максимилиан Волошин. В стихотворении *Dmetrius-Imperator* он тоже пишет

³⁶ М. Цветаева, *Неизданные записные книжки*, т. 2, Эллис Лак, Москва 2001, т.2, с. 419.

³⁷ М. И. Цветаева, *Собрание сочинений в 7 т...*, т. 7, с. 244.

³⁸ А. П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем в 30 т.*, т. 3: *Письма*, Наука, Москва 1976, с. 58.

³⁹ Там же, с. 291.

⁴⁰ Там же, с. 293. Письмо П. Г. Розанову от 22 июля 1884 г.

о Марине Мнишек, причем, передавая текст как бы от имени Самозванца, и потому, прямо не указывая на этничность своей героини:

На московском венчанный престоле
Древним Мономаховым венцом,
С белой панной — с лебедью — с Мариной
Я — живой и мертвый, но единый —
Обручался заклтым кольцом....

А Марина в Тушино бежала
И меня живого обнимала,
И, собрав неслыханную рать,
Подступал я вновь к Москве со славой...
А потом лежал в снегу — безглавый —
В городе Калуге над Окой,
Умерщвлен татарами и жмудью...
А Марина с обнаженной грудью,
Факелы подняв над головой,
Рыскала над мерзлою рекой
И, кружась по-над Москвою, в гнев
Воскрешала новых мертвецов,
А меня живым несла во чреве...

И пошли на нас со всех концов,
И неслись мы парой сизых чаек
Вдоль по Волге, Каспию — на Яик, —
Тут и взяли царские стрелки
Лебеденка с Лебедью в силки
(19 декабря 1917, Коктебель)⁴¹.

REFERENCES

- Belinskiy, Vissarion Grigor'yevich. *Polnoye sobraniye sochineniy*. T. 2. *Stat'i i retsenzii. Osnovaniya russkoy grammatiki. 1836–1838*. Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953 [Белинский, Виссарион Григорьевич. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. *Статьи и рецензии. Основания русской грамматики. 1836–1838*. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1953].
- Chekhov, Anton Pavlovich. "Pis'mo Chekhovym ot 7 apr. 1887 g." *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem. Pis'ma*. T. 2. Moskva: Nauka 1974 [Чехов, Антон Павлович. "Письмо Чеховым от 7 апр. 1887 г." *Полное собрание сочинений и писем. Письма*. Т. 2. Москва: Наука 1974].
- Dadianova, Tamara Vladimirovna, and Red'kina, Anastasiya Nikolayevna. "Marina Mnishek — geopoliticheskaya marionetka (pol'skaya tragicheskaya geroinya na podmostkakh russkoy istorii)." *Vestnik Yaroslavskogo vysshego voyennogo*

⁴¹ <https://pishi-stihi.ru/dmetrius-imperator-voloshin.html> (2.12.2022).

- uchilishcha protivovozdushnoy oborony* 2018, no. 2: 305–311. [Даданова, Тамара Владимировна, и Редькина, Анастасия Николаевна. “Марина Мнишек — геополитическая марионетка (польская трагическая героиня на подмостках русской истории)” *Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны* 2018, № 2: 305–311].
- Kern, Anna Petrovna. *Vospominaniya. Dnevnik. Perepiska*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1974. [Керн, Анна Петровна. Воспоминания. Дневники. Переписка. Москва: Художественная литература, 1974].
- Kovalev, Gennadiy Filippovich. *Pushkin. Onomasticheskiy kommentariy*. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2012 [Ковалев, Геннадий Филиппович. Пушкин. Ономастический комментарий. Воронеж: Научная книга, 2012].
- Mucha, Bogusław. “Aleksander Puszkina i Karolina Sobańska.” *Przegląd Rusycystyczny* 1987, no. 10 (3–4): 21–37.
- Mucha, Bogusław. “Samozwancza carowa Maryna Mniszchowna w ocenie Aleksandra Puszkina (Komentarz historyczny do Borysa Godunowa).” *Slavia Orientalis* 1988, T. 37, no. 4: 529–536.
- Murav'yev-Apostol, Ivan Matveyevich. *Puteshestviye po Tavride v 1820 g.* Sankt Peterburg: pechatano v Tipografii, sostoyashchey pri Osobennyokantselyarii Ministerstva Vnutrennikh Del, 1823 [Муравьев-Апостол, Иван Матвеевич. Путешествие по Тавриде в 1820 г. Санкт Петербург: печатано в Типографии, состоящей при особенной Канцелярии Министерства Внутренних Дел, 1823].
- Murav'yev-Karskiy, Nikolay Nikolayevich. “Iz ‘Zapisok’ A. S. Griboyedov v vospominaniyakh sovremennikov.” Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1980 [Муравьев-Карский, Николай Николаевич. “Из ‘Записок’ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников.” Москва: Художественная литература, 1980].
- Pushkin, Aleksandr Sergeyevich. *Sobraniye sochineniy v 10 tomakh*. Moskva: GIKHL, 1959–1962 [Пушкин, Александр Сергеевич. Собрание сочинений в 10 томах. Москва: ГИХЛ, 1959–1962].
- Smirnova-Rosset, Aleksandra Osipovna. *Zapiski*. Moskva: Moskovskiy rabochiy, NPK “Intelvak”, 1999 [Смирнова-Россет, Александра Осиповна. Записки. Москва: Московский рабочий, НПК “Интелвак”, 1999].
- Tsvetayeva, Marina Ivanovna. *Sobraniye sochineniy v 7 t.* Moskva: Ellis Lak, 1994–1995 [Цветева, Марина Ивановна. Собрание сочинений в 7 т. Москва: Эллис Лак, 1994–1995].
- Tsvetayeva, Marina Ivanovna. *Neizdannoye. Zapisnyye knizhki. V 2 tomakh*. T. 2. Moskva: Ellis Lak, 2001 [Цветева, Марина Ивановна. Неизданное. Записные книжки. В 2 томах. Т. 2. Москва: Эллис Лак, 2001].

MAŁGORZATA UŁANEK

 <https://orcid.org/0000-0002-9599-6669>

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

OD POETYKI TYTUŁU DO STRUKTURY SENSU — O DWÓCH TYTUŁACH JEDNEGO OPOWIADANIA VLADIMIRA NABOKOVA

FROM THE POETICS OF THE TITLE TO THE STRUCTURE OF SENSE —
ON TWO TITLES OF ONE SHORT STORY BY VLADIMIR NABOKOV

The subject of the analysis in the article is V. Nabokov's short story *Catastrophe* which in the process of authorial translation into English received a new title — *Details of a Sunset*. Starting from the poetics of the title the following matters were considered: 1. creation of a hero in love — „half-god” Mark endowed with luminous attributes, connecting him with the mythical sphere (Eros, Amor), with the pre-beginning (Eden, the motif of childhood) 2. the category of the „sensitive narrator” — an involved observer of the events; 3. the oneiric sphere present in the short story referring to the myth, connected with the human drive towards higher values, with the eternal desire for happiness; 4. imagery and symbolics of the setting sun. It has been demonstrated that the mode of the sunset description and the alteration of the short story title allowed the author to accentuate axiological dimension of the literary work and thus set the relationship with the reader postulating a particular „elevation” to another level of understanding. Methodological inspirations for the present considerations were taken from Roland Barthes' reflections, who by evaluating *the word* in the discourse points towards its sense-generating function.

Keywords: Nabokov, *Catastrophe*, *Details of a Sunset*, hero in love, sensitive narrator, onirism

Покуда снится, снись, влюбленность,
Но пробуждением не мучь,
И лучше недоговоренность,
Чем эта щель и этот луч.

Напоминаю, что влюбленность
не явь, что метины не те,
что, может быть, потусторонность
приотворилась в темноте.

Владимир Набоков¹

¹ В. Набоков, *Влюбленность*, w: tegoż, *Стихи*, Азбука, Санкт-Петербург 2015, s. 295.

Temu, kto chce marzyć, powiedzieć trzeba: zacznij od tego, by być szczęśliwym. Wtedy marzenie zbiega się ze swym prawdziwym przeznaczeniem: staje się marzeniem poetyckim — dzięki niemu, w nim, wszystko staje się piękne.

Gaston Bachelard²

Vladimir Nabokov od dzieciństwa posługiwał się trzema językami: rosyjskim, angielskim oraz francuskim. Wprawdzie po wyjeździe z Rosji żył w wielu zakątkach świata, ale jego twórczość umownie można podzielić na dwa okresy³, których badawczym odzwierciedleniem jest dwutomowa monografia Briana Boyda⁴. Nieustający w poszukiwaniach „nowej” ojczyzny, swój pobyt w Cambridge i kontynentalnej Europie (1919–1940) Nabokov określa mianem „dobrowolnego wygnania”⁵. René Guerra zauważa, że dla pisarza to rok 1938 był przełomowy pod różnymi względami:

Время это — „пограничное” для писателя, это „эпоха” двух его последних романов, написанных по-русски (*Приглашение на казнь* и *Дар*), канун его переезда с семьей в Америку и преддверие решительной смены языка — не пройдет и трех лет, как появится его первый роман на английском *The Real Life of Sebastian Knight* (*Подлинная жизнь Себастьяна Найта*, 1941)... Набоков — на пороге своего сорокалетия, место на вершине русского прозаического Парнаса ему уже обеспечено. Он отлично знает себе цену, знает, что своих вершин здесь он уже достиг⁶.

Nina Berberowa podkreśla, że to właśnie twórczość Nabokova, jako jedynego z pisarzy rosyjskich, przynależącego jednocześnie do całego

² G. Bachelard, *Poetyka marzenia*, przekł., oprac. i posłowie L. Brogowskiego, słowo/obraz terytoria, Gdańsk 1998, s. 21.

³ Jest to rozróżnienie umowne, ponieważ, jak wiadomo, w ojczyźnie Nabokov spędził dzieciństwo i wczesne lata młodości. Od 1920 roku studiował w Cambridge, następnie wraz z rodziną emigrował do Berlina, a później do Francji. W latach 1940–1960 mieszkał w Stanach Zjednoczonych, po czym wyjechał do Szwajcarii, gdzie zmarł w 1977 roku. Inaczej badacze klasyfikują twórczość nowelistyczną pisarza, o czym pisze Leszek Engelking. Zob.: L. Engelking, *Chwyt metafizyczny. Vladimir Nabokov — estetyka z sankcją wyższej rzeczywistości*, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 2011, s. 41 (przypis nr 1).

⁴ B. Boyd, *Vladimir Nabokov: The Russian Years* i *Vladimir Nabokov: The American Years*, Princeton University Press, Princeton 1990.

⁵ V. Nabokov, *Pamięci, przemów. Autobiografia raz jeszcze*, przeł. z ang. A. Kołyszko, posłowiem opatrzył L. Engelking, MUZA SA, Warszawa 2004, s. 247.

⁶ Р. Геппа, «Когда мы в Россию вернемся...», Росток, Санкт-Петербург 2010, s. 202.

zachodniego świata, nadaje rangę całej emigracji rosyjskiej⁷. Tę przynależność autor *Daru* zaznaczył dużo wcześniej, zanim zaczął pisać po angielsku, jednak ówczesne „młode” pokolenie nie było przygotowane na pojawienie się w ich środowisku talentu tak wyjątkowego i znaczącego jakim był Nabokov⁸.

Język jego utworów — rosyjsko- i anglojęzycznych, okazuje się wyzwaniem dla tłumaczy, jak też interesującym materiałem dla badań naukowych. Sam Nabokov to autor prac dotyczących translatoryki⁹ oraz tłumacz: przełożył na język rosyjski m.in. *Alicję w Krainie Czarów*, a na język angielski *Eugeniusza Oniegina*. Jego mała proza została w całości przetłumaczona na język angielski w większości przez samego pisarza oraz jego syna Dymitra.

W 1924 roku Nabokov napisał opowiadanie *Камастрофа*. Praca nad przekładem tekstu na język angielski pozwoliła mu dokonać ważnej modyfikacji: „ohydny tytuł” utworu („одиозное заглавие”¹⁰)

⁷ Н. Берберова, *Курсив мой: Автобиография*, предисл. А. Кузнецовой, АСТ: Астрель, Москва 2010, s. 402.

⁸ „Вечера чтений Набоковым своих вещей обычно происходили в старом и мрачном зале Лас-Каз, на улице Лас-Каз. [...] В задних рядах «младшее поколение» (то есть поколение самого Набокова), не будучи лично с ним знакомо, но, конечно, зная каждую строку его книг, слушало холодно и утрюмо. «Сливки» эмигрантской интеллигенции (средний возраст 45–50 лет) принимали Набокова с гораздо большим восторгом в то время. Позже были жалобы, особенно после *Приглашения на казнь*, что он стал писать «непонятно». Это было естественно для тех, кто был совершенно чужд западной литературе нашего столетия, но было ли наше столетие — их столетием? Что касается «младших», то, сознаюсь, дело это далекого прошлого, и пора сказать, что для их холодности (если не сказать враждебности) было три причины: да, была несомненная зависть — что скрывать? — особенно среди прозаиков и сотрудников журнала „Числа”; был также дурной вкус, все еще живучий у «молодых реалистов» (не называю имен); и наконец была печальная неподготовленность к самой возможности возникновения в их среде чего-то крупного, столь отличного от других, благородного, своеобразного, в мировом масштабе — значительного, в среде всеевропейских Башмачкиных”. Н. Берберова, *Курсив мой...*, s. 400–401. Wszystkie wyróżnienia w cytatach, z wyjątkiem miejsc zaznaczonych, autorki artykułu.

⁹ Nabokov jest autorem artykułów poświęconych sztuce przekładu: *The Art Of Translation. On the sins of translation and the great Russian short story* („The New Republic” 1941) oraz *Problems of translation: „Onegin” in English* („Partisan Review” 1955).

¹⁰ Zob. komentarz pisarza, dotyczący niniejszego opowiadania. В. Набоков, *Полное собрание рассказов*, сост. А. Бабинов, предисл. Д. Набоков, Азбука, Санкт-Петербург 2013, s. 696.

zmieniony został na *Details of a Sunset* (angielskie tłumaczenie ukazało się po raz pierwszy w roku 1976)¹¹. Argumentując swoją decyzję, pisarz podał trzy zalety takiego zabiegu:

[...] во-первых, оно [новое название — М.У.] отвечает тематическому фону рассказа, во-вторых, определенно озадачит тех читателей, которые привыкли „пропускать описания”, и, в-третьих, разъярит рецензентов¹².

Intencja autorska zawarta w tej wypowiedzi, a przede wszystkim zmiana tytułu utworu to punkt wyjścia dla niniejszych rozważań. Opowiadanie znalazło się w polu zainteresowania wielu znawców twórczości Nabokova, takich jak Marina Turkevich Naumann¹³, Brian Boyd¹⁴, Julian W. Connolly¹⁵, Maxim D. Shrayer¹⁶, Leszek Engelking¹⁷, Anna Ginter¹⁸ i in.¹⁹ Nie sposób szczegółowo omówić wskazanych studiów, jednak kluczowe wydaje się w nich wieloaspektowe ujęcie problemu dwupłaszczyznowości kreowanego w utworze świata oraz zaakcentowanie dysproporcji pomiędzy rzeczywistością a wewnętrznym światem pragnień człowieka. Wychodząc od poetyki tytułu, proponujemy poddać namysłowi następujące kwestie: 1) kreację zakonchanego bohatera jako człowieka szczęśliwego; 2) kategorię „czulego

¹¹ Opowiadanie zostało przetłumaczone z języka angielskiego na język polski przez Teresę Truszkowską (*Szczegółowy opis zachodu słońca*) oraz Michała Kłobukowskiego (*Detale zachodu słońca*).

¹² В. Набоков, *Полное собрание рассказов...*, s. 696.

¹³ M. T. Naumann, *Blue Evenings in Berlin. Nabokov's Short Stories of the 1920s*, New York University Press, New York 1978, s. 181–193.

¹⁴ B. Boyd, *Vladimir Nabokov: The Russian Years*, Princeton University Press, Princeton 1990, s. 232.

¹⁵ J. W. Connolly, *Nabokov's Early Fiction. Patterns of Self and Other*, Cambridge University Press, New York 1992, s. 16–20.

¹⁶ M. D. Shrayer, *The World of Nabokov's Stories*, University of Texas Press, Austin 1999, s. 24–26.

¹⁷ L. Engelking, *Chwyt metafizyczny...*, s. 46–50.

¹⁸ A. Ginter, *Nabokowski sposób dotykania rzeczywistości: gra światła i barw w opowiadaniu „Detale zachodu słońca”*, „Studia Językoznawcze” 2015, t. 14, s. 83–91.

¹⁹ Zob. także: О.А. Титов, *Роль сказочного интертекста в содержательной структуре рассказа В.В. Набокова «Катастрофа»*, „Ярославский педагогический вестник” 2016, nr 4, s. 194–198; О.А. Титов, *Семантика собственных имен в рассказе В. В. Набокова «Катастрофа»*, „Вестник КГУ им. Некрасова” 2016, nr 5, s. 204–208; Н.И. Шिताкова, *Особенности функционирования сновидения в творчестве В. Набокова и Г. Газданова: сон как одна из реализаций воплощения истинной реальности*, „Филологические науки. Вопросы теории и практики” 2013, nr 4, ч. 1, s. 221–224.

narratora”; 3) obecną w opowiadaniu sferę oniryczną; 4) metaforyczny i symboliczny wymiar motywu zachodzącego słońca. Materiał analityczny naszych dociekań stanowi pierwsza rosyjskojęzyczna wersja opowiadania. Inspiracje metodologiczne czerpiemy z refleksji Rolanda Barthesa, który wartościując *słowo* w dyskursie wskazuje na jego sensotwórczą funkcję:

Każdy dyskurs, w którym słowo prowadzi ideę, można nazwać „poetyckim” (nie jest to termin waloryzujący): jeśli kochasz słowa tak bardzo, że im ulegasz, wymykasz się prawu znaczonego, *écriture*. Jest to dosłownie dyskurs oniryczny (nasz sen chwyta słowa przechodzące mu przed nosem i układa z nich opowieść)²⁰.

W takim ujęciu słowo („znak wyobraźniowy”) tworzy dyskurs oniryczny, kreuje opowiadanie, obraz, wyobrażenie — „tekst Wyobraźni”²¹. W opowiadaniu *Каматпофя*²²/*Details of a Sunset* każde słowo i każdy przywoływany detal wydają się znaczące, stąd sugestia pisarza kierowana do odbiorcy każdego utworu literackiego: „Czytając, powinniśmy dostrzegać i pieścić szczegóły”²³; „Musimy wszystko widzieć i wszystko słyszeć, musimy wyobrażać sobie pomieszczenia, stroje, sposób zachowania ludzi powołanych przez autora do życia”²⁴, wszakże to właśnie w detalach, zdaniem Nabokova, ujawnia się to, co w sztuce najważniejsze²⁵.

ZAKOCHANY BOHATER JAKO CZŁOWIEK SZCZĘŚLIWY W PRZEDEDNIU KATASTROFY

Biorąc pod uwagę autorski apel o czytelniczną wyobraźnię i o to, by nadać odpowiednią wagę prozatorskim opisom, w tym właśnie de-

²⁰ R. Barthes, *Roland Barthes*, przeł. T. Swoboda, słowo/obraz terytoria, Gdańsk 2011, s. 164.

²¹ R. Barthes, *Wykład*, przeł. T. Komendant, „Teksty” 1979, nr 5 (47), s. 26.

²² Dla spójności językowej w niniejszym artykule będziemy posługiwać się dosłownym tłumaczeniem tytułu rosyjskiego — *Katastrofa*.

²³ V. Nabokov, *Dobrzy czytelnicy i dobrzy pisarze*, w: tegoż, *Wykłady o literaturze*, przeł. Z. Batko, MUZA SA, Warszawa 2005, s. 33.

²⁴ Tamże, s. 37.

²⁵ „Sam obiekt opisu może być mało subtelny i odpychający, ale zostaje przedstawiony z uwzględnieniem wszelkich niuansów, w sposób wyważony i harmonijny. To jest sztuka. To jedyna rzecz, jaka naprawdę się liczy”. V. Nabokov, *Wykłady o literaturze...*, s. 199.

talom, obejmijmy okiem wyobraźni protagonistę opowiadania *Katastrofa* — „szczęściarza” Marka Standfussa, wracającego do domu po świętowaniu z przyjaciółmi swoich zaręczyn. Pierwotny tytuł opowiadania jest bez wątpienia zapowiedzią tragedii: finał utworu ukazuje śmierć bohatera dnia następnego, o zachodzie słońca. Tytułowa katastrofa dokonuje się w dwóch wymiarach. Leszek Engelking zauważa, że śmierć to dla zakochanego Marka szczęśliwe zrzęczenie losu wobec tego, co go czeka — wiadomości o zdradzie ukochanej Klary²⁶ — wobec „katastrofy emocjonalnej”²⁷, jeśli przywołać określenie Mariny Turkevich Naumann. Śmierć wydaje się łagodniejsza niż postępowanie kobiety, zawiadamiającej narzeczonego w liście o zerwaniu zaręczyn. Istotnym szczegółem okazuje się to, że wyjątkowo tego dnia Mark postanawia nie wstępować do domu (gdzie czeka na niego wspomniana wiadomość), by kolejny raz uczcić z kolegą Adolfem²⁸ swoje przyszłe małżeństwo. Nieświadomy decyzji ukochanej, w poczuciu szczęścia i odwzajemnionej miłości Mark ginie potrącony przez autobus. Jednak *Katastrofa* nie jest historią o śmierci czy dramacie miłosnym, to opowieść o człowieku szczęśliwym i o miłości transcendującej przykrą, nieciekawą rzeczywistość. Rozpocznijmy zatem analizę od znaczących określeń, które odnoszą się do protagonisty opowiadania:

Сквозь темный блеск шел он домой — Марк Штандфусс, приказчик, полубог, светловолосый Марк, счастливiec в высоком крахмальном воротнике. Над белой полоской, сзади, волосы кончались смешным неподстриженным хвостиком, как у мальчика (s. 124).

Ta krótką, lecz jakże niejednoznaczna prezentacja bohatera, bo łącząca znaczenia dosłowne i metaforyczne, pozwala na sformułowanie dwóch zasadniczych spostrzeżeń. Po pierwsze, istotne wydaje się sąsiedztwo dwóch różnych leksemów „приказчик” i „полубог”, drugi z nich nie jest przypadkowy i apeluje już nie do wyobraźni, lecz czytelnika.

²⁶ L. Engelking, *Chwyt metafizyczny...*, s. 47.

²⁷ M. T. Naumann, *Blue Evenings in Berlin...*, s. 184.

²⁸ Znamienne, że w obrazie Adolfa — przyjaciela Marka, ujawniają się atrybuty wiążące tę postać z siłą nieczystą, z diabłem (proces kuszenia, laska przypominająca „ogon”, imię Ад-ольф aktualizują topos piekła): „Оба остановились, пожали друг другу руки, и Марк плечом толкнул дверь в прохладную пустоту. — Куда ты? Плюнь... вместе закусим где-нибудь. Адольф лениво опирался на трость, как на хвост. — Плюнь, Марк...” В. Набоков, *Катастрофа*, w: tegoż, *Полное собрание рассказов...*, s. 127. Wszystkie cytaty z utworu *Katastrofa* pochodzą z tego wydania i w tekście będą oznaczane w nawiasie z podaniem strony.

niczej pamięci kulturowej. „Półbóg” to, jak wiadomo (kompetentnym czytelnikom), określenie, którego w *Uczcie* Platona używa Diotyma, konceptualizując status Erosa istniejącego „pomiędzy”²⁹. W nawiązaniu do tej koncepcji Emmanuel Lévinas wyjaśnia, że ów status wyraża „separację” i „pragnienie”: separację „od”, pragnienie innego³⁰. Jak zobaczymy dalej, „erotyczne” te atrybuty w opowiadaniu Nabokova określają egzystencjalną sytuację bohatera, sam zaś status metaforycznego „półboga” przerzuca tę sytuację w wymiar mitu, chodzi tym samym nie o bezpośrednią warstwę semantyczną, lecz o „myślenie z wnętrza metafory” w ramach szeroko pojętego „procesu metaforycznego”, który w analizowanym utworze odgrywa ważną rolę³¹. Po drugie, także atrybuty bohatera związane ze światłem oraz jego chłopięcą powierzchowność mogą wywoływać skojarzenia z Amorem, który u Apulejusza jawi się jako istota najłagodniejsza i najśłodsza, promieniejąca blaskiem, wrażliwa na piękno i obdarzająca miłością³². Kolejne wyeksponowanie tych cech Marka, a zwłaszcza jego miłującego spojrzenia na świat odnajdujemy w innym fragmencie opowiadania, podczas przedśmiertnej podróży protagonisty:

Сидя в трамвае, он мягко, с любовью, разглядывал своих спутников. Лицо у него было такое молодое, с розовыми прыщиками на подбородке, счастливые, светлые глаза, неподстриженный хвостик в лунке затылка... Казалось, судьба могла бы его пощадить (128).

Poza wskazanymi mitycznymi asocjacjami, do których wypadnie powrócić, istotne znaczenie posiada zakorzenienie Marka w dzieciństwie, markowane m.in. przez chłopięcy kosmyk włosów. Nabokov przypisywał szczególną rolę dzieciństwu, traktował je jako stan har-

²⁹ Platon, *Uczta*, w: tegoż, *Eutyfron, Obrona Sokratesa, Kriton, Fedon, Uczta*, przeł., wstępami i objaśnieniami opatrzył W. Witwicki, posłowie M.A. Wesoly, Zielona Sowa, Kraków 2007, s. 274.

³⁰ E. Lévinas, *The Trace of the Other*, transl. A. Lingis, w: Mark C. Taylor (red.), *Deconstruction in Context. Literature and Philosophy*, University of Chicago Press, Chicago 1986, s. 350–351.

³¹ O związku pomiędzy metaforą a mitem zob.: P. Ricoeur, *La métaphore vive*, Éditions du Seuil, Paris 1975, s. 311. Według Ricoeura metafora jest taką strategią dyskursu, dzięki której wypowiedź traci swoją funkcję bezpośredniego opisu, by „wzniesić się na poziom mityczny”. Por. także „metafora heliotropiczna” u Ricoeura (s. 367). Wyrażam wdzięczność pani prof. dr hab. Marii Cymborskiej-Lebodzie za cenną sugestię oraz przekład kluczowych fragmentów książki Ricoeura z języka francuskiego.

³² *Apulejusza „Amor i Psyche”*, przetłumaczył, rozebrał i objaśnił M. Kawczyński, Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 1901, s. 13–15.

monijny i namiastkę wieczności, uważał, że dopiero świadomość budząca się niczym „ciąg przerywanych błysków” uzmysławia człowiekowi upływ czasu³³. Dostrzegał przy tym wagę dziecięcej wyobraźni będącej źródłem marzycielskich i subtelnych wrażeń, toteż nazywał dzieciństwo „okresem geniuszu”, „edenem doznań wizualnych i dotykowych”, bogactwem, do którego można bez trudu sięgać i ów plastyczny obraz wskrzeszać³⁴. Oto dlaczego zakochany i radosny Mark w opowiadaniu pisarza rozłacza aurę szczęścia i miłości, a w swej chłopięcej beztrosce postrzega otaczającą go rzeczywistość przez pryzmat marzenia, które spełnia się na jawie: „О, как я счастлив, — думал Марк, — как все чувствует мое счастье” (s. 127); „От счастья, от вечерней прозрачности чуть кружилась голова” (s. 127). Stan zakochania wprowadza bohatera nie tylko w inny wymiar postrzegania świata, lecz także jego przeżywania, zgodnie z twierdzeniem Gastona Bachelarda, „Marzący marzyciel obecny jest w swym marzeniu”³⁵; „Marzę świat, więc świat istnieje tak, jak go marzę”³⁶. Właściwie świat, w którym żyje Mark, to swego rodzaju ziemski Eden otwierający przed nim perspektywę nieustającego szczęścia upatrywanego we wspólnym życiu z Klarą:

Сегодня друзья чествовали пивом и песнями Марка и рыжую, бледную Клару, а через неделю будет их свадьба, и потом до конца жизни — счастье и тишина, и ночью рыжий пожар, рассыпанный по подушке, а утром — опять тихий смех, зеленое платье, прохлада оголенных рук (s. 124).

Stan szczęśliwości, specyficznego „uniesienia” protagonisty utrzymuje się od pierwszych sekwencji tekstu do końca, przy czym można tu mówić o trzech przyczynach wywołujących odczucie ekstazy: chwilowe upojenie alkoholowe, sama miłość (która zresztą pozbawia rozsądku również Klarę³⁷), wizje doświadczane po wypadku/przed

³³ V. Nabokov, *Pamięci, przemów. Autobiografia raz jeszcze...*, s. 18–19.

³⁴ O potencjale wyobraźni, jaki kryje w sobie dzieciństwo, Nabokov pisał m.in. w autobiografii: „Jakiż mały jest kosmos (zmieściłby się w torbie kangurzyca), jakiż wąty i lichy w porównaniu z ludzką świadomością, z jednym naszym wspomnieniem i jego ujęciem w słowach! Być może przesadnie hołubię swoje najwcześniejsze wrażenia, ale też mam powody do wdzięczności”. Tamże, s. 21.

³⁵ G. Bachelard, *Poetyka marzenia...*, s. 172.

³⁶ Tamże, s. 180.

³⁷ Matka Klary trzykrotnie powtarza, że córka zachowuje się irracjonalnie, stara się tym samym usprawiedliwić jej zachowanie i zerwanie zaręczyn z Markiem: „Она сегодня как безумная. Вернулся тот жилец, — помните, рассказывала? И Клара потеряла голову. Да, сегодня утром... Она не хочет больше

śmiercią. Ten stan miłosnej euforii, jak pisze Maxim Shrayer, oddziałuje na zmysły zakochanego, przyczyniając się do „ubarwiania” rzeczywistości³⁸ oraz, dodajmy, niedostrzegania „znaków” zapowiadających tragedię. Przykładem może być reakcja bohatera na niejednoznaczne zachowanie Klary: „На днях, когда он [Марк — М. У.] рассказывал ей о том, как они уютно и нежно будут жить, она неожиданно расплакалась. Конечно, Марк понял, что это слезы счастья [...]” (s. 126). Za antycypację katastrofy uznać można i inne sygnały, obrazy ją zwiastujące: czarny, garbaty cień podążający za bohaterem, czarny wigwam, meblowozy, przypominające ogromne trumny, żyrandole podobne do czarnych pajaków³⁹, sen o ojcu nieboszczyku. Natomiast szkielet małżeńskiego łoża oraz lipa rzucająca cień w postaci gigantycznych czarnych serc stanowią wyraźną zapowiedź dramatu miłosnego. Zakochany Mark/Amor, o cechach półboga, istniejący pomiędzy światem „zwykłych ludzi” i mitycznych bogów, postrzega rzeczywistość poprzez pryzmat przeżywanej miłości, to ona kreuje jego świat szczęśliwości. Miłość bowiem, jak pisze Leszek Kołakowski, będąc „głodem zjednoczenia doskonałego” i doświadczeniem, które „zawsze jest wyniesione poza empiryczne swoje umiejscowienie”, „spełnia się tylko w ostatecznościach mitu”; jest ruchem otwierającym się na obszar i wymiar mityczny⁴⁰. Wolno sądzić, że z takim właśnie przeżywaniem miłości, zawierającym „przecucie spełnienia absolutnego”⁴¹, mamy do czynienia w opowiadaniu Nabokova, w wykreowanej sytuacji jego „półboskiego” bohatera, reprezentującego postawę afirmacji miłości i usytuowanego we własnym

видеть никогда вашего сына... Вы ей подарили материю на платье, будет возвращено. И вот — письмо для Марка. Клара с ума сошла. Я не знаю...” (s. 127).

³⁸ „He holds his fiancée, Klara, in an idealized realm while refusing to take heed of his mother’s warnings that Klara is not to be trusted. Mark perceives the world around him as colored by his beloved’s presence”. M.D. Shrayer, *The World of Nabokov’s Stories...*, s. 25.

³⁹ Zob. fragmenty opowiadania *Katastrofa*: „Посреди площади — черный вигвам, красный огонек: починают рельсы” (14); „А за черным забором, в провале между домов, был квадратный пустырь: там, что громадные гроба, стояли мебельные фургоны. [...] Дубовые баулы, верно, да люстры, как железные пауки, да тяжкие костяки двухспальной кровати. Луна обдавала их крепким блеском. А слева, на задней голой стене дома, распластались гигантские черные сердца — увеличенная во много раз тень липы, стоявшей близ фонаря на краю тротуара” (125).

⁴⁰ L. Kołakowski, *Obecność mitu*, Prószyński i S-ka, Warszawa 2005, s. 74.

⁴¹ Tamże, s. 75.

Edenie, związanym z prapoczątkiem (motyw dzieciństwa i metaforyka „boskiego” pochodzenia), harmonią, z odwiecznym pragnieniem szczęścia. Przypomnijmy, egzystencjalny ten problem pojawia się wcześniej w rosyjskim symbolizmie — w poezji i refleksji Wiaczesława Iwanowa, zgodnie z którą człowiek szuka „prawdziwego szczęścia”, lecz w świecie ułudy i ulotnych zjawisk osiągnąć go nie może⁴²; jego realizacja pozostaje w ścisłej więzi z dążeniem do doskonałości i pełni („совершенство и полнота”)⁴³, z aktualizacją rajskiego mitu. U Nabokova w tym powszednim świecie szczęście również nie jest możliwe. Stąd w pełni szczęśliwy, „promieniujący miłością” Mark nie pasuje do pospolitej rzeczywistości, w której żyją inni — sceptyczni i nierozumiejący jego entuzjazmu „mieszkańcy dnia”, którzy „rzadko spoglądają wzwyż”⁴⁴. Istnieje on ponad tą codziennością czy też ponad świadomością przeciętną, jeśli posłużyć się określeniem Nikołaja Bierdiajewa⁴⁵.

Kwestia braku zrozumienia jest w opowiadaniu niezwykle istotna, sygnalizowana w tekście wielokrotnie. Tak, na przykład, Mark uświadamia sobie, że również matka nie może pojąć jego szczęścia („Оставь... Ты ничего не понимаешь...”, s. 126). Nabokov odsłania tym samym „zaburzenia” w sferze komunikacji międzyludzkiej, wynikające z niemożności pojmowania cudzego szczęścia i samej jego istoty. Pisarz tematyzuje ten ważny problem w powieści *Patrz na te arlekiiny*, m.in. wtedy, gdy jej protagonista Wadim, poeta⁴⁶, próbuje wyjaśnić swej ukochanej Iris, nie znającej języka rosyjskiego, w czym tkwi sens zakochania:

Napominaju, przypominam, że wlublonnost’ nie jest w pełni rozbudzoną rzeczywistością, że jawi się w zupełnie innych barwach (na przykład prążkowany księżycem sufit, polosatuj ot łuny potłok, nie tworzy takiej samej rzeczywi-

⁴² В. Иванов, *Собрание сочинений*, т. 3, Д. В. Иванова, О. Дешарт (red.), Foyer Oriental Chrétien, Брюссель 1979, s. 128.

⁴³ Zob.: М. Сymborska-Leboda, „Рай незабывчивой души” и „христианская истина о человеке”: „Eden” Вячеслава Иванова, „Slavia Orientalis” 2018, № 2, s. 215–229.

⁴⁴ Takie określenie („[...] for day people seldom look up”) pojawia się w anglojęzycznej wersji opowiadania. V. Nabokov, *Collected Stories*, Penguin Books, London 2016, s. 94. Powyżej w tekście posługujemy się tłumaczeniem M. Kłobukowskiego. V. Nabokov, *Detale zachodu słońca...*, s. 134.

⁴⁵ Por.: „средне-нормальное обыденное сознание” w refleksji N. Bierdiajewa. Н. Бердяев, *Философия свободного духа*, Республика, Москва 1994, s. 73.

⁴⁶ Autor wiersza, fragment którego przytoczono jako motto dla niniejszych rozważań.

stości jak sufit za dnia) i że może przyszłe życie stoi nieco uchylone w ciemnościach⁴⁷.

Bariera językowa nie jest tu oczywiście kluczowa. Iris nie kocha Wadima, podobnie jak Klara nie kocha Marka. Analogiczną sytuację obserwujemy w utworze *Благость* (1924): także tu pojawia się problem nieodwzajemnionej miłości oraz braku czułości i empatii u ukochanej głównego bohatera — artysty⁴⁸. Bohaterki Nabokova nie mogą zrozumieć, czym jest stan zakochania, ponieważ istnieją poza sferą miłości i czułości; zrozumieć tego, jak w przypadku Marka, stanu zawieszenia „pomiędzy” snem i jawą, nazywanego powyżej „nie w pełni rozbudzoną rzeczywistością”. Znamienne, że w *Katastrofie* wrażliwość i współczucie wykazuje narrator — zaangażowany obserwator wydarzeń: „Казалось, судьба могла бы его пощадить” (s. 128). Ten narratorsko-odautorski punkt widzenia, anonsujący tytułową tragedię, akcentuje bezlitosność losu wobec Marka. Narrator poniekąd dystansuje się od „przeciętnego”, strywalizowanego myślenia dotyczącego wizji ziemskiego szczęścia, przypominającej bajkowy⁴⁹ *happy end*: „[...] через неделю будет их свадьба, и потом до конца жизни — счастье и тишина [...]” (s. 124). Taki model narracji pozwala ocenić wyjątkowość postaci i niezwykłość świata, w którym ona żyje. Według Nabokova właśnie takie światy powinny być uznane za istotną wartość:

Oczywiście jest rzeczywistość przeciętna, postrzegana przez wszystkich, ale nie jest to prawdziwa rzeczywistość — jest ona jedynie rzeczywistością idei ogólnych, konwencjonalnych form powszedniej rutyny [...]. Jednak paradoks polega na tym, że rzeczywiste, autentyczne są oczywiście tylko te światy, które wydają się niezwykle⁵⁰.

⁴⁷ V. Nabokov, *Patrz na te arlekiny*, przeł. A. Kołyszko, posłowiem opatrzył L. Engelking, MUZA SA, Warszawa 2015, s. 35.

⁴⁸ Nieodwzajemniona miłość powoduje, że bohater odnajduje szczęście w innym wymiarze — w czułym spojrzeniu na otaczającą rzeczywistość i współodczuwaniu, „zestrojeniu ja” ze światem. Zob.: M. Ułanek, „Czułość świata” w opowiadaniu „Благость” Vladimira Nabokova, w: I. Malej, A. Matusiak, A. Paszkiewicz (red.), *Modernizm(y) słowiański(e) w anturazie czułości*, ATUT, Wrocław 2021, s. 171–180.

⁴⁹ Oleg Titow odnajduje w *Katastrofie* elementy bajki magicznej i, wedle badacza, to Klara związana jest z zaświatami, z bajkową czasoprzestrzenią. Zob.: O.A. Титов, *Роль сказочного интертекста...*, s. 194–198.

⁵⁰ V. Nabokov, *Własnym zdaniem*, przeł. M. Szczubiałka, ALETHEIA, Warszawa 2016, s. 132.

OD KATASTROFY DO *HELIOFANII*:

„PÓLBÓG”, CZYLI STATUS BOHATERA MIĘDZY DWOMA ŚWIATAMI

Bispacjalność świata przedstawionego u Nabokova⁵¹, o której pisano wielokrotnie⁵², służy wartościowaniu sfery związanej z potencjałem wyobraźni — to wymiar marzeń, snów, wspomnień, to świat projektowany w świadomości człowieka wrażliwego. W opowiadaniu *Katastrofa* już początkowy fragment ukazuje lustrzaną dwoistość światów: „В зеркальную мглу улицы убегал последний трамвай, и над ним, по проволоке, с треском и трепетом стремилась вдаль бенгальская искра, лазурная звезда” (s. 124). Ponadto efekt dualizmu wzmocniony zostaje poprzez wiele innych motywów: sobowtóra (Mark po wypadku widzi siebie z perspektywy innego człowieka), echa (imitującego powtórzenie dźwięku kroków bohatera⁵³), a także poprzez symbolikę schodów i mostu — jako symboli przejścia, ruchu horyzontalnego i wertykalnego⁵⁴. Deszyfrując semantykę kolorów w opowiadaniu *Detale zachodu słońca*, Anna Ginter pisze o dwóch płaszczyznach „kontrastujących ze sobą uczuć i działań bohaterów”: pierwsza to miłość i szczęście Marka przeciwstawiana nieszczeroci ukochanej, druga zaś obejmuje „działania łaskawego losu” (śmierć w niewiedzy o zdradzie) wobec „zdradzieckich działań Klary”⁵⁵. Dodajmy, że antytetyczny charakter tych płaszczyzn uobecniony zostaje również poprzez przeciwstawienie światła i mroku, życia i śmier-

⁵¹ Termin Jurija Lewina. Zob.: Ю.И. Левин, *Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова*, w: tegoż, *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*, Языки русской культуры, Москва 1998, s. 323–391.

⁵² Poza wskazanymi pracami Boyda, Shrayera, Naumann, Engelkinga, Ginter, Titowa, Lewina wymienić należy także monografię: В.Е. Александров, *Набоков и полусторонность: метафизика, этика, эстетика*, пер. с англ. Н.А. Анастасьева, АЛТЕЙА, Санкт-Петербург 1999.

⁵³ „И теперь [Марк — М.У.] шел домой, пошатываясь от счастья и хмеля, размахивая тонкой тростью, и в темных домах по той стороне пустынной улицы хлопало ночное эхо в такт его шагов [...]” (s. 125).

⁵⁴ Zob.: В.Н. Топоров, *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное*, «Прогресс» — «Культура», Москва 1995, s. 248 (przypis nr 53).

⁵⁵ We wnioskach artykułu badaczka nadmienia, że w utworze Nabokova istnieje jeszcze jedna — trzecia płaszczyzna „tamtego świata” — niezwykłego, autentycznego, istniejącego poza granicami codzienności — to poszerzenie świadomości. O śmierci protagonisty *Katastrofy* jako poszerzeniu świadomości pisał wcześniej Aleksandr Dolinin. Zob.: A. Ginter, *Nabokovowski sposób dotykania rzeczywistości...*, s. 85; A. Долинин, *Истинная жизнь писателя Сирин. Работы о Набокове*, Академический проект, Санкт-Петербург 2004, s. 37–38.

ci, szczęścia i tragedii oraz na językowym poziomie tekstu: „темный блеск” (s. 124), „помирая со смеху” (s. 125), „галстуки [...] ярко улыбались, сочувствовали его счастью” (s. 126), „слезы счастья” (s. 126).

Pamiętając o koncepcji Rolanda Barthesa dotyczącej dyskursu onirycznego i istotowej roli każdego słowa, przyjrzyjmy się poetyce i motywie snu⁵⁶ w utworze *Katastrofa*, wyznaczanej przez topos myślenia Nabokova o dwupłaszczyznowości świata. Mamy tu do czynienia z trzema elementami onirycznymi: 1) niejednoznaczny sen Marka o zmarłym ojcu; 2) „wyśnione” życie bohatera i związana z tym metafora i symbolika solarna; 3) wizje protagonisty opowiadania doświadczone pomiędzy fabularnym wypadkiem a jego śmiercią. Wobec tego, należy to podkreślić, sfera oniryczna związana jest z obydwoma wariantami tytułu analizowanego tekstu.

Według Nabokova sen przypomina widowisko, to „spektakl teatralny zainscenizowany w mózgu i zaprezentowany w przyćmionym świetle lekko oglupiałemu widzowi”⁵⁷. Jak wiadomo, pisarz krytykował symboliczny wymiar snów, odczytywany w kontekście freudowskiej interpretacji⁵⁸, jednak gdy idzie o sen bohatera opowiadania, to niewątpliwie można w nim dostrzec pewne prorocze momenty:

В эту ночь Марку приснился неприятный сон. Он увидел покойного отца. Отец подошел, со странной улыбкой на бледном, потном лице, и, схватив Марка под руки, стал молча сильно щекотать его — не отпускал (s. 126).

Oniryzm w *Katastrofie* ujawnia zatem więź pomiędzy żyjącymi i zmarłymi, bowiem figura ojca/opiekuna to niejako przestroga dla syna. W takim ujęciu sen może być odczytywany w duchu Dostojewskiego⁵⁹, zwłaszcza gdy przypomnieć koszmar protagonisty *Zbrodni*

⁵⁶ Tatiana Cywjan wprowadza pojęcie „текст сна”, rozumiejąc je jako „[...] текст, представляющий собой словесное воспроизведение сна. Именно сон лежит в основе его структуры со всеми ее бросающимися в глаза особенностями”. T. B. Цивьян, *Игра с именами в „тексте сна” Даниила Хармса*, w: *тејже, Язык: тема и вариации. Избранное в двух книгах*, кн. 2, Наука, Москва 2008, s. 328 (kursywa T. W. Cywjan).

⁵⁷ V. Nabokov, *Wykłady o literaturze rosyjskiej*, przeł. Z. Batko, ALETHEIA, Warszawa 2017, s. 250.

⁵⁸ V. Nabokov, *Własnym zdaniem...*, s. 129–130, 227.

⁵⁹ Warto nadmienić, że Nabokov nieprzychylnie wypowiadał się o twórczości „Dostojewskiego-proroka”, jednak cenił *Sen śmiesznego człowieka* oraz *Sobowótora*. V. Nabokov, *Własnym zdaniem...*, s. 97; V. Nabokov, *Wykłady o literaturze rosyjskiej...*, s. 160.

i *kary* o zabijaniu klaczy i ludzkim okrucieństwie, w którym ważną rolę odgrywa ojciec małego Rodiona, oraz motyw śmiechu. Oniryczny powrót Raskolnikowa do dzieciństwa oznacza złą wróżbę⁶⁰. Podobnie jest w opowiadaniu *Katastrofa*: wspomnienie Marka o przykrym śnie to złowieszcze przeczucie, jakby na moment uchylające „drzwi” do innego wymiaru rzeczywistości: „На миг в душе [Марка — М. У.] распахнулось что-то, удивленно застыло и захлопнулось опять” (s. 126)⁶¹. Sam Nabokov akcentuje zależność pomiędzy sferą oniryczną i światem realnym, dostrzegając przy tym kreacyjną funkcję snów:

Od czasu do czasu świadomość odkrywa po przebudzeniu jakiś ślad sensu w śnie z ostatniej nocy i jeśli ów ślad jest bardzo wyraźny lub w jakiś sposób koresponduje z naszymi najgłębszymi, przeżywanymi na jawie emocjami, sen taki może ułożyć się w pewną odtwarzalną, powtarzalną całość [...]”⁶².

Przenikanie się tych dwóch światów w analizowanym utworze potwierdza, z jednej strony i po raz kolejny, wyjątkowy status bohatera — jako metaforyczno-mitycznego „półboga”⁶³, związanego z obiema sferami istnienia; z drugiej, jako szczególnego rodzaju punkt *meta-*, stanowi prefigurację przejścia, które następuje w finale utworu: „А Марк уже не дышал, Марк ушел, — в какие сны — неизвестно” (s. 130). Dualizm świata — artystyczna kosmologia Nabokova, jak pisze Donald Barton Johnson, zakłada istnienie pewnej granicy (śmierć lub szaleństwo), rozdzielającej owe światy⁶⁴. Wprawdzie amerykański uczony wskazuje na powieści Nabokova, lecz jego twierdzenie o przenikaniu się tych „przestrzeni” można odnieść także do wcześniejszych opowiadań pisarza:

Действие романа может разворачиваться в одном из них, но другой мир все время где-то рядом. Из другого мира просачиваются знаки и предназна-

⁶⁰ O motywach onirycznych w twórczości Dostojewskiego powstało wiele prac. Warto przywołać najnowszą publikację: A. Woźniak, «Странные сны» с пробуждениями Федора Достоевского, w: tejsze, *Два мира. Сны и онирические мотивы в русской литературе XIX–XX веков*, Werset, Lublin 2022, s. 129–161 (o śnie Raskolnikowa zob. s. 141–142).

⁶¹ Zob.: Н. И. Шिताкова, *Особенности функционирования сновидения...*, s. 222.

⁶² V. Nabokov, *Wykłady o literaturze rosyjskiej...*, s. 251.

⁶³ Zdaniem Ricoeura metafora działa nie na zasadzie porównania, a na zasadzie analogii, uwypatniając istotną prawdę. P. Ricoeur, *La métaphore vive...*, s. 310.

⁶⁴ „Хотя эти два мира разделяет некая принципиальная граница, как правило, смерть или безумие, они находятся в тайнственном взаимодействии”. Д. Б. Джонсон, *Миры и антимирy Владимира Набокова*, пер. с англ. Т. Стрелковой, SYMPOSIUM, Санкт-Петербург 2011, s. 208.

менования, которые влияют на события первичного мира романа, а иногда и определяют их⁶⁵.

W *Katastrofie* dramat duchowy głównego bohatera rozgrywa się w rzeczywistości oniryczno-mitycznej, sny bowiem, jak przekonuje Gaston Bachelard, odsyłają nas do mitu, ku pragnieniom i wartościom Początku⁶⁶.

Właśnie ten aksjologiczny wymiar utworu Nabokova wyrażony zostaje poprzez obecność motywiki słońca i dodatkowo wyeksponowany dzięki zmianie tytułu opowiadania. Angielski wariant tytułu *Details of a Sunset* i komentarz pisarza to wskazówka dla czytelnika, by szczególną uwagę skierować na „tematyczne tło wydarzeń”. Motywy solarne w twórczości autora *Bladego ognia* spełniają określoną funkcję — są nie tylko tematycznym tłem, lecz także kluczem do odczytania utworu na poziomie znaczeń metaforycznych i symbolicznych. Istotną rolę ma tu powtarzalność obrazów związanych z polem semantycznym słońca/ognia. Warto zatem posłużyć się wypowiedzią Walerija Tiupy, który zauważa:

Всякое произведение искусства представляет собой не только вообразенный и „отрешенный” (Густав Шпет) мир, но и собственную, суверенную систему ценностей. Эта система в значительной степени формируется повторами (а также антиповторами — отсутствием повтора, семантически антитезами и контрапунктами)⁶⁷.

Analizując opowiadanie pod kątem obecności motywów solarnych, należy wziąć pod uwagę leksemy wpisane w szeroko pojmowane pole semantyczne blasku, światła, ognia, obejmujące również symboliczne znaczenia barwy złota, koloru żółtego, pomarańczowego, czerwonego⁶⁸. Tak więc, imię Klara etymologicznie wywodzi się od przy-

⁶⁵ Tamże, s. 207.

⁶⁶ G. Bachelard, *Poetyka marzenia...*, s. 70, 171-172. Zob. także: I. Błocian, *Jung i Bachelard. Problem wyobraźni i mitu*, „Analiza i egzystencja” 2005, nr 1, s. 113.

⁶⁷ В. И. Тюпа, *Солярные повторы в романе Гончарова „Обломов”*, w: A. Majmieskułow, B. Trojanowska (red.), *Повтор в художественном тексте*, Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, Bydgoszcz 2012, s. 169.

⁶⁸ O znaczeniu barw z palety ognisto-solarnej oraz funkcji innych kolorów (czarny/ciemny, zielony) w *Detalach zachodu słońca* zob.: A. Ginter, *Nabokowski sposób dotykania rzeczywistości...*, s. 85–90. O innych utworach Nabokova w kontekście kolorystyki złościsto-ognistej zob.: A. Ginter, *Vladimir Nabokov i jego synestezyjny świat*, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 2015, s. 85–87, 116, 175–176 i in.; M. Ułanek, „Блаженное солнечное опьянение” — *metafory ognia, słońca, blasku w opowiadaniu Vladimira Nabokova „Port”*, w: K. Arciszewska, U. Patocka-Sigłowy (red.), *Żywioły. Motyw ognia w literaturze, kulturze i sztuce*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2018, s. 253–261.

miotnika *clārus*, oznaczającego „jasny”, „jaśniejący”, „światlisty”⁶⁹. Nadto w wizerunku ukochanej Marka, widzianym poprzez pryzmat jego wyidealizowanych wyobrażeń, akcentowany jest płonący, rudy kolor włosów: „рыжий пожар, рассыпанный по подушке” (s. 124), „яркие волосы, цвета абрикосового варенья” (s. 126). Wskazane światliste atrybuty bohaterki, nawiązujące do żywiołu ognia, po pierwsze, mogą być kojarzone z namiętnością (miłosny ogień jako metafora erotycznej namiętności); po drugie, wywołują asocjacje z archetypem kobiety jako opiekunki, przewodniczki, medium, łączącym świat ziemski i niebiański. Nie bez powodu duch Marka kontynuuje przerwana nieszczęśliwym wypadkiem podróż do ukochanej Klary, przyzywającej nieustannie ku wyśnionemu życiu, ku marzeniom:

Ее [Клары — М. У.] ладони легли ему на голову.

— Я весь день так скучала, Марк. И вот теперь ты пришел.

Она отворила дверь, и Марк сразу очутился в столовой, показавшейся ему необыкновенно просторной и светлой.

— Мы так счастливы теперь, что мы можем обойтись без прихожей, — горячо зашептала Клара, и он почуял какой-то особый чудесный смысл в ее словах (s. 129).

Podobną rolę, w fabularnym i symbolicznym planie opowiadania, z pewnością odgrywa też matka Marka. Światło naftowej lampki w rękach pani Standfuss wskazuje synowi drogę do mieszkania, pomaga upojonemu Markowi wspiać się po krętych schodach i „powrócić” do domu: „Желтый клин света захватил перила, ступени, трость, — и Марк, тяжело и радостно дыша, поднялся на площадку [...]” (s. 125).

Kolejne ognisto-solarne leksemy wiążą się z opisami przestrzeni miasta i zjawisk przyrody. Kierując się zaleceniem autora opowiadania, przyjrzyjmy się więc szczegółom, które współtworzą opis tytułowego zachodu słońca, ale też, jak pisze Leszek Engelking, „kryją w sobie głębszą realność, przekraczającą sztafpowosć codziennych wrażeń”⁷⁰. Oto pierwszy z kluczowych fragmentów opowiadania:

Когда полчаса спустя он [Марк — М. У.] вышел из пивной и распрощался с приятелем, огненный закат млея в пролете канала, и влажный мост вдавли был окаймлен тонкой золотою чертой, по которой проходили черные фигурки (s. 127).

⁶⁹ J. Korpanty (red.), *Słownik łacińsko-polski*, t. 1, PWN, Warszawa 2001, s. 330.

O znaczeniu imienia bohaterki opowiadania zob.: О.А. Титов, *Семантика собственных имен в рассказе В. В. Набокова „Катастрофа”...*, s. 205.

⁷⁰ L. Engelking, *Chwyt metafizyczny...*, s. 48.

Ogniste słońce odbijające się w lustrze wody to obraz znamieny. Zda się bowiem wskazywać na dualistyczny charakter Nabokovowskiego świata, szczególnie jeśli uwzględnić obecność toposu mostu, wiążącego się z symbolicznym procesem przejścia. Złota obwódka słońca zachodzącego nad „wilgotnym mostem” z czarnymi figurami tworzy perspektywę wrót do innego wymiaru. Aura niezwykłości zostaje jeszcze mocniej wyeksponowana w dalszym fragmencie tekstu, w którym kumulacja barw złota i czerwieni kontrastuje z szarością miasta:

Посмотрев на часы, он решил не заходить домой, а прямо ехать к невесте. От счастья, от вечерней прозрачности чуть кружилась голова. Оранжевая стрела проткнула лакированный башмак какого-то франта, выскочившего из автомобиля. Еще не высохшие лужи, окруженные темными подтеками, — живые глаза асфальта — отражали нежный вечерний пожар. Дома были серые, как всегда, но зато крыши, лепка над верхними этажами, золотые громоотводы, каменные купола, столбики, — которых днем не замечаешь, так как люди днем редко глядят вверх, — были теперь омыты ярким охряным блеском, воздушной теплотой вечерней зари, и оттого волшебными, неожиданными казались эти верхние выступы, балконы, карнизы, колонны, резко отделяющиеся желтой яркостью своей от тусклых фасадов внизу (s. 127).

Ten szczegółowy, sugestywny opis zachodu służy jednak nie tylko wzmocnieniu kontrastu pomiędzy umowną sferą ‘góra–dół’, tego co ‘niebiańskie–ziemskie’ czy ‘magiczne–zwyczajne’. Promienie słońca sprawiają, że wszystko co znajduje się w ich zasięgu zyskuje nową jakość — tego, co wyjątkowe, piękne, odróżniające się od wyblakłej, nijakiej codzienności. O takim darze słońca Friedrich Nietzsche mówi ustami swego bohatera:

[...] gdy zachodzi [słońce — M. U] przebogie: złoto sypie ono podówczas w morze z niewyczerpanej skarbnicy bogactwa, — tak, że najuboższy rybak złotym wiosłem wiosłuje!⁷¹

Słońce w opowiadaniu Nabokova „obmywa”, symbolicznie oczyszcza codzienność. Trzeba przy tym zaznaczyć, że jest to spojrzenie narratorskie, kreujące atmosferę celebracji i współgrające z emocjami głównego bohatera, wszak Mark postrzega rzeczywistość jako „zabarwioną kolorami nie z tego świata”⁷². W opisie zachodu słońca odnaj-

⁷¹ F. Nietzsche, *Tako rzecze Zaratustra. Książka dla wszystkich i dla nikogo*, przeł. W. Berent, TENET, Gdynia 1991, s. 235 (wyróżnienie autora książki).

⁷² M. D. Shrayer, *The World of Nabokov's Stories...*, s. 26.

dujemy także sugestię, a może nawet wyrzut skierowany do tych, którzy „rzadko spoglądają wzwyż” („люди днем редко глядят вверх”, s. 127), a więc nie zauważają owej niezwykłości⁷³. Jedyne „czuły wieczorny pożar” odbijający się w mokrym asfalcie pozwala to piękno dostrzec. Mark doznaje olśnienia — świat oświecany promieniami słonecznymi, niczym wertykalnymi wskazówkami, otwiera przed nim nową perspektywę, której wcześniej nie zauważał:

Улица была широкая и веселая. Полнеба охватил закат. Верхние ярусы и крыши домов были дивно озарены. Там, в вышине, Марк различал сквозные портики, фризy и фрески, шпалеры оранжевых роз, крылатые статуи, поднимающиеся к небу золотые, нестерпимо горящие лиры. Волнуясь и блистая, празднично и воздушно уходила в небесную даль вся эта зодческая прелесть, и Марк не мог понять, как раньше не замечал он этих галерей, этих храмов, повисших в вышине (s. 128).

Obok odnotowanej powyżej katartycznej funkcji słońca można wskazać na jego znaczenie epifaniczne i nazwać je, za Władimirem Ernem, *heliofanią* (*гелиофания*), czyli zrozumieniem/odkryciem Prawdy⁷⁴, przejściem od „ślepoty к зрячести”⁷⁵, wtajemniczeniem i zjednoczeniem się (*приобщение*) z nową niecodzienną rzeczywistością, odsłaniającą swoje piękno i powab⁷⁶. Wzrok Marka przenosi się na budynki „wznoszące się ku niebiańskiej dali”. Nieprzypadkowo są to obrazy wywołujące asocjacje z rajem, z krainą mityczną: „świątynie, zawisłe w górze”, „skrzydlate posągi” czy liry jako atrybuty takich postaci, jak Apollo, Orfeusz, Hermes. W tradycji kulturowej zachód słońca zwy-

⁷³ Do tej grupy, tzw. ludzi dnia Julian W. Connolly zalicza również Marka, pochłoniętego własnymi troskami, który dopiero po wypadku zostaje „wzniesiony” na inny poziom postrzegania i doświadczania otaczającego go piękna. J. W. Connolly, *Nabokov's Early Fiction...*, s. 19.

⁷⁴ Termin *гелиофания* („солнцевявление”, откровение Солнца) wprowadzony przez W. F. Erna w rozważaniach na temat refleksji filozoficznej Platona. Zob.: В. Ф. Эрн, *Верховное постижение Платона*, w: tegoż, *Сочинения*, сост., подг. текста Н. В. Котрелева и Е. В. Антоновой, вст. статья Ю. Шеррер, прим. В. И. Кейдана и Е. В. Антоновой, Правда, Москва 1991, s. 490, 568.

⁷⁵ А. Долинин, *Истинная жизнь писателя Сирина...*, s. 37–38.

⁷⁶ Рог.: „Само Солнце — это Само Благо (517 С), т.е. источник всякой благодати и всякого блаженства. Все виды блага, испытанных нашим освобожденным узником во всем его предыдущем жизненном пути, меркнут и совершенно пропадают в сравнении с безмерностью существенного приобщения к самому непостижимому источнику благодати и Красоты”. В. Ф. Эрн, *Верховное постижение Платона...*, s. 475.

kło się utożsamiać ze sferą wieczności⁷⁷ i bez wątpienia przed protagonistą opowiadania objawia się sfera *sacrum*, która zmienia ulicę w potok światła⁷⁸ i ogarnia bohatera blaskiem zachodzącego słońca.

Zgodnie z twierdzeniem Władimira Toporowa, *notabene* odnoszącego się do motywu zachodu słońca u Dostojewskiego, elementy czasoprzestrzenne w utworze literackim zyskują rangę czynników aktywnych, oddziałujących na zachowanie bohatera⁷⁹. Ta specyficzna relacja 'bohater — czasoprzestrzeń' w opowiadaniu Nabokova pozwala naruszyć współrzędne świata „realnego” (fabularnego) i wprowadzić nowy wymiar, związany z cudownością, ze sferą marzeń i snów, która dla Marka nie jest iluzją, dla niego to świat autentyczny. Zmiana tytułu opowiadania pozwoliła autorowi zaakcentować właśnie ten wymiar aksjologiczny i ustalić relację z czytelnikiem, postulując „wzniesienie się” na inny poziom rozumienia, szczególnego rodzaju wertykalizację sensu.

REFERENCES

- Aleksandrov, Vladimir Yevgen'yevich. *Nabokov i potustoronnost': metafizika, etika, estetika*. Per. s angl. Anastas'yev, Nikolay Arkad'yevich. Sankt-Peterburg: ALETEYA, 1999 [Александров, Владимир Евгеньевич. *Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика*. Пер. с англ. Анастасьев, Николай Аркадьевич. Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙА, 1999].
- Apulejusza „*Amor i Psyche*”. Przetłumaczył, rozebrał i objaśnił Kawczyński, Maksymilian. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1901.
- Bachelard, Gaston. *Poetyka marzenia*. Przekł., oprac. i posłowie Brogowski, Leszek. Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 1998.
- Barthes, Roland. *Roland Barthes*. Przekł. Swoboda, Tomasz. Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 2011.
- Barthes, Roland. „Wykład.” Przekł. Komendant, Tadeusz. *Teksty: teoria literatury, krytyka, interpretacja* 1979, no. 5 (47): 9–29.

⁷⁷ Por.: motyw zachodu słońca w powieści *Mistrz i Małgorzata*, o którym pisze J. Faгуно: „С первым закатом завершается земное бытие, со вторым, после грозы, — открывается мир вечности, межзакатная гроза и тьма — завершение земного и выход в вечное, в бессмертие”. J. Faгуно, *Введение в литературоведение*, Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург 2004, s. 303.

⁷⁸ „Внизу гладким, блестящим потоком стремился асфальт” (s. 128), „Стоял один посреди лоснящегося асфальта” (s. 128).

⁷⁹ „Как и в космологической схеме мифопоэтических традиций, пространство и время не просто рамка (или пассивный фон), внутри которой разворачивается действие; они активны (и, следовательно, определяют поведение героя) и в этом смысле сопоставимы в известной степени с сюжетом”. В. Н. Топоров, *Миф. Ритуал. Символ. Образ...*, s. 200–201.

- Berberova, Nina. *Kursiv moy: Autobiografiya*. Predisl. Kuznetsova, Anna. Moskva: AST: Astrel', 2010 [Берберова, Нина. *Курсив мой: Автобиография*. Предисл. Кузнецова, Анна. Москва: АСТ: Астрель, 2010].
- Berdyayev, Nikolay. *Filosofiya svobodnogo dukha*. Moskva: Respublika, 1994 [Бердяев, Николай. *Философия свободного духа*. Москва: Республика, 1994].
- Blocian, Ilona. "Jung i Bachelard. Problem wyobraźni i mitu." *Analiza i egzystencja* 2005, no. 1: 87–116.
- Boyd, Brian. *Vladimir Nabokov: The Russian Years*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Connolly, Julian W. *Nabokov's Early Fiction. Patterns of Self and Other*. New York: Cambridge University Press, 1992.
- Cymborska-Leboda, Maria. "Ray nezabyvchivoy dushi' i 'khristianskaya istina o cheloveke': Eden Vyacheslava Ivanova." *Slavia Orientalis* 2018, no. 2: 215–229 [Cymborska-Leboda, Maria. "Рай незабывчивой души' и 'христианская истина о человеке': Eden Вячеслава Иванова." *Slavia Orientalis* 2018, no. 2: 215–229].
- Dolinin, Aleksandr. *Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina. Raboty o Nabokove*. Sankt-Peterburg: Akademicheskiiy proyekt, 2004 [Долинин, Александр. *Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове*. Санкт-Петербург: Академический проект, 2004].
- Dzhonson, Donald Barton. *Miry i antimiry Vladimira Nabokova*. Per. s angl. Strelkova, Tat'yana. Sankt-Peterburg: SYMPOSIUM, 2011 [Джонсон, Дональд Бартон. *Миры и антимирсы Владимира Набокова*. Пер. с англ. Стрелкова, Татьяна. Санкт-Петербург: SYMPOSIUM, 2011].
- Engelking, Leszek. *Chwyt metafizyczny. Vladimir Nabokov — estetyka z sankcją wyższej rzeczywistości*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2011.
- Ern, Vladimir Frantsevich. "Verkhovnoye postizheniye Platona." *Sochineniya*. Sost., podg. teksta Kotrelev, Nikolay Vsevolodovich i Antonova, Yelena Viktorovna. Vst. stat'ya Sherrer, Yutta. Prim. Keydan, Vladimir Isidorovich i Antonova, Yelena Viktorovna. Moskva: Pravda, 1991 [Эрн, Владимир Францевич. "Верховное постижение Платона." *Сочинения*. Сост., подг. текста Котрелев, Николай Всеволодович и Антонова, Елена Викторовна. Вст. статья Шеррер, Ютта. Прим. Кейдан, Владимир Исидорович и Антонова, Елена Викторовна. Москва: Правда, 1991].
- Faryno, Jerzy. *Vvedeniye v literaturovedeniye*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2004 [Faryno, Jerzy. *Введение в литературоведение*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004].
- Gerra, Rene. «Kogda my v Rossiiu vernemysya...». Sankt-Peterburg: Rostok, 2010 [Герра, Рене. «Когда мы в Россию вернемся...». Санкт-Петербург: Росток, 2010].
- Ginter, Anna. "Nabokovowski sposób dotykania rzeczywistości: gra światła i barw w opowiadaniu *Detale zachodu słońca*." *Studia Językoznawcze* 2015, t. 14: 83–91.
- Ginter, Anna. *Vladimir Nabokov i jego synestezyjny świat*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2015.
- Ivanov, Vyacheslav. *Sobraniye sochineniy*. T. 3. Red. Ivanov, Dmitriy Vyacheslavovich i Deshart, Ol'ga. Bryussel': Foyer Oriental Chrétien, 1979 [Иванов, Вячеслав. *Собрание сочинений*. Т. 3. Ред. Иванов, Дмитрий Вячеславович и Дешарт, Ольга. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979].

- Kołąkowski, Leszek. *Obecność mitu*. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2005.
- Korpanty, Józef. Ed. *Słownik łacińsko-polski*. T. 1. Warszawa: PWN, 2001.
- Levin, Yuriy Iosifovich. *Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika*. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 1998 [Левин, Юрий Иосифович. *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. Москва: Языки русской культуры, 1998].
- Lévinas, Emmanuel. "The Trace of the Other." Transl. Lingis, Alphonso. *Deconstruction in Context. Literature and Philosophy*. Mark C. Taylor. Ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1986. 345–359.
- Nabokov, Vladimir. *Collected Stories*. London: Penguin Books, 2016.
- Nabokov, Vladimir. *List, który nigdy nie dotarł do Rosji i inne opowiadania*. T. 1. Przeł. Kłobukowski, Michał, opowiadania *Bajka i Powrót Czorba* przeł. Engelking, Leszek. Posłowiem opatrzył Engelking, Leszek. Warszawa: MUZA SA, 2007.
- Nabokov, Vladimir. *Pamięci, przemów. Autobiografia raz jeszcze*. Przeł. z ang. Kołyszko, Anna. Posłowiem opatrzył Engelking, Leszek. Warszawa: MUZA SA, 2004.
- Nabokov, Vladimir. *Patrz na te arlekiny*. Przeł. Kołyszko, Anna. Posłowiem opatrzył Engelking, Leszek. Warszawa: MUZA SA, 2015.
- Nabokov, Vladimir. *Polnoye sobraniye rasskazov*. Cost. Babikov, Andrey. Predisl. Nabokov, Dmitriy. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2013 [Набоков, Владимир. *Полное собрание рассказов*. Сост. Бабилов, Андрей. Предисл. Набоков, Дмитрий. Санкт-Петербург: Азбука, 2013].
- Nabokov, Vladimir. *Stikhi*. Sankt-Peterburg: Azbuka, 2015. [Набоков, Владимир. *Стихи*. Санкт-Петербург: Азбука, 2015].
- Nabokov, Vladimir. *Własnym zdaniem*. Przeł. Szczubiałka, Michał. Warszawa: ALETHEIA, 2016.
- Nabokov, Vladimir. *Wykłady o literaturze*. Przeł. Batko, Zbigniew. Warszawa: MUZA SA, 2005.
- Nabokov, Vladimir. *Wykłady o literaturze rosyjskiej*. Przeł. Batko, Zbigniew. Warszawa: ALETHEIA, 2017.
- Naumann, Marina Turkevich. *Blue Evenings in Berlin. Nabokov's Short Stories of the 1920s*. New York: New York University Press, 1978.
- Nietzsche, Friedrich. *Tako rzecze Zaratustra. Książka dla wszystkich i dla nikogo*. Przeł. Berent, Wacław. Gdynia: TENET, 1991.
- Platon, *Eutyfron, Obrona Sokratesa, Kriton, Fedon, Uczta*. Przeł., wstępami i objaśnieniami opatrzył Witwicki, Władysław. Posłowie Wesoły, Marian Andrzej. Kraków: Zielona Sowa, 2007.
- Ricoeur, Paul. *La métaphore vive*, Paris: Éditions du Seuil, 1975.
- Shitakova, Nataliya Ivanovna. "Osobennosti funktsionirovaniya snovideniya v tvorchestve V. Nabokova i G. Gazdanova: son kak odna iz realizatsiy voploshcheniya istinnoy real'nosti." *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* 2013, no. 4, ch. 1: 221–224 [Шитакова, Наталия Ивановна. "Особенности функционирования сновидения в творчестве В. Набокова и Г. Газданова: сон как одна из реализаций воплощения истинной реальности." *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 2013, no. 4, ч. 1: 221–224].
- Shrayer, Maxim D. *The World of Nabokov's Stories*. Austin: University of Texas Press, 1999.
- Titov, Oleg Anatol'yevich. "Rol' skazochnogo interteksta v soderzhatel'noy strukture rasskaza V.V. Nabokova *Katastrofa*." *Yaroslavskiy pedagogicheskiiy vestnik*

- 2016, no. 4: 194–198 [Титов, Олег Анатольевич. “Роль сказочного интертекста в содержательной структуре рассказа В. В. Набокова *Катастрофа*.” *Ярославский педагогический вестник* 2016, no. 4: 194–198].
- Titov, Oleg Anatol'yevich. “Semantika sobstvennykh imen v rasskaze V. V. Nabokova *Katastrofa*.” *Vestnik KGU im. Nekrasova* 2016, no. 5: 204–208 [Титов, Олег Анатольевич. “Семантика собственных имен в рассказе В. В. Набокова *Катастрофа*.” *Вестник КГУ им. Некрасова* 2016, no. 5: 204–208].
- Toporov, Vladimir Nikolayevich. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoye*. Moskva: «Progress» — «Kul'tura», 1995 [Топоров, Владимир Николаевич. *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное*. Москва: «Прогресс» — «Культура», 1995].
- Tsiv'yan, Tat'yana Vladimirovna. “Igra s imenami v «tekste sna» Daniila Kharmsya.” *Yazyk: tema i variatsii. Izbrannoye v dvukh knigakh*. Kn. 2. Moskva: Nauka, 2008: 328–330 [Цивьян, Татьяна Владимировна. “Игра с именами в «тексте сна» Даниила Хармса.” *Язык: тема и вариации. Избранное в двух книгах*. Kn. 2. Москва: Наука, 2008: 328–330].
- Tyupa, Valeriy Igorevich. “Solyarnyye povtory v romane Goncharova *Oblomov*.” *Povtor v khudozhestvennom tekste*. Majmieskułow, Anna, and Trojanowska, Beata. Eds. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2012. 169–181 [Тюпа, Валерий Игоревич. “Солярные повторы в романе Гончарова *Обломов*.” *Повтор в художественном тексте*. Red. Majmieskułow, Anna i Trojanowska, Beata. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2012. 169–181].
- Ulanek, Małgorzata. “‘Блаженное солнечное опьянение’ — метафоры огня, солнца, бласку в оповиаданіу Владимира Набокова *Port*.” *Żywioły. Motyw ognia w literaturze, kulturze i sztuce*. Arciszewska, Katarzyna, and Patocka-Sigłowy, Urszula. Eds. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018. 253–261.
- Ulanek, Małgorzata. “‘Czułość świata’ w opowiadaniu *Благость* Vladimira Nabokova.” *Modernizm(y) słowiański(e) w anturazie czułości*. Malej, Izabella. Matusiak, Agnieszka, and Paszkiewicz, Anna. Eds. Wrocław: ATUT, 2021. 171–180.
- Woźniak, Anna. “«Strannyye sny» s probuzhdeniyami Fedora Dostoyevskogo.” *Dva mira. Sny i oniricheskiye motivy v russkoy literature XIX–XX vekov*. Lublin: Werset, 2022: 129–161 [Woźniak, Anna. “«Странные сны» с пробуждениями Федора Достоевского.” *Два мира. Сны и онирические мотивы в русской литературе XIX–XX веков*. Lublin: Werset, 2022: 129–161].

WERONIKA JELEŃSKA

<https://orcid.org/0000-0003-2438-6852>

Uniwersytet Adama Mickiewicza w Poznaniu

МОТИВ НАДЕЖДЫ В РАССКАЗЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ АЛИСА ПОКУПАЕТ СМЕРТЬ

THE THEME OF HOPE IN LUDMILA ULITSKAYA'S SHORT STORY *ALICE BUYS DEATH*

The article focuses on the analysis of Lyudmila Ulitskaya's short story *Alice buys death* in the context of the category of hope. The Russian writer's new collection of short stories is strongly imbued with philosophical questions about existence and non-existence. The current theme of hope strongly resonates in one of the stories in this collection, as evidenced by the following article. In the story *Alice buys death*, Ulitskaya used conventions typical of her work. The story's main characters are "little people," shown at the moment of crossing the border of life and death. Our analysis proved that the category of hope, which is often used in literature, was also reflected on many levels in the work of the Russian writer. The main driving force of the story is love in its many manifestations, and the coming death gives hope for a new, transpersonal, more philosophical sense.

Keywords: Russian Literature, short stories, Lyudmila Ulitskaya, *Alice buys death*, hope

Имя Людмилы Евгеньевны Улицкой (род. 1943) тесно связано с современной российской литературой. Широкий читательский интерес к ее творчеству, а также отзывы критиков являются подтверждением признания ее таланта.

Несмотря на то, что литературная критика довольно часто задумывается к какому направлению относятся рассказы Улицкой, исследователи очень часто включают их в ряд философско-бытовых произведений, поскольку они рассказывают о повседневной жизни с ее сложностями, одновременно затрагивая серьезную проблему ответственности за всех людей, находящихся в нашем окружении¹. Не случайно Галина Ермошина отмечает, что

¹ Ю.В. Коврига, *Особенности осмысления творчества Людмилы Улицкой современной критикой*, <https://md-eksperiment.org/post/20190120-osobnosti-osmysleniya-tvorchestva-lyudmily-ulickoj> (17.11.2022).

Улицкая — мастер бытописания. Ее эпопеи последовательно и подробно прослеживают житие главного персонажа, вместе с ним — историю всего рода данного индивида².

Героями произведений российской писательницы являются обычные люди, живущие по соседству: родственники, друзья, дети, старики — то есть «маленькие люди»³, точнее те, кто находится в тени: нищие, инвалиды, больные, умственно отсталые или гомосексуалисты⁴. Улицкая посвящает свои произведения анализу биологии поведения главных героев, не осуждая их и не давая морализаторских советов⁵, совмещая жанр семейного романа с оптикой женской прозы и ее «физиологической экспрессией»⁶.

На наш взгляд, при анализе новейшего творчества автора *Сонечки*, нельзя забывать о проявлении в нем нового сентиментализма, как на уровне структуры текста, так и сквозь авторское мирозерцание, поскольку кажется, что до сих пор «связь ее творчества с этим течением чаще констатируется, чем становится предметом анализа»⁷. Нельзя упускать из виду того, что среди многих отличительных особенностей творчества Улицкой, критики выделяют философскую глубину ее рассказов и романов, которая тесно связана именно с сентиментальным натурализмом, свойственным современной российской литературе⁸. Более того, по утверждению Лейдермана и Липовецкого, неосентиментализм особое значение приобрел благодаря женской прозе в которой заново осуществляется образ «маленького человека», тесно замкнутого в своем мире, ибо «еще не готов к самосознанию, он целиком замкнут в эмоционально-физиологической

² Г. Ермошина, *Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света*, «Знамя» 2000, № 12, с. 201.

³ Там же, с. 201.

⁴ М. Knurowska, *Герои этнически «другие» в рассказах Людмилы Улицкой*, «Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis 154. Studia Russologica» 2013, № 6, с. 91.

⁵ Ю. В. Коврига, *Особенности осмысления творчества...*

⁶ Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий (ред.), *Современная русская литература 1950–1990-е годы в двух томах*, т. 2: 1968–1990, Академия, Москва 2003, с. 530.

⁷ Т. Г. Прохорова, *К вопросу о неосентиментализме в современной русской прозе (на материале творчества Л. Улицкой и Л. Петрушевской)*, «Дергачевские чтения — 2011» 2012, т. 2, с. 308.

⁸ Там же, с. 565.

сфере»⁹. В связи с этим немаловажным представляется замечание литературоведов, что в рамках современной российской прозы Улицкая сумела создать свое пространство для женщин, которые вовсе не показаны сквозь призму русской патриархальной традиции¹⁰. При поиске своей ниши в литературе писательница рисует весьма богатую «галерею женских образов нашего времени»¹¹, пополненную героинями, представленными в сборнике *О теле души. Новые рассказы* (2019), где мастер «прозы нюансов» раскрывает тему, к которой она шла долгие годы, описывая свое представление о душе и теле, как о неразделимом целом.

Состоящий из тринадцати рассказов и стихотворений сборник объединяет одна тематика, которая на данный момент очень интересует российскую писательницу. Стоит отметить, что в контексте новейшего творчества Улицкой исследователи говорят о созданной ею «новой прозе»¹², наполненной «новой тематикой, интерпретацией традиций западноевропейского романтизма, реконструкцией философских смыслов семантики текста»¹³. Трудно не согласиться с критиками, поскольку сама писательница подчеркивает, что спустя более 20 лет вернулась к написанию рассказов, которые «довольно сильно отличаются от тех, что я писала несколько десятилетий тому назад»¹⁴. В сборнике *О теле души. Новые рассказы* Улицкая рассказывает читателям о жизни, неразрывно связанной со смертью, так как тема смерти на данный момент ее «довольно сильно занимает»¹⁵. И хотя включенные в сборник произведения, повествуют прежде всего о «смерти в новом эстетическом ключе»¹⁶, в них также

⁹ Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий (ред.), *Современная русская литература: в 3 кн.*, кн. 3: *В конце века (1986–1900-е годы)*, Эдиториал УРСС, Москва 2001, с. 84.

¹⁰ А.Ш. Абдуллина, Е.Э. Латыпова, *Женские образы в прозе Л. Улицкой*, «Вестник Челябинского государственного университета» 2017, № 3 (399), с. 8.

¹¹ Там же.

¹² С.В. Желобцова, С.Н. Барашкова, *Особенности повествовательной структуры новой прозы Людмилы Улицкой*, «Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова» 2021, № 3 (83), с. 69.

¹³ Там же.

¹⁴ Л.Е. Улицкая, *Людмила Улицкая рассказывает о книге «О теле души. Новые рассказы»*, <https://www.youtube.com/watch?v=tKhxwaTfGFw> (17.11.2022).

¹⁵ Там же (17.11.2022).

¹⁶ С.В. Желобцова, С.Н. Барашкова, *Особенности повествовательной структуры...*, с. 70.

находятся размышления о границах тела и души, любви и отчуждения, страсти и одиночества, жизни и смерти, поскольку, на наш взгляд, взаимодействие натуралистического и сентименталистского дискурсов осуществляется в творчестве Улицкой через парадоксальность (по подобию Людмилы Петрушевской)¹⁷. Вместе с тем писательница показывает главных героев рассказов в переломный момент их жизни, то есть, когда они находятся на грани бытия, и небытия и именно когда особое значение для них приобретает надежда.

Цель данной статьи — проанализировать рассказ Людмилы Улицкой *Алиса покупает смерть* из указанного выше сборника, обращая внимание на внутреннюю игру категорий жизни и смерти, выбора и необходимости, а также любви и одиночества, стимулируемые надеждой, которая понимается как «пространство для активности» и из которой «вырастает возможность нового начала»¹⁸.

Надежда, давно нашедшая свое отражение в художественных произведениях, на протяжении веков получила множество интерпретаций, доказательством чего представляются современные исследования роли этой категории как в литературе, так и в жизни человека, которые по-разному толкуют это понятие¹⁹. Однако в данной статье ограничимся пониманием надежды в свете новейших утверждений Ребекки Солнит, задающих, по нашему мнению, перспективу изучения надежды в жизнеутверждающем ключе, ибо американская писательница отчетливо выражает свое мнение, констатируя, что надежда не является слепой и наивной верой в светлое будущее, а широкой перспективой, строго определенной возможностью и даже обязанностью, побуждающей к действию²⁰. Полагаем, что надежду следует рассматривать также в ключе универсалий

¹⁷ Подробнее о парадоксальности и абсурде в творчестве Петрушевской см.: Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий (ред.), *Современная русская литература 1950–1990-е годы в двух томах*, т. 2 1968–1990, Академия, Москва 2003, с. 610–616; Т. Г. Прохорова, О «сентиментальном натурализме» в прозе Л. Петрушевской, «Ученые записки казанского государственного университета» 2008, т. 150, кн. 6, с. 77–86.

¹⁸ S. Rebecca, *Nadzieja w mroku. Nieznane opowieści, niebywale możliwości*, przekł. A. Dzierzgowska, S. Królak, Karakter, Kraków 2019, s. 10–11.

¹⁹ Е. С. Кононова, *Об эволюции понятия надежды*, «Научные ведомости» 2010, № 20 (91), с. 226.

²⁰ S. Rebecca, *Nadzieja w mroku...*, с. 10.

культуры²¹, выработанном на протяжении веков в литературе, убеждающей нас в том, что надежда — великая ценность, помогающая людям преодолевать сложные моменты и препятствия, находить ценность и смысл жизни. Нельзя не упомянуть, что надежда принадлежит к главным компонентам человеческого функционирования и представляется незаменимым элементом существования, который позволяет пройти через трудные жизненные моменты или мотивировать индивида к принятию мер, направленных на осуществление его желаний и потребностей. Поскольку совершая что-либо сознательно или неосознанно, человек всегда настроен на положительный результат, за который борется до конца, о чем свидетельствует хотя бы пословица «Надежда умирает последней». Поэтому, опираясь на мнение Вацлава Гавела, понимаем эту универсалию, как своеобразный стимулятор, имеющий духовное измерение и нацеленный на наше сердце, наш дух²².

Не случайно Омарбекова относит надежду к важнейшим экзистенциалам, характеризующим человеческую жизнь, поскольку в сюжетный фокус произведения *Алиса покупает смерть* попала история, основанная именно на трех общечеловеческих и библейских ценностях: вере, надежде и любви, которые «укореняют человека в мироздании»²³. По словам Варвары Буколовой, Улицкая очень часто обращается в своем творчестве к прецедентным текстам, преимущественно к Священному Писанию²⁴. Подобная интертекстуальность встречается также в романах *Зеленый шатер* (2010), *Лестница Якова* (2015) и в более ранних произведениях автора *Сонечки*²⁵. Катажина Васьничук подчеркивает, что ссылки на христианскую символику в прозе Улицкой составляют основу антропологии писательницы, взгляды которой на человека совпадают с христианской концепцией человеческой личности²⁶. Однако стоит

²¹ Е. С. Кононова, *Об эволюции понятия надежды...*, с. 227.

²² H. Václav, *Disturbing the Peace: A Conversation with Karel Hvizdala*, пер. P. Wilson, Alfred A. Knopf, New York 1990, с. 181.

²³ С. В. Омарбекова, *Вера, надежда и любовь как экзистенциалы человеческого бытия*, «Система ценностей современного общества» 2010, № 11, с. 20.

²⁴ В. С. Вуколова, *Литературоцентричность прозы Людмилы Евгеньевны Улицкой (интертекстуальный аспект)*. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тамбов 2017, с. 52.

²⁵ Там же.

²⁶ K. Wasińczuk, *В объятиях жизни, за пределами смерти. Антропологические и духовные аспекты прозы Людмилы Улицкой (Казус Кукоцкого, Даниэль*

помнить, что тексты автора *Сонечки* богаты не только библейскими мотивами, но и элементами, общими для других религий, например, иудаизма и буддизма, в результате чего часто переплетающиеся в произведениях Улицкой религиозные и мистические мотивы позволяют открыть духовный мир героев²⁷.

Следует отметить, что анализируемый рассказ размещен в первой части сборника *О теле души...* под заглавием *Подружки*. Именно истории, включенные в эту часть, пропитаны событиями, основными мотивами которых представляются дружба и любовь в разных обличьях. Более того, любовный сюжет является также главной темой интересующего нас произведения, являющегося, при том, самым оптимистичным из всех, поскольку в нем раскрывается сила любви и новой жизни, символом которой является внучка главной героини. Вместе с тем нельзя не признать, что в рассказе *Алиса покупает смерть*, жизнеутверждающая категория надежды представлена многогранно, поэтому может быть рассмотрена в разных ракурсах, ибо она — категория индивидуализированная, касающаяся личных и интимных дел отдельного человека²⁸.

Главной героиней произведения является шестидесятичетырехлетняя Алиса Федоровна, которая долгие годы «работала инженером-чертежником»²⁹, а потом более десяти лет провела на пенсии. Алиса, оставшись в свои двадцать лет без родителей, не имея при себе никого из родственников, выбрала жизнь по своим правилам, не желая ни с кем ее делить. Это недоверие, прежде всего к мужчинам, сформировалось в ней под влиянием вечно влюбленной мамы, которая могла отдать своим любовникам все свое имущество. С момента смерти матери,

Алиса со своей недопроявившейся блеклой прелестью, презирая и стыдясь материнской чрезмерности чувств, поклялась, что никогда не станет, как мать, игрушкой этих животных. Она и не стала. Не тягостное монаше-

Штайн, Переводчик) // W. Supa, E. Pańkowska (ред.), *W kręgu problemów antropologii literatury. Antropologia przyszłości*, Białystok 2018, с. 73, <http://hdl.handle.net/11320/11491> (17.11.2022).

²⁷ Там же.

²⁸ R. Strzelecki, *Nadzieja chrześcijańska w ponowoczesnym świecie (istota-utrata-przywracanie)*, «Dydaktyka polonistyczna» 2019, № 5 (14), с. 7.

²⁹ Л. Е. Улицкая, *Алиса покупает смерть* // Л. Е. Улицкая, *О теле души. Новые рассказы*, АСТ, Москва 2019, с. 16.

ство, а редкие незначительные романы, уравнивающие ее со сверстницами в жизненном опыте³⁰.

Не желающая повторять ошибок своей мамы главная героиня более шестидесяти лет прожила без партнера, выбрав жизнь в одиночестве. Надежду и веру в настоящую любовь она обрела только в возрасте шестидесяти четырех лет, когда «ни с того ни с сего в собственной квартире, возле собственной тахты»³¹ потеряла сознание. С этого момента она стала думать о своей приближающейся смерти и вызванном ей чувстве страха. Таким образом начинается духовный путь Алисы, проходящей через размышления философско-бытийной природы и сталкивающейся с жизненными выборами, в основе которых лежит побуждающая к действию надежда. Немаловажно, что появившаяся в начале рассказа смерть являет не только «зародышем» сюжета, но и механизмом мыслей, эмоций и решений героев. Это не случайно, поскольку категория смерти тесно связана с надеждой, что отразилось в религиозных концепциях, например, в христианской концепции воскресения, которая позволяет человеку преодолеть страх смерти³². Мало того, совершенно человеческим и понятным является чувство тревоги перед моментом ухода, поэтому не удивительно, что главная героиня рассказа пыталась уберечь себя от смерти задолго до ее прихода.

Желая разыскать врача, который мог бы назначить ей сильную дозу лекарства для того, чтобы «приготовить заранее [...] такое снотворное, чтобы выпить и не проснуться»³³, она в итоге нашла любовь, давшую ей «чувство полного доверия к мужчине [...]»³⁴. Стимулируемая надеждой «подлинная любовь» способна «победить смерть»³⁵, начинает в рассказе «играть» со смертью, формируя напряженность взаимно дополняющих друг друга оппозиций, ибо Александр Ефимович — семидесятилетний врач дал Алисе надежду не только на счастливую смерть, но и на счастливую жизнь.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² В.Г. Кузнецов (ред.), *Словарь философских терминов*, INFRAM, Москва 2007, с. 517.

³³ Л. Улицкая, *Алиса покупает смерть...*, с. 17.

³⁴ Там же, с. 19.

³⁵ В.Г. Кузнецов (ред.), *Словарь философских терминов...*, с. 517.

Здесь стоит обратить внимание на еврейское происхождение Александра, что характерно для произведений российской писательницы, которая сама «по крови — еврейка»³⁶. По словам Моники Кнуровской, эта отличительная черта прозы Улицкой заключается в религиозном эклектизме, благодаря которому писательница пытается из элементов различных религиозных традиций — в частности, христианства и иудаизма — а также этических норм, создать некую универсальную иерархию нравственных ценностей, действующих в человеческих отношениях³⁷. При анализе сочинения писательницы, нельзя забывать, что «вопрос иудео-христианства в творчестве Людмилы Улицкой не является новой исследовательской задачей»³⁸. Стоит также подчеркнуть факт постижения смерти в иудейской культуре, как последнего этапа человеческой жизни, которые (и жизнь и смерть), данные Богом, оба хороши³⁹. Человек, созданный из праха, должен вернуться в землю, поскольку смерть не является ни Божьим приговором, ни наказанием, а частью творения⁴⁰.

Любовь, которая родилась между Алисой и Александром, — двигатель и жизни и смерти, двух оппозиций, выступающих в рассказе как единое целое, ибо «смерть тоже принадлежит жизни»⁴¹, что объясняет сосуществование героев со смертью. Примером является то, что Александр «свое обещание выполнил: фарфоровая коробочка, полная зернисто-белого порошка, стояла в столе»⁴². То есть он, согласившись дать Алисе большую дозу снотворного, сначала пожелал взять на себя «заботу о ее здоровье»⁴³, а потом приблизил ее к смерти. Парадоксально, но именно через смерть главная героиня обрела надежду на жизнь. Стоит подчеркнуть, что, по словам Елены Кузнецовой, проза Улицкой есть

³⁶ М. Кнуровская, *Религиозный эклектизм в прозе Людмилы Улицкой*, «Przegląd Rusycystyczny» 2013, № 2 (142), с. 110.

³⁷ Там же, с. 110.

³⁸ Z. Kuś, A. Kuś, *Иудео-христианский казус в романе Людмилы Улицкой Даниэль Штайн, переводчик*, «Iudaica Russica» 2019, № 2 (3), с. 54.

³⁹ J. Żukowska-Łyko, *Mroczny Szeol, niebiański Eden. Śmierć w kulturze judaistycznej*, <https://histmag.org/mroczny-szeol-niebiański-eden-smierc-w-kulturze-judaistycznej-13784> (17.11.2022).

⁴⁰ Там же, (17.11.2022).

⁴¹ М. Башмакова, *Людмила Улицкая: «Смерть тоже принадлежит жизни»*, <https://novayagazeta.spb.ru/articles/12363/> (17.11.2022).

⁴² Л. Улицкая, *Алиса покупает смерть...*, с. 21.

⁴³ Там же, с. 18.

[...] мифологическая, народная идея, которую лучше всего выразил в XX веке Бахтин: смерть не есть самостоятельное, отдельное явление, она включена в колесницу перерождений, неотделима от жизни⁴⁴.

Немаловажно, что чувство главных героев стало положительным эмоциональным «прорывом» не только для Алисы, но и для Ефимовича, живущего уже три года в одиночестве. Вдовец, потерявший любовь всей своей жизни, только при Алисе почувствовал себя непринужденно и по-настоящему хорошо:

Александр Ефимович, проживший всю жизнь с женщиной могучей и требовательной, обширной в потребностях, неутомимой в разнообразных и взаимоисключающих желаниях, впервые обнаружил, что рядом с женщиной можно быть свободным от неиссякаемой женской власти⁴⁵.

Как видим, главная героиня дала ему надежду на раскрытие истинной сущности любви, представленной в рассказе в позднем ее проявлении (ведь главные герои — люди преклонного возраста). Их чувства расцвели так сильно, что в итоге Алиса и Александр расписались, а к этому «заметно помолодели»⁴⁶. Вероятно, в произведении главным двигателем положительных моментов жизни является именно надежда. Благодаря ей герои начинают менять свой взгляд на окружающую действительность, а между ними вспыхивает и расцветает любовь. Изменение жизни героини под влиянием этого большого чувства позволяет провести параллель с главной героиней ранней повести Улицкой — Сонечкой. Именно в *Сонечке* героиня под влиянием Роберта Викторовича смогла избавиться от всей прошлой жизни и отдаться мужу, стремясь дать ему настоящую и счастливую семью. Алиса также создала с Александром новый теплый дом, в котором она чувствовала себя хорошо, как никогда раньше.

При исследовании хода событий в рассказе выявлено, что с помощью созданного таким образом сюжета формируется еще одна степень проявления надежды. Улицкая показывает читателям «врата» надежды, которые где-то существуют, точно так же, как и некий выход из текущих проблем⁴⁷. В момент же кризи-

⁴⁴ Е. Кузнецова, *Кого и зачем убила лауреат «Русского Букера» в новой книге*, <https://calendar.fontanka.ru/articles/8929/> (17.11.2022).

⁴⁵ Л. Улицкая, *Алиса покупает смерть...*, с. 19.

⁴⁶ Там же, с. 22.

⁴⁷ S. Rebecca, *Nadzieja w roku...*, с. 66.

са, одиночества и нежелания жить, чувства, настоящая любовь и прежде всего действие могут все перевернуть к лучшему. Писательница постоянно пытается «освоить» читателя с темой смерти, которая чаще всего вызывает в людях страх, показывая ее неизбежное пришествие и описывая со всеми деталями. В рассказе *Алиса покупает смерть* Улицкая рассуждает о смерти сквозь призму разных традиций, прежде всего религиозных, одобряющих эту неизбежную станцию нашей земной жизни. Важно, что в понимании христианства смерть не является полным концом, — это всего лишь разрушение тела (формы бытия)⁴⁸. На земле человек избавляется от «одежды», в которую облачена душа, то есть от тела. Дело в том, что человеческое «я» скрыто внутри души, поэтому смерть является символом перехода к дальнейшей новой жизни. Подобные идеи о смерти выражены в иудаизме, который предполагает, что одна из трех форм человеческой души (*neszama*), благодаря милости Творца, сможет к Нему вернуться, и будет дальше существовать, даже после смерти тела⁴⁹. В иудейской культуре тело является лишь «сосудом» для души, благодаря которому она имеет цель жизни. Однако само тело цели «жизни» не имеет, поэтому «я» — это душа и тело⁵⁰. Если смотреть на уход из земного мира с такой перспективы, то смерть не должна являться чем-то ужасающим. Приучая себя к мысли, что каждый когда-нибудь умрет, человек сможет принять ее как неотъемлемую часть своей жизни. В своем новом творчестве Улицкая, говоря о смерти и предчувствуя, что «эта точка жизни приближается»⁵¹, основывает свои размышления на христианской и иудейской религии, поскольку хочет показать, что уход из мира представляется пунктом, который невозможно обойти и который, однако, является не завершением, а лишь новым началом. Прочтение рассказа, наполненного конститутантами «общественного и индивидуального бытия»⁵², позволяет задуматься о бытийной природе человека, а также определенным образом приводит к ощущению надежды на перемены и счастливое пребывание как в этом мире, так и за ее пределами.

⁴⁸ М. Świgoś, *Czym jesteś, o śmierci?!: rozważania na temat śmierci w kontekście filozofii i religii*, «Maska» 2009, № 5 (5), с. 107.

⁴⁹ J. Żukowska-Łyko, *Mroczny Szeol, niebiański Eden...*

⁵⁰ Там же.

⁵¹ М. Башмакова, Людмила Улицкая: «Смерть тоже принадлежит жизни»...

⁵² С.В. Омарбекова, *Вера, надежда и любовь...*, с. 18.

Нельзя также упускать из виду тот факт, что в рассказе *Алиса покупает смерть* мастер «прозы нюансов» затрагивает тему круга жизни и вращающегося круговорота смерти и рождения. Поэтому, как уже упоминалось, категория надежды в произведении воплощается двумя ключевыми категориями: жизнью и смертью. Это вполне объяснимо в контексте религиозно-философского учения о духовном пробуждении, к которому в этом рассказе относится Улицкая. Ведь идея «круговорота перерождений, вечного возвращения человеческих душ на Землю предопределила контекстуальную специфику буддизма»⁵³.

После потери первой жены, Александр Ефимович жил «[...] с младшей незамужней дочерью Мариной, не совсем здоровой и не вполне благополучной. Старшая Аня, здоровая и благополучная, давно жила отдельно с мужем и двумя детьми-школьниками»⁵⁴. В тот момент, когда Алиса узнала об этом, она еще не ожидала, что младшая дочь ее мужа — Марина — так сильно изменит ее жизнь. После тихого и скромного бракосочетания главных героев «к весне открылось еще одно непредвиденное и маловероятное событие: младшая дочь Александра Ефимовича Марина в свои неполные сорок лет забеременела»⁵⁵. Это событие бесспорно шокировало и самого Александра, тем не менее дало ему надежду на отсутствие одиночества дочери, когда его уже не будет в этом мире. Ребенок, которого через четыре месяца должна была родить дочь, стал надеждой для отца, уверовавшего, что он принесет дочери счастье в будущем. Однако новая жизнь, являющаяся настоящей благодатью для всей семьи, толкнула в движение круг и рождения и смерти.

Когда уже наступило время родов, радостный Александр Ефимович хотел навестить Марину в роддоме:

Он вышел из дому [...] на пустую улицу в замершее послеобеденное время с цветами и пластиковым пакетом с продуктами. На автобусной остановке стояла реденькая толпа. В этот момент ехавшая посреди улицы на большой скорости черная машина столкнулась с другой, такой же большой и черной, и ее вынесло на тротуар. Машина уткнулась в фонарный

⁵³ О.В. Здерева, *О природе циклического времени в Восточной культуро-философской парадигме*, «Аналитика культурологии» 2009, № 15, <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prirode-tsiklicheskogo-vremeni-v-vostochnoy-kulturofilosofskoy-paradigme-1/viewer> (17.11.2022).

⁵⁴ Л. Улицкая, *Алиса покупает смерть...*, с. 19.

⁵⁵ Там же, с. 22.

столб, сбив по дороге трех человек из очереди. Одного, с букетом цветов, насмерть...⁵⁶.

Таким образом, две важнейшие категории, то есть, жизнь и смерть, замкнули непрерывный круг: одна жизнь только что родилась, а другая ушла из земного мира. Это событие иллюстрирует то, о чем упоминалось выше, — Улицкая в своем рассказе показывает круговорот жизни и смерти. И хотя кажется, что такое происшествие является началом печального конца, дальнейшие события покажут счастливый итог и жизнеутверждающий характер произведения. Такое принятие смерти становится дополнительным подтверждением осуществления в рассказе учения буддизма. Прочтение смерти Ефимовича через призму дхармической религии объясняет, почему это событие не принесло Алисе страданий. Ведь именно в буддизме «жизнь и смерть воспринимаются как единство, в котором конец одной из стадий есть только началом другой»⁵⁷.

Алиса восприняла известие о смерти мужа со стоическим спокойствием; помимо этого, она знала, что сейчас больше внимания ей придется уделить Марине, а прежде всего новорожденной — внучке Александре. У Марины после смерти отца «начался острый психоз»⁵⁸, поэтому она попала в Психиатрическую больницу им. П.П. Кащенко, а заботу о ее дочке взяла на себя Алиса. Шестидесятипятилетняя женщина, попав в ситуацию, о которой за всю свою жизнь даже не думала, вдруг стала сводной матерью младенца. Она хотела уберечь себя и свое тело от неминуемо надвигающегося конца и сделала все, чтобы он не был трудным и болезненным, а в результате собственного выбора, прежде всего ощущения любви, получила надежду и шанс на новую жизнь. Под влиянием новых обстоятельств больше не думала о наполненной лекарствами фарфоровой коробочке, отказалась от самоубийства и начала действовать согласно убеждению, что надежда становится силой, стимулирующей настоящее⁵⁹. И хотя предчувствуя, что «счастье ее с Александром Ефимовичем будет недолгим»⁶⁰, Алиса не думала о новом начале, которое получит

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ A. Sikora, *Tybetańska koncepcja śmierci*, «Anthropos» 2003 № 1, с. 86–91, <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=283457> (17.11.2022).

⁵⁸ Л. Улицкая, *Алиса покупает смерть...*, с. 22.

⁵⁹ S. Rebecca, *Nadzieja w mroku...*, с. 185.

⁶⁰ Л. Улицкая, *Алиса покупает смерть...*, с. 22.

благодаря ребенку. Как видим, в произведении осуществился, среди прочего, христианский смысл перехода от смерти к новой жизни. Ведь именно повторное пришествие Христа и воскресение дает верующим величайшую в их жизни надежду. И хотя это не Алиса ушла из этого мира, можно отождествить смерть ее мужа с утратой земного лика, так как, согласно буддизму, «ум нашего нынешнего воплощения происходит от ума предыдущего воплощения и является причинной причиной для ума следующего воплощения»⁶¹.

Подводя итоги сказанному выше, необходимо заметить, что анализируемый рассказ, наполненный христианскими, иудейскими и буддийскими элементами, позволяет глубоко вникнуть в сущность человеческого существования. Жизнеутверждающая категория надежды, ключевая в произведении Улицкой, осуществляется в разных аспектах и до самого конца стимулирует бинарные оппозиции: жизнь и смерть, выбор и необходимость, любовь и одиночество, которые не мешают друг другу, а, наоборот, напоминают, что одно невозможно без другого. Анализ рассказа, сосредоточенный вокруг надежды, как категории побуждающей к действию, показал, что ее присутствие стало механизмом движения всех действий героев. Надежда сначала (парадоксально) на смерть, а позже — на счастье, любовь и новую жизнь дала Алисе и Александру возможность перейти границы своей души, а также воплотить духовное в телесной сфере.

Развивающийся с самого начала в рассказе *Алиса покупает смерть* драматизм событий принес в конце концов оптимистический финал, подтверждающий силу надежды, которая подталкивает любовь и не позволяет так быстро прийти смерти. Улицкая, сосредоточенная вокруг темы души и тела, путем объединения ценностей религиозных верований создала философское пространство, дающее возможность для размышлений над жизнью и неразрывно связанной с ней смертью, которой не стоит опасаться.

⁶¹ A. Sikora, *Tybetańska koncepcja śmierci...*

REFERENCES

- Abdullina, Amina Shakir'yanovna, and Latypova, Yelenaeduardovna. "Zhenskiye obrazy v proze L. Ulitskoy." *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 2017, no. 3 (399): 7–14. [Абдуллина, Амина Шакирьяновна, и Латыпова, Елена Эдуардовна. "Женские образы в прозе Л. Улицкой." *Вестник Челябинского государственного университета* 2017, no. 3 (399): 7–14].
- Bashmakova, Mariya. *Lyudmila Ulitskaya: "Smert' tozhe prinalozhit zhizni"*. <<https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/17/82761-lyudmila-ulitskaya-smert-tozhe-prinalozhit-zhizni>> [Башмакова, Мария. *Людмила Улицкая: «Смерть тоже принадлежит жизни»*].
- Bukolova, Varvara Sergeevna. *Literaturocentrichnost' prozy Lyudmily Evgen'evny Ulitskoy (intertekstual'nyy aspekt)*. Avtoreferat na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Tambow, 2017 [Вуколова, Варвара Сергеевна. *Литературоцентричность прозы Людмилы Евгеньевны Улицкой (интертекстуальный аспект)*. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тамбов, 2017].
- Havel, Václav. *Disturbing the Peace: A Conversation with Karel Hvizdala*. Transl. Wilson, Paul. New York: Alfred A. Knopf, 1990.
- Knurowska, Monika. "Geroi etnicheski 'drugiye' v rasskazakh Lyudmily Ulitskoy." *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis* 154. *Studia Russologica* 2013, no. 6: 91–104 [Knurowska, Monika. "Герои этнически «другие» в рассказах Людмилы Улицкой." *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis* 154. *Studia Russologica* 2013, no. 6: 91–104].
- Knurowska, Monika. "Religioznyy eklektizm v proze Lyudmily Ulitskoy." *Przegląd Rusycystyczny* 2013, no. 2 (142): 102–111 [Knurowska, Monika. "Религиозный эклектизм в прозе Людмилы Улицкой." *Przegląd Rusycystyczny* 2013, no. 2 (142): 102–111].
- Kononova, Yelena Serneyevna. "Ob evolyutsii ponyatiyanadezhdy." *Nauchnyye vedomosti* 2010, no. 20 (91): 226–234 [Кононова, Елена Сернеевна. "Об эволюции понятия надежды." *Научные ведомости* 2010, no. 20 (91): 226–234].
- Kovriga, Yuliya Vladimirovna. *Osobennosti osmysleniya tvorchestva Lyudmily Ulitskoy sovremennoy kritikoy*. <<https://md-eksperiment.org/post/20190120-osobennosti-osmysleniya-tvorchestva-lyudmily-ulickoy>> [Коврига, Юлия Владимировна. *Особенности осмысления творчества Людмилы Улицкой современной критикой*].
- Kusa, Zoja, and Kucy, Aleksy. "Iudeo-khristianskiy kazus v romane Lyudmily Ulitskoy-daniel' Shtayn, perevodchik." *IUDAICA RUSSICA* 2019, no. 2 (3): 54–70 [Куса, Зожа, and Кусы, Александы. "Иудео-христианский казус в романе Людмилы Улицкой Даниэль Штайн, переводчик." *IUDAICA RUSSICA* 2019, no. 2 (3): 54–70].
- Kuznetsov, Valeriy Grigor'yevich (Ed). *Slovar' filosofskikh terminov*. Moskva: INFRAM, 2007 [Кузнецов, Валерий Григорьевич (Ред.). *Словарь философских терминов*. Москва: INFRAM, 2007].
- Kuznetsova, Yelena. *Kogo i zachem ubila laureat 'Russkogo Bukera' v novoy knige*. <<https://calendar.fontanka.ru/articles/8929/>> [Кузнецова, Елена. *Кого и зачем убил лауреат «Русского Букера» в новой книге*].
- Leyderman, Naum Lazarevich, and Lipovetskiy, Mark Naumovich (Eds). *Sovremennaya russkaya literatura: v 3 kn. Kn. 3: V kontse veka (1986–1900-ye gody)*. Moskva: Editorial URSS, 2001 [Лейдерман, Наум Лазаревич, и Липовецкий, Марк Наумович, и Липовецкий, Марк Наумович (Eds). *Современная русская литература: в 3 т. Т. 3: В конце века (1986–1900-е годы)*. Москва: Издательство УРСС, 2001].

- Марк Наумович (Ред.). *Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 3: В конце века (1986–1900-е годы)*. Москва: Эдиториал УРСС, 2001].
- Leyderman, Naum Lazarevich, and Lipovetskiy, Mark Naumovich (Eds). *Sovremennaya russkaya literatura 1950–1990-ye gody v dvukh tomakh. Tom 2 1968–1990*. Moskva: Akademiya, 2003 [Лейдерман, Наум Лазаревич, и Липовецкий, Марк Наумович (Ред.). *Современная русская литература 1950–1990-е годы в двух томах. Том 2 1968–1990*. Москва: Академия, 2003].
- Omarbekova, Suvarzhat Vladimirovna. "Vera, nadezhda i lyubov' kak ekzistentsialny chelovecheskogo bytiya." *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* 2010, no. 11: 17–24 [Омарбекова, Суваржат Владимировна. "Вера, надежда и любовь как экзистенциалы человеческого бытия." *Система ценностей современного общества* 2010, no. 11: 17–24].
- Prokhorova, Tat'yana Gennad'yevna. "K voprosu o neosentimentalizme v sovremennoy russkoy proze (na materiale tvorchestva L. Ulitskoy i L. Petrushevskoy)." *Dergachevskiy chteniya* — 2011, 2012, t. 2: 307–315 [Прохорова, Татьяна Геннадьевна. "К вопросу о неосентиментализме в современной русской прозе (на материале творчества Л. Улицкой и Л. Петрушевской)." *Дергачевские чтения* — 2011, 2012, т. 2: 307–315].
- Sikora, Aleksandra. *Tybetańska koncepcja śmierci*. "Anthropos?" 2003, no. 1.: 86–91 <<https://www.cceol.com/search/article-detail?id=283457>>.
- Solnit, Rebecca. *Nadzieja w mroku. Nieznane opowieści, niebywale możliwości*. Transl. Dzierzowska, Anna and Królak, Sławomir. Kraków: Karakter, 2019.
- Strzelecki, Ryszard. "Nadzieja chrześcijańska w ponowoczesnym świecie (istota — utrata — przywracanie)." *Dydaktyka polonistyczna* 2019, no. 5 (14): 7–24.
- Świgost, Magdalena. "Czym jesteś, o śmierci?!: rozważania na temat śmierci w kontekście filozofii i religii." *Maska* 2009, no. 5 (5): 99–110.
- Ulitskaya, Lyudmila Yevgen'yevna. "Alisa pokupayet smert'." *O tele dushi. Novyye rasskazy*. Ulitskaya, Lyudmila Yevgen'yevna. Moskva: АСТ, 2019 [Улицкая, Людмила Евгеньевна. "Алиса покупает смерть." *О теле души. Новые рассказы*. Улицкая, Людмила Евгеньевна. Москва: АСТ, 2019].
- Ulitskaya, Lyudmila Yevgen'yevna. *Lyudmila Ulitskaya rasskazyvayet o knige 'Otele dushi. Novyye rasskazy'*. <<https://www.youtube.com/watch?v=tKhxwaT-fGFw>> [Улицкая, Людмила Евгеньевна. *Людмила Улицкая рассказывает о книге «О теле души. Новые рассказы»*].
- Wasińczuk, Katarzyna. "V ob'yatiyakh zhizni, za predelami smerti. Antropologicheskiye i dukhovnyye aspekty prozy Lyudmily Ulitskoy (Kazus Kukotskogo, Daniel' Shtayn, Perevodchik)." *W kręgu problemów antropologii literatury. Antropologia przyszłości*. Supa, Wanda, and Pańkowska, Ewa (Eds). Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2018. <<http://hdl.handle.net/11320/11491>> [Wasińczuk, Katarzyna. "В объятиях жизни, за пределами смерти. Антропологические и духовные аспекты прозы Людмилы Улицкой (Казус Кукоцкого, Даниэль Штайн, Переводчик)." *W kręgu problemów antropologii literatury. Antropologia przyszłości*. Supa, Wanda, and Pańkowska, Ewa (Eds). Białystok, 2018].
- Yermoshina, Galina. "Lyudmila Ulitskaya. Puteshestviye vsed'muyu storonu sveta." *Znamya* 2000, no. 12: 201 [Ермошина, Галина. "Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света." *Знамя* 2000, no. 12: 201].
- Zdereva, Ol'ga Viktorovna. "O prirode tsiklicheskogovremeni v Vostochnoy kul'turofilosofskoy paradigme." *Analitika kul'turologii* 2009, no. 15. <[64 |](https://cyber-</p>
</div>
<div data-bbox=)

ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ КАТЕГОРИИ НАДЕЖДЫ...

leninka.ru/article/n/o-prirode-tsiklicheskogo-vremeni-v-vostochnoy-kulturo-filosofskoy-paradigme-1/viewer>. [Здерева, Ольга Викторовна. “О природе циклического времени в Восточной культурофилософской парадигме.” *Аналитика культурологии* 2009, no. 15].

Zhelobtsova, Svetlana Fedotovna, and Barashkova, Svetlana Nikolayevna. “Oso-bennosti povestvovatel’noy struktury novoy prozy Lyudmily Ulitskoy.” *Vest-nik Severo- Vostochnogo federal’nogo universiteta im. M.K. Ammosova* 2021, no. 3 (83): 68–72 [Желобцова, Светлана Федотовна, и Барашкова, Светлана Николаевна. “Особенности повествовательной структуры новой прозы Людмилы Улицкой.” *Вестник Северо- Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова* 2021, no. 3 (83): 68–72].

Żukowska-Łyko, Justyna. *Mroczny Szeol, niebiański Eden. Śmierć w kulturze ju-daistycznej*. <<https://histmag.org/mroczny-szeol-niebian-ski-ed-en-smierc-w-kulturze-judaistycznej-13784>>.

URSZULA TROJANOWSKA

<https://orcid.org/0000-0002-2351-822X>

Uniwersytet Jagielloński

NIEOBECNA. OBRAZY MATKI W POWIEŚCIACH MIKITY FRANKO

ABSENT. IMAGES OF THE MOTHER IN THE NOVELS BY MIKITA FRANKO

Mikita Franko, the author of three novels qualified by critics as queer literature for young adults, made his debut on the Russian literary market in 2020. Brought up in Kazakhstan in a same-sex family, Franko was a critic of the Vladimir Putin regime even before February 24, 2022; also after the aggression of the Russian Federation against Ukraine, he did not stop making critical comments in social media. The novels of the young writer deal with the problem of searching for one's own identity and living in an intolerant society. The non-traditional families presented in the works (same-sex, monoparental) face various difficulties, most severely felt by the heroes in adolescence. Franko reflects on the current social changes by showing alternative family models and comparing them with traditional models. It is worth emphasizing that the families portrayed by the writer consist mainly of men, which encourages a careful examination of the role of the mother and her significant absence in the lives of the characters. Based on traditional ideas about motherhood, as well as anthropological and sociological works and queer-literature researchers, in this article, I will attempt to analyze the image of the mother in the above-mentioned novels.

Keywords: queer literature, Nikita Franko, tolerance, mother, alternative families

Rodzina jest — i zawsze była — kwestią radykalnie polityczną, o czym dobitnie przekonują nas batalie, jakie współcześnie toczą się wokół wszystkich bodaj aspektów jej funkcjonowania, poczynając od sprawy podstawowej: którym z międzyludzkich konstelacji przyznać prawo do nazywania się rodziną, a którym prawa tego odmówić

— pisze Agata Adamiecka-Sitek¹.

Nie sposób polemizować z tym twierdzeniem, mając w pamięci głośne spory ostatnich lat, dotyczące m.in. związków partnerskich,

¹ A. Adamiecka-Sitek, *Inna Scena: konstelacje rodzinne*, w: A. Adamiecka-Sitek, D. Buchwald (red.), *Inna Scena: konstelacje rodzinne. Obraz rodziny w polskim dramacie i teatrze w perspektywie gender i queer*, Instytut Teatralny, Warszawa 2009, s. 9.

jednopłciowych, macierzyństwa zastępczego czy przemocy w rodzinie w wielu krajach, w tym również Polsce oraz Rosji.

Antropolodzy podkreślają, że rodzina nie jest „faktem naturalnym”, ale historycznie zmiennym konstruktem, stabilizowanym przez mechanizmy, mające zapewnić trwanie dominującej kultury². Joanna Mizielińska dowodzi, że

[...] konsekwencją przyjęcia takiego stanowiska musi być zgoda na denaturalizację pokrewieństwa, które — tracąc esencjonalne umocowania — staje się „procesem i praktyką budowania relacji”. Więzy krwi i instytucje społeczne — mimo przypisywanej im trwałości — okazują się bowiem równie kruche i narażone na rozpad, jak inne związki, zaś takie podstawowe funkcje rodziny, jak wsparcie i opieka w sytuacjach kryzysowych, spełniane są często przez bliskich, których w tradycyjnym sensie nie można nazwać krewnymi³.

Adamiecka-Sitek słusznie zaznacza, że konstelacje rodzinne „rozciągają się najczęściej w polu wyznaczonym przez dwie wielkie — realne i symboliczne — figury ojca i matki”⁴. Niniejszy tekst pragnę poświęcić próbie analizy takich właśnie konstelacji w twórczości młodego, rosyjskiego pisarza — Mikity Franko⁵. W swoich powieściach przedstawia on różne układy rodzinne, które zdecydowanie odbiegają od tradycyjnych i nieaktualnych już w dzisiejszym świecie form. Ukazuje trudne procesy budowania relacji pomiędzy ich członkami oraz problemy społeczne, z jakimi muszą się zmagać. Na szczególną uwagę zasługuje fakt nieobecności matki, który determinuje losy młodych bohaterów wszystkich omawianych utworów.

Najbardziej naturalna zdaje się nieobecność matki Mikiego, bohatera debiutanckiej powieści *Dni naszego życia* (*Дни нашей жизни*, 2020) i alter-ego Franko. Kobieta umiera na raka, kiedy jej syn ma pięć lat. Nie zachował o niej wielu wspomnień, a jej obraz zdążył zatrzeć się w jego pamięci. Jednak to właśnie nieobecność mamy ukształto-

² Patrz: tamże, s. 10.

³ Tamże, s. 12.

⁴ Tamże.

⁵ Mikita Franko urodził się w 1997 roku w Kazachstanie. Obecnie mieszka w Moskwie. Drogę twórczą rozpoczął od publikowanych w mediach społecznościowych postów o swoim życiu, które legły u podstaw jego debiutanckiej powieści *Dni naszego życia*, wydanej w roku 2020. Jak dotąd ukazały się trzy jego książki. Pierwsza została już przetłumaczona na język polski i niemiecki. Powieści Franko wyszły w niezależnym wydawnictwie moskiewskim Popcorn Books, które, jak deklaruje, publikuje utwory dla dzieci i młodzieży, poruszające „niewygodne tematy”, takie jak samoidentyfikacja, problemy rasizmu, seksizmu, zaburzeń psychicznych itd.

wała całe życie bohatera, jako że wychowuje się w tęczowej rodzinie swego wujka, co w warunkach rosyjskiej homofobii musi prowadzić do dramatycznych konsekwencji. W przypadku Ilji (*Zeszyt w kratkę — Тетрадь в клеточку*, 2021) samobójcza śmierć mamy staje się przyczyną zaburzeń chłopca. Wasylisa (*Dziewczyna° — Девочка°*, 2021) jako jedyna główna bohaterka omawianych powieści posiada matkę w sensie fizycznym. Nie istnieje ona jednak w życiu córki jako osoba ważna, wspierająca, zapewniająca opiekę i miłość. Stanowi raczej źródło opresji, żądając bezwzględnego podporządkowania i wcielenia się w rolę „porządnej” córki prawosławnego kapłana.

Wasylisa, żyjąca w tradycyjnej, pełnej rodzinie, tak naprawdę nie posiada więzi emocjonalnej z żadnym z rodziców. Jak powie pod koniec powieści:

Теперь, когда мы остались вдвоем, я много думал о том, что случилось между мной и мамой за все тринадцать лет моей жизни, а еще больше о том — чего не случилось. Мы никогда не делали ничего вместе, не интересовались друг другом, не знали, что мы любим и чего не любим⁶.

Fizyczna obecność matki, nie równoważy jej braku w sferze emocjonalnej. Co ciekawe, w utworze to właśnie rozpad rodziny, do którego dochodzi po samobójstwie brata dziewczyny, prowadzi do zbliżenia matki i córki. Bohaterki zaczynają się bliżej poznawać i spędzać ze sobą czas. Otwierają się na siebie nawzajem, o czym świadczą słowa:

В тот день, когда я заглушил сам себя музыкой, мама меня впервые услышала⁷. Это я предложил маме научить меня печь пироги — так жаждал хоть чего-нибудь нормального и спокойного в полуразрушенном мире нашей семьи⁸.

Matka Wasylisy jest kobietą żyjącą wedle utartych schematów. Jako żonę popa, całkowicie pochłaniają ją obowiązki domowe i cerkiewne. Bohaterka celnie zauważa: „Она не работает. Точнее, работает, но папиной женой”⁹. Do obowiązków matki należą wszystkie czynności domowe, nawet takie, które tradycyjnie uznawane są za męskie:

В нашей семье всегда готовила мама — о том, чтобы обязанности по дому распределялись как-то иначе, не было и речи. Вернее, обязанности совсем

⁶ М. Франко, (*Девочка*)⁰, Popcorn Books, Москва 2021, s. 152.

⁷ Там же, s. 150.

⁸ Там же, s. 152.

⁹ Там же, s. 6.

никак не распределялись; мама делала все, даже то, что принято называть «мужской» работой. Мама научила Гордея забивать гвозди и пользоваться отверткой — тем самым делегировала часть «мужских» обязанностей сыну. Папа отвечал исключительно за духовное просвещение. До подросткового возраста я этого не замечал. Мамины готовка и уборка воспринимались нами как данность, мы никогда особо не думали, сколько она тратит на это времени и сколько труда в том, чтобы превратить муку, воду и сухофрукты в сладкий пирог [...]»¹⁰.

Nawet wymierzanie kar dzieciom zostało scedowane na matkę: „[...] мама била его ремнем, а папа молился”¹¹. Mimo to, monopol na wychowanie syna posiada ojciec, co podkreśla służebną rolę jego żony:

Мама ни разу не высказалась за столом, ведь шел священный процесс воспитания сына, и женщине ни к чему было в него вмешиваться, хотя я видел, что ей жаль Гордея. Но отец имел монополию на его воспитание¹².

Matka odpowiada wyłącznie za wychowanie córki: „Мое воспитание проходило на кухне, над тазиком с нестиранными носками, над ведром с половой тряпкой: ‘Кто тебя, такую белоручку, замуж возмет?...’”¹³. Wasylisa słusznie zauważa: „У патриархата для каждого собственный пинок под зад”¹⁴.

Zgodnie z patriarchalnym modelem rodziny, brat i siostra są wychowywani w różny sposób, każdemu zostaje też narzucona inna rola społeczna. Chłopiec, który — śladem ojca — ma w przyszłości zostać prawosławnym księdzem, nie jest szczególnie ograniczany. W przypadku dziewczynki lista zakazów jest bardzo długa, a „przyzwoite” zachowanie zakłada m.in. odrzucenie „zabaw dla chłopców”, nie naśladowanie brata i nie noszenie jego ubrań, a także trzymanie się z daleka od „złych” dziewczynek¹⁵. Jej przyszłość również została już przez rodziców zaplanowana. Gordiej tłumaczy: „Растят из тебя давалочку-борщеварочку [...]. Они делают из тебя жену, которая будет рожать по десять детей при каком-нибудь жирном попе”¹⁶.

¹⁰ Tamże, s. 151–152.

¹¹ Tamże, s. 6.

¹² Tamże, s. 75.

¹³ Tamże.

¹⁴ Tamże.

¹⁵ Patrz: tamże, s. 9.

¹⁶ Tamże, s. 59.

W utworze już małe dzieci wiedzą, że istnieje tylko jeden akceptowalny model bycia matką. Próba znalezienia innego, nawet tylko w zabawie, kończy się niepowodzeniem. „Почему я не могу быть мамой, просто необычной?”, pyta Wasylisa i otrzymuje odpowiedź: „Таких мам не бывает. [...] Моя мама не такая. И твоя не такая”¹⁷.

Nic dziwnego, że dzieci się buntują. Wasylisa, czując, że nie pasuje do modelu grzecznej dziewczynki, jako że zabawy i styl brata wywołują jej podziw, a konieczność noszenia sukienek — złość, zabawy w dom zaś śmiertelnie nudzą, zaczyna wątpić w swoją kobiecą tożsamość. Próba przemiany w chłopca i używanie męskich końcówek osobowych stanowią wyraz walki z opresją.

Warto zauważyć, że Gordiej, którego bunt przyjmuje najbardziej drastyczną z możliwych form, wyraża wobec matki współczucie. Słusznie widzi w niej kobietę, nieświadomą istnienia innych dróg i możliwości: „— Мама — замотанная женщина без права выбора” mówi. „— У нее нет выбора? — Она не знает, что он у нее есть. С утра до ночи всех обстирывает и думает, что должна”¹⁸.

Z powieści jednoznacznie wynika, że patriarchat i ortodoksyjna religijność opierają się na fałszu i nie mają nic wspólnego z miłością. Na pytanie siostry: „— Как ты думаешь, маме нравится ее жизнь?” Gordiej odpowiada: „— Я думаю, им обоим не нравится их жизнь”¹⁹. O ojcu mówi:

Посланник Бога без веры в Бога. [...] И хочет, чтобы я был таким же, потому что ему плевать, полезен я буду прихожанам или нет, он просто знает, что на этом месте можно хорошо устроиться, вот и пытается меня, ну чисто из заботы, „устроить”, так сказать. Они ведь и тебя за какого-нибудь ушлого попа замуж отдадут и тоже будут искренне рады, что „устроили”. Все от родительской любви, веришь?²⁰.

Dopiero samobójstwo Gordieja otwiera członkom rodziny oczy i pozwoli wyzwała ich z krępujących pęt. Wydaje się, że okrucieństwo i absurd religijnych wymagań, które dotąd rządziły życiem matki bohaterów, uzmysławiają jej przede wszystkim nałożone na pogrzeb samobójcy ograniczenia:

[...] его нельзя отпевать, по нему нельзя скорбеть и плакать, его нельзя целовать на прощание, а еще нельзя исполнять сорокоуст, нельзя ставить

¹⁷ Tamże, s. 9.

¹⁸ Tamże, s. 95.

¹⁹ Tamże.

²⁰ Tamże, s. 95–96.

на могилу крест, нельзя устраивать поминки. В нашем городе было только одно кладбище, и на его территории находилась церковь. Отец настаивал, что Гордея нельзя там хоронить [...] и в таком случае было бы правильной похоронить его за забором. У мамы от этих слов началась истерика:— За забором?! Моего ребенка?! За забором?! — Ну, где-нибудь на холме... — Ты издеваешься?! — плакала она. — Не плачь по нему, он отрекся от Бога! — гремел отец. Но, конечно, мама все равно плакала, несмотря на то что Бог запрещает плакать по самоубийцам²¹.

Do wyraźnego buntu zrozpaczonej matki dochodzi podczas pogrzebu, kiedy łamie ona wszystkie cerkiewne zakazy:

Она плакала и обнимала Гордея [...]. Сначала никто не решался оттащить ее от гроба, но потом она сделала совсем непозволительную вещь на похоронах самоубийцы: она начала молиться. — Успокой, Господи, душу раба твоего, спаси душу сына моего, забери его в Царствие Небесное, не презри моления моего... [...] все засуетились, оттаскивая маму от Гордея. Папа и его друг взяли ее под руки, но она не хотела идти и падала на колени, а они тащили ее по земле, подальше от гроба...²².

Samobójstwo syna zmusza matkę do pogłębionej refleksji, która prowadzi ją do buntu wobec postawy męża i w efekcie — rozvodu:

— Да ты никакого морального права не имеешь называться священником! — кричала мама. — Или ты считаешь, что путь в Царствие Небесное тебе открыт только потому, что ты запретил мне поцеловать собственного сына в гробу?! А настоящие заповеди не хочешь начать соблюдать?!²³

Uniezależnienie się matki zdecydowanie przyczynia się do jej zbliżenia z córką. Na diametralną przemianę ich relacji wskazuje scena, w której Wasyliśa, znajdując się w sytuacji bez wyjścia, zwraca się do Jezusa: „Позови мою маму”²⁴, a ta rzeczywiście zjawia się na ratunek: „Она сидела на крыльце церкви и держала меня в руках, как Богородица — младенца Иисуса. Я сразу почувствовал себя маленьким”²⁵. Porównanie do Matki Bożej świadczy o odzyskaniu przez matkę jej prawdziwego statusu. Odejście od cerkwi i sformalizowanej religii pozwala zaistnieć prawdziwej miłości i zjednoczeniu. Wymowę taką podkreślają zamknięte drzwi cerkwi, symbolizujące

²¹ Tamże, s. 132–133.

²² Tamże, s. 135.

²³ Tamże, s. 147, 156–157.

²⁴ Tamże, s. 179.

²⁵ Tamże, s. 180.

nieludzki i bezwzględny porządek. Córką natomiast odzyskuje w ramionach matki poczucie bezpieczeństwa, charakterystyczne dla małych dzieci.

Matka i Wasylisa zaczynają wspólnie nowe życie, z czasem także ojciec zyskuje wolność i nawet on zauważa, że śmierć Gordieja okazała się ofiarą wyzwalającą: „Однажды он сказал мне, что своей смертью ты хотел изменить нашу жизнь, ведь иначе не было бы развода, второго брака и лишения сана”²⁶. Bohaterka przypuszcza:

„Может быть, Гордей хотел нас освободить”. Каждого от чего-то своего [...]. Маму — от папы, папу — от Церкви, меня — от всего навязанного и надуманного”²⁷.

Mama nie tylko staje się nareszcie prawdziwą matką dla córki (wielce znaczące jest stwierdzenie Wasylisy: „Кончено, она поняла — она же мама”²⁸), ale dostaje też szansę stworzenia nowej relacji z synem. W taki sposób należy rozumieć adopcję sieroty, urodzonego w dniu śmierci Gordieja i noszącego takie samo imię. Dopiero więc po tragicznych przejściach wszyscy członkowie rodziny zyskują spokój oraz spełnienie i można zaryzykować stwierdzenie, że dopiero wtedy — stają się prawdziwą rodziną.

Samobójstwo odgrywa decydującą rolę w rozwoju wydarzeń i kształtowaniu się osobowości bohatera również w powieści *Zeszyt w kratkę*. Po samobójczej śmierci matki Ilja z ojcem przeprowadzają się do innego miasta, by zacząć życie od nowa. W wyniku traumatycznego wydarzenia bohater cierpi na zaburzenia obsesyjno-kompulsywne, przyjmujące formę lęku przed zarazkami (na przykład chłopiec nigdy nie je poza domem) i śmiercią. Warto zwrócić uwagę, że za życia matki, relacje w rodzinie były bardzo złe. Żenię należy uznać za złą matkę, która wręcz znęcała się nad synem. Ilja wspomina:

Мы с мамой создавали очень много шума, особенно если папы не было дома, и особенно в те дни, когда в школе была математика [...]. Мама била меня за плохие оценки, а я орал как резаный...”²⁹.

Chłopiec czuje, że jest nieakceptowany i niekochany. Bardzo dojrzałe zauważa, że: „[...] мама дерется со мной не из-за математики,

²⁶ Tamże, s. 189.

²⁷ Tamże.

²⁸ Tamże.

²⁹ М. Франко, *Тетрадь в клеточку*, Porcorn Books, Москва 2021, s. 13.

а из-за меня самого. [...] Возможно, я тоже просто не нравился маме, а оценки — это такой предлог”³⁰. W rozmowie z ojcem Ilja wprost stwierdza: „Мама меня не любит”³¹ i wyjaśnia: „[...] я так уверенно это заявил, потому что сам слышал, как она говорила об этом отцу. Она сказала, что никогда меня не хотела”³².

Tradycyjne przekonanie o tym, że matka stanowi „один из столпов семьи, средоточие ее эмоциональных связей”³³ oraz kojarzy się, w przeciwieństwie do ojca, uosabiającego prawo i obowiązek, z emocjami, „прежде всего с любовью и лаской”³⁴ — nie znajduje tutaj żadnego zastosowania.

Okrutne postępowanie Żeni ma jednak znacznie głębszą przyczynę, która zostaje wyjawiona Ilji dopiero po jej śmierci. Matka zjawia się bowiem synowi w snach, co można postrzegać jako wyraz jej troski o dziecko. Nie umiając kochać syna za życia, nie porzuca go jednak ostatecznie, jego dalszy los wydaje się leżeć jej na sercu. Stanowi to wyraz organicznej więzi pomiędzy matką, a dzieckiem, która zgodnie z wierzeniami ludowymi

[...] сохраняется на всю жизнь и может продолжаться и после смерти: умершая мать приходит с «того света» кормить младенца, ухаживать за ним, она является во сне или «наяву» своим детям, чтобы высказать свои претензии, предостеречь и т.п.³⁵.

W powieści Franko, matka nie tylko wyznaje synowi prawdę o sobie, ale staje się także jego przewodniczką — uczy otwartości i tolerancji, podpowiada, jak właściwie postąpić w trudnej sytuacji.

Śniąc się chłopcu Żenia wygląda tak jak niedługo przed swoją śmiercią — przypomina młodego, krótko ostrzyżonego chłopaka. Mówi o sobie w rodzaju męskim, tak samo, jak w pozostawionym liściku pożegnalnym. Dopiero po śmierci może bowiem naprawdę być sobą i ujawnić męską tożsamość, do której odmawiano jej prawa wcześniej. Śmierć znosi wszelkie ograniczenia, dlatego czując się wreszcie wolną, Żenia może spokojnie rozmawiać z Ilją i stworzyć z nim więź.

³⁰ Tamże, s. 14.

³¹ Tamże.

³² Tamże.

³³ Н.И. Толстой (ред.), *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, Издательство Международные отношения, Москва 2004, s. 203.

³⁴ Tamże.

³⁵ Tamże, s. 203–204.

Ilja dowiaduje się o transpłciowości matki z nagrania procesu sądowego na znalezionej kasecie. Sędzia cytuje list kobiety do męża, w którym ta pisze:

Я устал от этой жизни, она не моя, мне ее навязали, я устал изображать из себя жену и мать, я хочу сделать переход, быть мужем и отцом или вообще не быть³⁶.

Po początkowym szoku i negacji Ilja zaczyna inaczej postrzegać mamę, która w snach odpowiada na nurtujące go pytania. Informacja o prawdziwym stanie rzeczy czyni jej zachowanie znacznie bardziej zrozumiałym. Co istotne, umożliwia również szczerłość w relacji z ojcem, której wcześniej brakowało. Tłumaczy on synowi:

— Как думаешь, почему она тебя била? — Потому что она меня не любила. — Нет. Потому что она себя не любила. [...] Не любила свою жизнь. Не любила себя за то, что живет ею, хотя ей это противно. И ты был частью этого³⁷.

Sama Żenia w kolejnym śnie wyjaśnia:

[...] все складывается из мелочей. Сначала ты думаешь, что можно выйти замуж и никому не сказать, что чувствуешь себя мужчиной, - ну, мало ли, может, потом пройдет. Потом думаешь, что можешь родить ребенка — вдруг именно это раскроет в тебя женщину? Потом позволяешь быту затянуть тебя, и вот уже каждый твой день похож на предыдущий, а жизнь даже не похожа на жизнь, ведь ты всегда видел ее другой, а изменить уже ничего невозможно...³⁸.

Nocne wizje, a także rozmowy z ojcem i przyjaciółmi, otwierają bohaterka na różne formy odmienności i pozwalają zaakceptować Żenię jako „drugiego tatę”. Ilja tak właśnie zaczyna mówić: „Ну, про другого папу, который повесился”³⁹. Niezwykle istotna wydaje się scena na cmentarzu, kiedy syn wraz z ojcem zmieniają na nagrobku końcówkę nazwiska zmarłej i dorysowują zarost na jej zdjęciu. Chłopiec wyznaje: „Сначала я боялся, что получится карикатурно, но вышло совсем ничего — не как настоящая, конечно, но все равно здорово” i dodaje: „Мне даже показалось, что с этой бородой отец на фотографии начал улыбаться. Совсем чуть-чуть”⁴⁰.

³⁶ М. Франко, *Тетрадь...*, s. 92.

³⁷ Там же, s. 102.

³⁸ Там же, s. 188.

³⁹ Там же, s. 132.

⁴⁰ Там же, s. 158.

Akceptacja nagrobka w nowej formie staje się symbolem istotnej, głębokiej zmiany w światopoglądzie babci bohatera. Należy podkreślić, że postać babci w analizowanych utworach (figura ta nie pojawia się tylko w *Dziewczynie*) stanowi zawsze uosobienie starego, opresyjnego porządku. Babcia, zarówno Ilji, jak i Mikięgo, jest toksyczną osobą, wcieleniem ignorancji (powiela wszelkie możliwe stereotypy i uprzedzenia) i wyznawczynią teorii spiskowych. Matka Żeni zdecydowanie odrzucała więc „fanaberie” córki, a o jej śmierć obwinia wyłącznie zięcia. W zakończeniu powieści powie jednak zdecydowanie: „Женя — это Женя”⁴¹, co wnuk komentuje: „[...] и вдруг я понял: они не отмыли памятник. Наверное, они и не пытались его отмыть. И мне сразу стало так хорошо...”⁴².

Śmierć matki mimo, że oznacza największe nieszczęście⁴³, w powieści prowadzi jednak do dobra: Ilja zamiast matki, której nigdy naprawdę nie miał, zyskuje drugiego ojca i otwiera się na świat. Jego rodzina znacząco się powiększa, gdyż można się spodziewać, że akceptacja odmienności Żeni przez jej matkę, a także przyjaciółkę, poprawi również ich relacje z Ilją i jego tatą. Ponadto do rodziny włączeni zostają Bibi i Artem, którzy byli przy Ilji w trudnych chwilach. Bohater mówi:

Арте́м сказа́л, что папе́ нужно же́ниться, пото́му что это пло́хо — ко́гда че́ловек о́дин. Но он не пра́в. То́чнее, он не со́всем пра́в. Не обяза́тельно же́ниться, что́бы не бы́ть о́дному. Дл́я это́го да́же не обяза́тельно ста́новится с кем-то па́рочкой, о́собенно е́сли по́ка не уве́рен, что хо́чешь. Ко́гда мы с па́пой прие́хали в это́т го́род, у нас не бы́ло ни́кого, кро́ме дру́г дру́га. А те́перь в на́шей ква́ртире е́ще ше́сть че́ловек, и е́ще тро́е — пу́скай не ря́дом, но все ра́вно с на́ми, пото́му что о́ни о нас ду́мают, а это́ уже́ не́мало⁴⁴.

Młody pisarz rysuje zatem modelowy obraz ponowoczesnej rodziny, rodziny z wyboru, rozumianej bardzo szeroko, jako

[...] jakiegokolwiek połączenie dwu lub więcej osób, które związane są więzami wynikającymi z wzajemnej umowy, z urodzenia lub adopcji, i które razem przyjmują odpowiedzialność za: a) zapewnianie przetrwania oraz opiekę nad członkami grupy, b) nowych członków pojawiających się w wyniku realizacji funkcji prokre-

⁴¹ W języku rosyjskim imię to jest genderowo neutralne, czyli może stanowić skrót zarówno od Jewgienija, jak i jego żeńskiego odpowiednika — Jewgienii.

⁴² М. Франко, *Тетрадь...*, s. 222.

⁴³ Patrz: *Славянские древности...*, s. 205.

⁴⁴ М. Франко, *Тетрадь...*, s. 222–223. Rozstrzelenie — U.T.

acyjnej lub adopcji, c) socjalizację dzieci, d) społeczną kontrolę członków grupy, e) produkcję, konsumpcję i dystrybucję dóbr i usług, i f) zapewnienie emocjonalności i zażyłości⁴⁵.

Żeby stworzyć rodzinę, nie jest zatem konieczne, wstępowanie w związek małżeński, co zaznacza Ilja.

Jak podkreśla Krystyna Slany, powyższa definicja rodziny nie odnosi się do wieku członków, nie wymaga też wspólnego zamieszkania ani posiadania dzieci⁴⁶. Z całą pewnością znajduje także zastosowanie w pierwszej powieści Mikity Franko *Dni naszego życia*, chociaż realizuje się w niej nieco inaczej. Osierocony przez matkę Miki wychowuje się w rodzinie wujka i jego partnera. Mamy zatem do czynienia z rodziną homoseksualną. Podkreślić należy, że nie nosi ona charakteru oficjalnego, jako że związki jedнопłciowe nie są w Rosji akceptowane⁴⁷. Odkrycie prawdziwych relacji, łączących wujka Sławę z „przyjacielem” Lwem, początkowo wywołuje w chłopcu szok, jednak po głębszym namyśle, jest zmuszony przyznać, że „Золушку можно поменять на мальчика без потери основной сюжетной линии. Или принца — на принцессу”⁴⁸. O ile relacje ze Sławą od zawsze były dla Mikiego naturalne i bliskie (mieszkał on u wujka już podczas choroby matki), o tyle zbudowanie ich z Lwem dla obu okaże się bardzo trudne. Przede wszystkim przyjęcie dziecka do rodziny zostało Lwu w pewien sposób narzucone. Nie była to świadoma decyzja pary o powiększeniu rodziny. Wydaje się, że Sława postawił partnera przed faktem dokonanym. Lew, bardziej odpowiedzialny i przestrzegający konwenansów społecznych niż artysta Sława, ma też znacznie więcej obaw w związku z ich szczególną sytuacją. Bardziej boi się także o konsekwencje życia Mikiego w nietypowej rodzinie:

— Ребенок должен видеть, что люди в одной семье любят друг друга и могут это друг другу показать, — говорил Слава. — Иначе он сам никогда не научится проявлять чувства. — Ну, наверное, его надо учить не на таких примерах. — Лев говорил намного тише, чем Слава [...]. — А чем мы плохой пример? — А ты не понимаешь? Там, на улице, другой мир, не тот, который

⁴⁵ K. Slany, *Alternatywne formy życia małżeńsko-rodzinnego w ponowoczesnym świecie*, Zakład Wydawniczy „NOMOS”, Kraków 2002, s. 80.

⁴⁶ Patrz: tamże, s. 81.

⁴⁷ Od roku 2013 w Rosji obowiązuje ustawy zakaz propagandy nietradycyjnych relacji seksualnych wśród niepełnoletnich, co sprowadza się do całkowitej dyskryminacji osób nieheteronormatywnych.

⁴⁸ M. Franko, *Дни нашей жизни*, Porcorn Books, Москва 2020, s. 26.

мы тут вокруг него создали. Он пойдет в школу и узнает, что реальная жизнь сильно отличается от его жизни с нами. Больше никто так не живет⁴⁹.

Rola Lwa w codziennym funkcjonowaniu rodziny okaże się jednak niezwykle ważna. Przede wszystkim, co podkreśla sam chłopiec, to właśnie jego zaczął najpierw nazywać tatą. Sam wyznaje:

То, что первым прозвище «папа» получил Лев, стало неожиданностью для всех, включая меня самого. Впрочем, он действительно был больше похож на папу, чем Слава. Старше, серьезнее, носит костюмы, придумывает режим дня, контролирует поедание сладкого и ведет себя прямо просто невыносимо⁵⁰.

To właśnie Lew wprowadza zasady i porządek w życiu Mikiiego i choć ten się buntuje, w zakończeniu powieści stwierdza:

[...] мне действительно казалось, что самые яркие уроки домашнего воспитания были для меня в наших ссорах, в этих вспышках раздражения, даже в тех двух несчастных ударах. И именно они сблизили нас, превратили в настоящих отца и сына⁵¹.

Powieść przedstawia historię stopniowego kształtowania się pięknej relacji ojcowsko-synowskiej, co najlepiej odzwierciedlają słowa bohaterów:

Так странно: мы могли переругиваться с ним почти каждый день, и мне все время казалось, что он невыносим, что он не понимает меня, что он будто специально портит мою жизнь. Но каждый раз, когда случалось что-то, что, казалось, пережить было невозможно, рядом оказывался он, и можно было вот так взять и расплакаться, прижавшись к нему, и почему-то в такую минуту, когда не требовалось никаких слов и объяснений, никто не понимал меня лучше⁵².

Oficjalnie ojcem Mikiiego jest jednak tylko Sława, który zgodnie z przekonaniem Galiny Józefowicz staje się dla chłopca figurą matki. To on otacza syna bezwarunkową miłością i akceptacją, podczas gdy Lew występuje w roli tradycyjnego ojca, kochającego, ale wymagającego⁵³. Taki rozkład ról koresponduje ze spostrzeżeniem Renaty

⁴⁹ Tamże, s. 29.

⁵⁰ Tamże, s. 35.

⁵¹ Tamże, s. 294.

⁵² Tamże, s. 204.

⁵³ Patrz: Г. Юзефович, „Дни нашей жизни” — роман Микиты Франко о подростке,

Hryciuk i Elżbiety Korolczuk nazywającymi „matkowaniem” każdą relację, w której „jedna ze stron troszczy się o drugą i otacza ją opieką, a więc wykonuje pracę — emocjonalną, intelektualną i fizyczną...”⁵⁴.

Prawdziwa mama bohatera wydaje się zupełnie nieobecna w jego życiu. Chłopiec zachował o niej niewiele wspomnień. Okazuje się jednak, że i ona w pewien sposób troszczy się o syna zza grobu. W szczególnie trudnym momencie życia Miki dostaje napisany przez nią list oraz jej pamiętniki z dawnych lat. Podobnie więc jak w przypadku Ilji, okazuje się, że organicznego związku pomiędzy matką a dzieckiem nie niszczy nawet śmierć. Chłopiec wyznaje:

Я заплакал еще на середине письма. Потому что почувствовал ту любовь, с которой писалось письмо и которую я совсем не помнил. И уже нельзя было ничего сделать, никак нельзя ответить на эту любовь⁵⁵.

Z listu matki Miki dowiaduje się, jak bardzo zależało jej, żeby właśnie Sława wziął go pod swoją opiekę. Pomaga to chłopcu pogodzić się z niełatwym życiem, przeciwko któremu wcześniej niejednokrotnie się buntował. Matka widzi w homoseksualnej rodzinie brata szansę na takie wychowanie syna, która w tradycyjnym domu babci nie mogłaby zaistnieć:

Я и друзьям, и бабушке, и Славе — всем сказала, что хочу, чтобы ты остался с ним. Это была моя последняя воля, и я счастлива, что ее исполнили. [...] Если ты будешь взрослеть с ним и [...] с его любимым другом, то получишь непростой, но бесценный, уникальный опыт. [...] За общественными ярлыками ты научишься видеть настоящих людей, но самое главное — ты научишься мыслить свободно. Многие люди к этому так никогда и не приходят, а ты будешь получать это, взрослея, и, хотя это очень, очень тяжело, оно того стоит⁵⁶.

Matka rozumie, z jakimi problemami przyjdzie borykać się rodzinie gejów z dzieckiem i jak bardzo doświadczenie to może być dla chłopca trudne. Uważa jednak, że warto poświęcić bez troskę dziecka w imię

воспитанном гей-парой в современной России, <https://meduza.io/feature/2020/06/06/dni-nashey-zhizni-roman-mikity-franko-o-podrosteke-vozpitanom-gey-paroy-v-sovremennoy-rossii> (26.05.2022).

⁵⁴ R. E. Hryciuk, E. Korolczuk, *Wstęp. Pożegnanie z Matką Polką?*, w: R. E. Hryciuk, E. Korolczuk (red.), *Pożegnanie z Matką Polką? Dyskursy, praktyki i reprezentacje macierzyństwa we współczesnej Polsce*, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2012, s. 10.

⁵⁵ M. Франко, *Дни нашей...*, s. 245.

⁵⁶ Tamże, s. 244–245.

wykształcenia w nim człowieczeństwa i niezależnego myślenia. Wyraża ona, jak można przypuszczać, jedną z głównych idei utworu:

Может, быть ребенком в однополой семье еще сложнее, чем быть геем: терпеть придется не меньше, только еще и непонятно, в чем виноват. Но я так хочу, чтобы он вырос человеческим, что готова пожертвовать его беззаботным детством⁵⁷.

Intuicję matki bohatera potwierdzają badania naukowe, które wykazały, że „dzieci wychowane w rodzinach nieheteronormatywnych są bardziej tolerancyjne, wrażliwsze na społeczną krzywdę i często w życiu dorosłym angażują się w ruch obrony praw mniejszości”⁵⁸.

Uzasadniony wydaje się wniosek, że przesłanie o konieczności otwarcia się społeczeństwa na różne formy życia rodzinnego oraz po prostu — odmienności płynie z wszystkich trzech powieści młodego pisarza i jest dlań kluczowe. To właśnie konieczność prowadzenia przez rodzinę Mikięgo podwójnego życia staje się największym problemem i przyczyną kłopotów w rodzinie. Nie bez powodu tytuł utworu w niemieckim tłumaczeniu brzmi *Kłamstwo*⁵⁹. Życie w kłamstwie, ciągle udawanie i chowanie wspólnych fotografii przed gośćmi staje się dla bohatera nie do wytrzymania. Chłopiec kieruje swoją złość przeciw rodzicom, jednak to nie oni ponoszą winę za brak możliwości normalnego funkcjonowania w społeczeństwie. Zewnętrzny, „realny świat”, by użyć słów Lwa, nie pozwala na życie w prawdzie:

— Так жить надоело. [...] Ничего никому рассказать не могу и никого не могу в гости позвать так, чтобы заранее фотографии убирать не пришлось...
- Это не из-за нас ты так живешь. [...] мы с папой чем виноваты?⁶⁰.

Potwierdzają się zatem wnioski naukowców, że „to nie fakt posiadania takiej a nie innej rodziny może je [dzieci — U.T.] skrzywdzić, ale nietolerancyjne i homofobiczne otoczenie, z którym często mają do czynienia”⁶¹.

Galina Józefowicz zalicza *Dni naszego życia* raczej do literatury dziecięcej, a nie gejowskiej, gdyż, jak podkreśla, homoseksualność

⁵⁷ Tamże, s. 246.

⁵⁸ J. Mizielińska, *Czy macierzyństwo jest już od zawsze heteroseksualne? Próba refleksji*, w: R. E. Hryciuk, E. Korolczuk (red.), *Pożegnanie z Matką...*, s. 249.

⁵⁹ Patrz: M. Franko, *Die Lüge*, übersetzt von Maria Rajer, Hoffmann und Campe, Hamburg 2022.

⁶⁰ M. Франко, *Дни нашей...*, s. 100–101.

⁶¹ J. Mizielińska, *Czy macierzyństwo...*, s. 249–250.

rodziców Mikiego nie wpływa w żaden sposób na rodzinne relacje — Sława i Lew zachowują się jak wszyscy normalni, kochający rodzice — i stanowi tylko jeden z wątków powieści, którą określa jako „сложное цветное панно, радужные фрагменты в котором постоянно присутствуют, но, в общем, не преобладают”⁶².

Dla uzyskania pełniejszego obrazu matki w twórczości Franko warto przywołać także postaci matek bohaterów drugoplanowych z powieści *Zeszyt w kratkę*⁶³. Domy przyjaciół Ilji — Bibi i Artema — zostają w utworze zestawione na zasadzie kontrastu. Ilja, będąc po raz pierwszy u Artema, mimowolnie dokonuje porównania:

Когда я приходил к Биби, дома всегда была ее мама. И куда ни глянь, она была везде: в аккуратном клетчатом пледе на диване, в полинялой скатерти на столе, во всех отчаянных попытках создать в их маленькой квартире уют. А когда я возвращаюсь домой, я всегда встречаю там папу, и меня кормит папа, и книги советует, и болтает перед сном. И если кто угодно придет к нам домой, он сразу поймет, что у меня есть папа, даже если его самого дома не будет. А дом Шпагина — он вообще непонятно про кого. Их образцовый сад приводит в порядок садовник. Убирается и готовит Дана. Весь этот шикарный ремонт [...], делали сотрудники каких-нибудь элитных фирм по ремонту. А дизайн придумывали лучшие дизайнеры страны. [...] Да только у меня обсессивно-компульсивное расстройство, и я с первого взгляда могу определить, где по-настоящему чисто, а где только видимость чистоты⁶⁴.

Mama Bibi jest faktycznie filarem domostwa. Jej aktywna obecność tworzy Dom — bezpieczne schronienie. Matka karmi rodzinę i wszystkich gości, czym wyraża swoją troskę i miłość. Szczególnie znaczące jest przygotowanie dla Ilji makaronu, jedynego dania, którego chłopiec nie boi się spożywać poza własnym domem. Choć bohater docenia swojego ojca, któremu też udaje się stworzyć synowi szczęśliwą rodzinę, w momencie załamania to właśnie pełna rodzina Bibi (a szczególnie obecność mamy, której sam nie ma) wywołuje w nim zazdrość i rozpacz:

Я вдруг заметил счастливые фотографии ее родителей на полках, весь этот неустроенный, но при этом заботливо оберегаемый быт, [...] и показался себе самым-самым-самым несчастным на свете⁶⁵.

⁶² Г. Юзефович, «Дни нашей жизни»...

⁶³ W *Dniach naszego życia* przedstawieni zostają wyłącznie ojcowie dzieci, natomiast w *Dziewczyńie* mowa tylko o tym, że wszystkie mamy odpowiadają stereotypowemu wyobrażeniu matki, o czym pisałam wyżej.

⁶⁴ М. Франко, *Тетрадь...*, s. 116–117.

⁶⁵ Tamże, s. 93.

Ilja współczuje Artemowi pozbawionemu rodzicielskiego ciepła i zainteresowania. Z niezwykłą przenikliwością charakteryzuje jego luksusowy, lecz bezosobowy dom jako „pozornie czysty”. Zdaje sobie sprawę, że obojętność i brak uczuć brudzą i niszczą jego istotę. To nie jest bezpieczna przestrzeń, w której chciałby przyłączyć się do wspólnego posiłku. Warto zauważyć, że matka Artema pojawia się w utworze w momencie porzucenia wygodnego, lecz bazującego na fikcji i kłamstwie życia. Jak stwierdza bohater: „Жить мы теперь, конечно, будем по-другому, [...] но я рад. — Рад, что родители разводятся? — Рад, что теперь все будут честно”⁶⁶.

W powieści pojawia się jeszcze Wera — matka Daniły, którą za Anną Gizą-Poleszczuk można nazwać matką psychologizującą. Badaczka uznaje to wcielenie za „ideał wykreowany przez poradniki”⁶⁷ i nakręcany przez reklamę. Ilja postrzega Werę jako specyficzną osobę, ale konkluduje:

По-моему, у него хорошая мама. Во всяком случае, она пытается такой быть: у них дома все полки заставлены психологической литературой о воспитании детей, и она действительно старается следовать тому, что читает. Послушать вот даже, как странно она общается с сыном — спокойно и проговаривая эмоции, а не выплескивая их⁶⁸.

Zgodnie z wnioskami Julii Kubisy jednak, zaradność i podporządkowanie, mające cechować idealne matki⁶⁹, w modelu matki psychologizującej „wzmocnione zostały zwulgaryzowanym psychologicznym dyskursem, upatrującym przyczyn wszelkich dziecięcych porażek w działaniach matek”⁷⁰. Słusznie konstatuje ona, że „nowe elementy ideału macierzyńskiego są równie opresyjne w stosunku do kobiet, co dawne”⁷¹.

Nic zatem dziwnego, że Wera skarży się:

[...] все всегда делала для Данила, даже получила второе высшее образование психолога, чтобы лучше разбираться в детях, как она старается все делать правильно, [...] а получается все наоборот [...]”⁷².

⁶⁶ Tamże, s. 216–217.

⁶⁷ Cyt. za: J. Kubisa, *Feministyczne macierzyństwo: AKCJA!*, w: R. E. Hryciuk, E. Korolczuk (red.), *Pożegnanie z Matką Polką...*, s. 291.

⁶⁸ M. Франко, *Тетрадь...*, s. 195–196.

⁶⁹ Kubisa pisze o sytuacji w Polsce, wydaje się ona jednak dosyć uniwersalna.

⁷⁰ J. Kubisa, *Feministyczne macierzyństwo...*, s. 290.

⁷¹ Tamże.

⁷² M. Франко, *Тетрадь...*, s. 194.

Motorem, kierującym życiem matki psychologizującej, jest zatem nadal poczucie winy i podporządkowanie, które wyklucza własną ekspresję. Jak pisze Kubisa: „Musi ona uważać na każde swoje słowo, by nie spowodować traumy i na każde swoje działanie, by przekazywać odpowiednie wzorce”⁷³.

W powieści taka postawa Wery prowadzi do złej i nieszczerzej relacji z synem. Ilja stwierdza:

Она только делает вид, что дает Данилу право выбора, обсуждая с ним разные вещи. На самом деле нет никакого выбора. [...] Она обсуждает проблемы так, что провоцирует чувство стыда и в конце концов делает выбор, который нужен ей, а не Данилу⁷⁴.

W efekcie Danił okłamuje matkę, a ciągle kłamstwa czynią go agresywnym.

Wachlarz obrazów matki w powieści dopełnia postać młodej, ciężarnej sąsiadki. Ilja szuka pociechy w jej ramionach, a ukojenie, które dostaje, przekształca obcą w zasadzie osobę w kogoś bardzo ważnego. Sąsiadka obiecuje, że nie porzuci swojego dziecka, nawet jeśli będzie, jak mówi Ilja „двоечником, геєм, трансгендером, вегетарианцем, неформалом, рокером, дворником — кем угодно”⁷⁵. Postać ta staje się dla bohatera „chwilową matką” — w jej objęciach płacze po raz pierwszy od samobójstwa mamy i to właśnie jej opowiada całą swoją trudną historię. Pełna akceptacja nowonarodzonego dziecka pozwala zaś żywić nadzieję, że szczęśliwe rodziny mogą jednak istnieć.

Warto zwrócić uwagę, że matki są obecne w życiu bohaterów drugoplanowych powieści Franko. Losy głównych postaci natomiast, jak już wspomniałam, determinuje nieobecność matki. Można przypuszczać, że portrety mam kolegów i koleżanek głównych bohaterów stanowić mają punkt odniesienia dla ich historii oraz swego rodzaju tło, służące wyeksponowaniu idei tolerancji i otwartości społecznej. Pisarz pokazuje rodziny alternatywne — jedнопłciową (*Dni...*) i monoparentalną⁷⁶, która przekształca się w „wielorodzinę” (*Zeszyt...*). Jedyna rodzina tradycyjna (*Dziewczyzna*)^o ponosi spektakularną klęskę, która jednak okazuje się niezbędna do dalszego istnienia jej członków. Wyraźnie zatem zostaje zdyskredytowana. Szczęśliwą rodziną o tradycyjnym charakterze wydaje się rodzina uchodźczyń

⁷³ J. Kubisa, *Feministyczne macierzyństwo...*, s. 291.

⁷⁴ M. Франко, *Темрадь...*, s. 203.

⁷⁵ Tamże, s. 155.

⁷⁶ Patrz: K. Slany, *Alternatywne formy...*, s. 116.

Bibi, ale prawdopodobnie w sposób istotny wpływa na to kwestia odmienności kulturowej. Można chyba uznać ją za ideał, w dzisiejszym świecie bardzo trudno osiągalny.

Podejście takie koresponduje z wnioskami badaczy współczesnych form macierzyństwa. Hryciuk i Korolczuk zwracają uwagę, że obecnie mamy do czynienia z dywersyfikacją praktyk macierzyńskich i rodzicielskich, a odpowiedź na pytanie co to znaczy być matką i kto nią jest — staje się coraz trudniejsza⁷⁷. Konstatują one:

[...] w ostatnich dwóch dekadach uwidaczniają się nowe, alternatywne dyskursy macierzyństwa/rodzicielstwa oraz nowe formy rodziny, a kategorie klasy, seksualności czy etniczności komplikują proces redefinicji podstawowych pojęć, takich jak matka, ojciec i dziecko⁷⁸.

Mizielińska zauważa natomiast, że

[...] uznana za ideał rodzina nuklearna pojawiła się dopiero w dyskursie ideologicznym i naukowym XIX wieku. To wtedy nadano jej status uniwersalny, czyniąc zeń jednocześnie określony ideał polityczny [...]. A zatem przyjęta współcześnie triada: matka-ojciec-dzieci jest jedynie przystankiem na drodze zmian, a nie stacją docelową [...]⁷⁹.

Właśnie te zmiany odzwierciedla w omawianych powieściach Mikita Franko. Rola matki wyraźnie się rozmywa — może ją pełnić mężczyzna, niania czy nawet mało znana sąsiadka. Jednocześnie istota figury matki i jej ogromne znaczenie pozostają niezmiennione, o czym świadczy opieka matek, sprawowana nad swoimi dziećmi z zaświatów. Niezwykle ciekawie jawi się motyw śmierci, która we wszystkich utworach prowadzi do czegoś dobrego — wyzwala, odkrywa prawdę, otwiera nowe drogi i możliwości.

Mizielińska podkreśla, że skoro, jak twierdzi Claude Levi-Strauss, „rodzina nie jest faktem naturalnym”⁸⁰, jej formy oraz ich zmienność czasoprzestrzenna nie powinny dziwić. Badaczka przywołuje też pogląd Marcina Króla, który pisze, że jeżeli rodzina „nowego typu” spełnia warunki, jakie ma za zadanie spełniać we współczesnym świecie rodzina (np. zapewniać miłość, wsparcie, podejmować odpowiedzial-

⁷⁷ Patrz: R. E. Hryciuk, E. Korolczuk, *Wstęp...*, s. 8.

⁷⁸ Tamże, s. 14.

⁷⁹ J. Mizielińska, *Czy macierzyństwo...*, s. 239.

⁸⁰ J. Mizielińska, *Pokrewieństwo, rodzina i związki intymne. Spojrzenie na przekór*, w: A. Adamiecka-Sitek, D. Buchwald (red.), *Inna Scena...*, s. 17.

ność), „to jest równie dobra i należy dać społeczne i prawne przyzwolenie na jej istnienie”⁸¹. Wypowiedź Mikiego potwierdza te słowa:

Взрослея и все больше погружаясь в информационное пространство, я слышал много теорий, согласно которым однополые родители не могут быть хорошими родителями, но все эти теории ломались о мои воспоминания; ломались о то, каким любимым, нужным и значимым я чувствовал себя в своей семье⁸².

Na zakończenie niniejszych rozważań pragnę przywołać opinię Galiny Józefowicz o debiutanckiej powieści Mikity Franko. Nazywa ona *Dni naszego życia* skuteczną szczepionką przeciw homofobii i podkreśla, że działa w słusznej sprawie — normalizuje postrzeganie rodzin jedнопłciowych w Rosji⁸³.

REFERENCES

- Adamiecka-Sitek, Agata. “Inna Scena: konstelacje rodzinne.” *Inna Scena: konstelacje rodzinne. Obraz rodziny w polskim dramacie i teatrze w perspektywie gender i queer*. Adamiecka-Sitek, Agata, and Buchwald, Dorota (Eds). Warszawa: Instytut Teatralny, 2009: 9–15.
- Franko, Mikita. (*Devochka*)°. Moskva: Popcorn Books, 2021 [Франко, Микита. (*Девочка*)°. Москва: Popcorn Books, 2021].
- Franko, Mikita. *Dni nashey zhizni*. Moskva: Popcorn Books, 2020 [Франко, Микита. *Дни нашей жизни*. Москва: Popcorn Books, 2020].
- Franko, Mikita. *Tetrad' v kletochku*. Moskva: Popcorn Books, 2021 [Франко, Микита. *Тетрадь в клеточку*. Москва: Popcorn Books, 2021].
- Hryciuk, Renata E., and Korolczuk, Elżbieta. “Wstęp. Pożegnanie z Matką Polką?” *Pożegnanie z Matką Polką? Dyskursy, praktyki i reprezentacje macierzyństwa we współczesnej Polsce*. Hryciuk, Renata E., and Korolczuk, Elżbieta (Eds). Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2012: 7–24.
- Kubisa, Julia. “Feministyczne macierzyństwo: AKCJA!” *Pożegnanie z Matką Polką? Dyskursy, praktyki i reprezentacje macierzyństwa we współczesnej Polsce*. Hryciuk, Renata E., and Korolczuk, Elżbieta (Eds). Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2012: 289–308.
- Mizielińska, Joanna. “Czy macierzyństwo jest już od zawsze heteroseksualne? Próba refleksji.” *Pożegnanie z Matką Polką? Dyskursy, praktyki i reprezentacje macierzyństwa we współczesnej Polsce*. Hryciuk, Renata E., and Korolczuk, Elżbieta (Eds). Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2012: 235–264.
- Mizielińska, Joanna. “Pokrewieństwo, rodzina i związki intymne. Spojrzenie na przekór.” *Inna Scena: konstelacje rodzinne. Obraz rodziny w polskim drama-*

⁸¹ Patrz: tamże, s. 18. Mizielińska podkreśla, że Król nie przyznaje jednak takim rodzinom prawa do adopcji.

⁸² М. Франко, *Дни...*, s. 149.

⁸³ Patrz: Г. Юзефович, «Дни нашей жизни»...

- cie i teatrze w perspektywie gender i queer*. Adamiecka-Sitek, Agata, and Buchwald, Dorota (Eds). Warszawa: Instytut Teatralny, 2009: 17–36.
- Slany, Krystyna. *Alternatywne formy życia małżeńsko-rodzinnego w ponowoczesnym świecie*. Kraków: Zakład Wydawniczy “NOMOS”, 2002.
- Tolstoy, Nikita (Ed.). *Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar’*. Moskva: Izdatel'stvo Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2004 [Толстой, Никита (Ред.) *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Москва: Издательство Международные отношения, 2004].
- Yuzefovich, Galina. “Dni nashey zhizni” — roman Mikity Franko o podroستke, vospitannom geу-paroy v sovremennoy Rossii. <<https://meduza.io/feature/2020/06/06/dni-nashey-zhizni-roman-mikity-franko-o-podroستke-vospitannom-geу-paroy-v-sovremennoy-rossii>> (26.05.2022) [Юзефович, Галина. «Дни нашей жизни» — роман Микиты Франко о подростке, воспитанном гей-парой в современной России].

ANASTASIIA V. MISHCHUK

 <https://orcid.org/0000-0003-0129-6280>

National Aviation University

YULIIA RUDENKO

 <https://orcid.org/0000-0002-2276-199X>

Kyiv Cooperative Institute of Business and Law

MARYNA O. DEI

 <https://orcid.org/0000-0002-0626-8089>

National Aviation University

IRYNA S. SKLIAR

 <https://orcid.org/0000-0003-2407-8665>

Kyiv National Economic University

NATALIA KOVALCHUK

 <https://orcid.org/0000-0001-5994-9139>

Borys Grinchenko Kyiv University

DESCRIPTION OF OMENS IN THE CHRONICLE OF NOVGOROD

The author of the article is interested in the attitude of the medieval person towards various astronomical phenomena, their aspiration to characterize these phenomena, to point out their connection with the historical events of the Novgorod Republic. The relevance of the study of our subject is that the analysis of the descriptions of omens in medieval literature, including chronicles, is poorly researched by well-known historians and mediaevalists. The purpose of the work is to find, examine, and analyse what omens the medieval person drew attention to, how they reacted to them, and how these are recorded in the chronicles. Methods such as descriptive, comparative, and comparative and collation were used in the article. Fragments of the Chronicle of Novgorod describing various celestial omens were collected and analysed in the article. The novelty of the research is that the analysis of celestial omens recorded in the Chronicle of Novgorod has not been performed before, and they have not been given much importance upon the interpretation of ancient records.

Keywords: celestial omens, astronomical phenomena, writing of chronicles, history of Kievan Rus', worldview of the medieval person.

INTRODUCTION

The outstanding phenomenon of cultural life not only of Kievan Rus', but also of medieval Europe, was the writing of chronicles. Chron-

icles are historical works in Kievan Rus' and later in Ukraine, Russia, Belarus, in which the history was recorded over the years. In the chronicles, the story of the events of each year began with the words: "в *лѣтѣ*" ("in the year"); hence the name "*лѣтонис*" ("chronicles").

Chronicles are the main source for studying the political, economic, cultural and partially social history of Kievan Rus', as well as the history of Rus' lands during the period of feudal disunity. Using the official annual records of events, foreign sources, primarily Byzantine, folk legends and retellings, the writers of chronicles told about events related to the life of secular and spiritual feudal lords. Chroniclers aspired to show the history of Rus' in connection with the history of neighbouring tribes and peoples of non-Slavic origin. Information on the urban life was given only upon references to changing knyazes, feudal wars, and urban uprisings.

Chroniclers shed very little light on the details of rural life, agriculture and social relations in Kievan Rus'. The chronicles were also largely affected by the fact that they were written by the monks, which explained the causes of events by divine intervention. They believed that when something unknown, unusual appears in the sky, it is of higher power, and has a certain message. The chroniclers strived to learn to decipher them. But in reality, they only connected them to the closest events that took place after such an omen occurred. Therefore, to understand the worldview, the thought process, and the way the medieval person reacted to unusual things in nature, the analysis of the descriptions of the omens from the chronicles, which hide the truth of the life of our ancestors, will be of help.

The relevance of the study of our subject is that the analysis of the descriptions of omens in medieval literature, including chronicles, is poorly researched by well-known historians and mediaevalists. Therefore, the study and analysis of the descriptions of the omens in the Kievan Rus' chronicles will help to expand the knowledge of life, worldview of the medieval person. The purpose of the work is to find, examine, and analyse what omens the medieval person paid attention to, how they reacted to them, and how these are recorded in the chronicles. To achieve this purpose, the following research objectives were set:

- to characterize the concept of "chronicles" and the development of this genre;
- to study the phenomenon of descriptions of omens in ancient Ukrainian literature;
- to analyse descriptions of omens in the Chronicle of Novgorod.

CHRONICLES AS THE LEADING GENRE OF KIEVAN RUS'

Chronicles are “the entire archive of our historiography” – this is how this genre was characterized by Mykhailo Hrushevsky¹. According to Petro Bilous: “Chronicles are a literary, ideologically determined form of presentation of historical events whose artistic core is a chronotope (time-space) that unfolds in the pattern of medieval worldview, ancient communities. In the context of chronicles, an event is a symbol, a sign of a particular myth. The historical figure has a significant character in it and is modelled as a literary character, formed as an “annalistic biography.”²

Yuri Khoptiar proposed the following definition: “Chronicles are a category of narrative sources, a characteristic feature of which is the presentation of historical events in chronological order by years.”³ Dmytro Chyzhevsky emphasizes that “the chronicles only partially provide yearly records. For the most part, we have a solid story that is only occasionally detailed and arranged by the years.”⁴

Glossary edited by Mykola Yatsiuk, gives the following definition of the concept: “Chronicles are a historical and literary work in which the story of events was arranged by years and began with words “*Блго...*”⁵ Hence the chronicles, the writing of chronicles – the record of different events by the years in the order in which they took place. Annalistic entries were often (especially at the beginning of the chronicles) very short, then became more detailed, including many historical narratives, short stories, legends, retellings made by the people, hagiographies, scrolls, teachings written by different authors, and therefore chronicles became important historical and literary artefacts.”⁶ Thus, the chronicles are a distinctive genre of Kievan Rus', which is a form of recording historical events chronologically.

Contemporary literary studies interpret chronicles as historical prose, or as a synthetic unifying, ensemble, integrative, multifunctional work characterized by features of different genres and styles. These definitions are an attempt to delineate the genre nature of the

¹ С. О. Ефремов, *Історія українського письменства*, Femina, Київ 1995.

² П. Білоус, *Історія української літератури XI–XVIII ст.*, Академія, Київ 2009, р. 58.

³ Ю. Хоптяр, *Історична термінологія*, Аксіома, Кам'янець-Подільський 2008.

⁴ Д. Чижевський, *Історія української літератури*, Джура, Тернопіль 1994.

⁵ “In the year....”

⁶ М. Яцюк и др., *Історія України: словник-довідник*. Харківська Національна Академія Міського Господарства, Харків 2010.

chronicle in the context of contemporary notions of genres and styles, since it is a coherent genre unit belonging to the medieval system.

The main feature of the chronicles is the yearly nature of records. Scientists remain ambiguous in this regard. The chronological principle of presentation, according to Petro Bilous⁷, enabled the chroniclers to use material that is diverse in character, content and genre. This principle has to some extent influenced the peculiarities of the style of the artefact, which is defined by two main types: a) epic (narrative) that imitated an oral poetical tradition (heroic epic); b) historical and documentary (factual), which prevails in the description of specific events and facts. The epic style is characterized by narrative tone, meaningfulness, imagery; historical and documentary is informative, concise, reserved, emotionless.

The artistic colouring of the chronicles is provided by ancient poetic ideas. Mykola Kostomarov drew attention to this, noting that the chroniclers turned to folk art because of the lack of sources, but as Christians they were forced to “purify” this material accordingly. This causes fragmentary nature and simplicity in its use⁸. Ihor Isichenko points out that researchers distinguish between annual records and chronicles. “In chronicles, stories are larger in scope, and their storylines often use the annalist’s personal experience as a participant, eyewitness, or contemporary of the events. Dialogues and monologues are more extensive, though the monologue is often transformed into an etiquettical, into an emotional declaration of the character.”⁹ Chronicles include specific story details, imagery, character descriptions.

Petr Bilous points that “the writing of chronicles came at the stage of completion of the formation of the early feudal monarchical state, when Knyaz Volodymyr came to power and introduced Christianity as the state religion. Since then, there has been a need for the written legitimization of this state, the revelation of its formation, the creation of a dynastic line of rulers of the Rus’ Land, its inclusion into the world historical process, fixation of its state borders.”¹⁰ Thus began the creation of the historiosophic myth of the Rus’ Land as a state. With that, schemes and models known at the time were bor-

⁷ Ibid., p. 2.

⁸ Ibid.

⁹ И. Исиченко, *Історія української літератури X–XVIII ст.*, 2014, <http://www.bishop.kharkov.ua/kursi-lekcij/istoria-istoria-ukraienskoie-literaturi-h-xvi-st/-pov-st-vremennyh-l-t> (accessed 10.12.2021).

¹⁰ Ibid., p. 2.

rowed from Byzantine historiography: Chronicles of Amartol, Malala and others. Although Volodymyr Poliek contradicts this assertion that “the chronicles, by the nature of the presentation of historical events and facts, very little resembles Byzantine or Western European chronicles. The genesis of the writing of chronicles has not yet been fully resolved, but there are different hypotheses, because the chronicles did not reach our times.”¹¹ Bilous says that the writing of chronicles, initiated at the behest of the authority of that time (kn-yaz), became the official reflection of the past and present, the official version of Rus’ history. Thus, records were kept on record annually, although fragmentarily and not all years were recorded by the annalists. The events were recorded clearly and concisely, and sometimes more extensively.

DESCRIPTIONS OF OMENS IN ANCIENT UKRAINIAN CHRONICLES: THE DEGREE OF MASTERY OF THE TOPIC

In ancient Rus’, the sky was seen as a parchment with God’s records, and from time to time prophetic signs actually appeared on it, foreshadowing fateful events: blood-red stars, solar and lunar eclipse, fiery pillars, tailed comets and celestial glow. As Vadym Dolgov points out, despite the stated constant readiness for a miracle, the perception of miracles by the ancient person was not immediate and spontaneous. An analysis of ancient Rus’ literature shows that to see miracles, to single out the miracle from the flow of phenomena of life, to give it an assessment, it took some intellectual training.¹²

This ability was an integral part of ancient Rus’ literary scholarship, the basis of which was the acquisition of the ability to grasp the hidden meaning of things and the development of the ability to interpret the surrounding reality through the lens of Christian ideology. Representatives of the educated elite zealously maintained the exclusive right to comprehend, interpret, and even perform miracles, omens, and prophecies. It was important that the representative of the church or secular government draw the attention of the population to some phenomenon and explain that they are witnessing a miracle or an omen, which also has a corresponding interpretation.

¹¹ Ibid., p. 3.

¹² В. Долгов, *Быт и нравы Древней Руси*, <http://www.e-reading.club/chapter.php/143254/24/Dolgov_-_Byt_i_nravyy_Drevnei_Rusi.html>.

All sorts of competitors in the fight for the minds of ordinary people were mercilessly destroyed. The perception of the world by the medieval man had many features. One of them (perhaps one of the fundamental ones) was the absence of a rigorous juxtaposition of the divine and earthly worlds. These spheres were in direct contact with each other. The supernatural literally pervaded everyday life and penetrated all spheres of life. It was believed in, remembered, and actions were performed with the understanding that in everyday life, at any moment, something wonderful, beyond the laws of daily existence, could occur.

Wonders are an integral part of the worldview of the person in the early Rus' Middle Ages. The public consciousness of the population of Ancient Rus' was characterized by a psychological openness to the perception of the supernatural, a constant disposition to wonder, a willingness to believe. This phenomenon can also be defined as reduced (compared to a modern person) criticality regarding the supernatural explanation of the phenomena of the world around. A miracle — great, wonderful, terrible, awful — must appear or happen. The miracle can be a voice, a sign, an object possessing phenomenal natural properties or an unusual event caused by the evil spirit. The miracles are called deeds or omens.¹³ To distinguish miracles from the general flow of events in everyday life, a certain intellectual skill was required, which, as a rule, was the result of special training that gave ideological leaders of society (first to the pagan priests, and then to the Orthodox clergy) a powerful weapon of ideological influence on society.

As a “theoretical base” for the interpretation of miracles, ancient writers have widely used the translated works of Byzantine authors. In the ancient Ukrainian literature, the appeal to “miracle”, “omen” had the meaning of the marker of non-randomness, mystical conditionality, certainty associated with the miracle or omen of the event. If certain events, a person or an object showed connection with the higher mystical reality, they, thus, were included in the category of phenomena of the first order, the nodal elements of the universe. It is important to highlight that the notion of the miracle was mainly associated with a saint or the impure force having phenomenal properties. The literature clearly defines the aspiration to link the most

¹³ E. Berezovich, “On some aspects of the concept of a miracle in the linguistic and folklore tradition of the Russian North,” *The concept of a miracle in the Slavic and Jewish cultural tradition*, Sefer, Moscow 2001, p. 95–115.

important facts of “earthly” (political, cultural, etc.) life with the action of higher powers, to build the relationship between the divine and human world. The use of supernatural motives as an ideological weapon in political struggle did not affect, however, the ideologists’ own belief in the miracle. For the needs of the “ideological front” miracles were not invented, but rather were properly interpreted. The advantageous interpretation became the correct interpretation.

The need of a person to know his/her future is one of the considerable fragments of the folk culture. Omens were an important aspect of forecasting the future for a person of the medieval Rus. They are external signs which indicate the future. The current level of knowledge on the folk culture allows to assert that virtually any fragment of culture is two-way mystic communication of a person and the world of spirits with the help of encoded signs (Vinogradova, 2000). These signs could be connected with voices (the rustling of leaves, crows cawing), seasons (late autumn, early spring, warm winter), behaviour of animals, and celestial phenomena.

The topic of celestial phenomena in Ukrainian chronicles, which are perceived by our ancestors as an omen, has not been sufficiently developed, although a number of researches may form the basis for its further study. The works of Danylo Svyatsky, “Astronomical phenomena in the Rus’ chronicles from a scientifically critical point of view,”¹⁴ as well as the “Essays on the History of Astronomy of Ancient Rus’,” have not lost their significance to the present day. Danylo Svyatsky, with the help of scientific and critical analysis of the annalistic notes on solar and lunar eclipses, comets, falling stars, sunspots, northern lights, and other astronomical phenomena compiled a guide that is useful in clarifying calendar dates, matters of chronology, territories in which this phenomenon could be observed, and finally – the level of credibility of the astronomical texts of the chronicles.¹⁵ According to Svyatsky, our chronicles contain rich, true and often very important astronomical material. Our annalists, in the true sense of the word, were the first Rus’ astronomers. Compared to Western chronicles, they contain more new and interesting information. The Western chronicles paid more attention to earthly events rather than describing the appearance of celestial omens. But while, for example, the Western chroniclers’ evidence of solar eclipses was carefully collected and processed by

¹⁴ Д. О. Свяцкий, *Астрономия Древней Руси*, Русская панорама, Москва 2007.

¹⁵ Ibid.

scientists for the Moon theory, the records of our chroniclers have been so far ignored. The same should be said about comets, which, however, has already been addressed.¹⁶

Adnrey Laushkin¹⁷ devoted his thorough and quite exhaustive work to omens in the Rus' chronicles. In the article "Natural disasters and natural omens in the representations of ancient chroniclers of the XI–XII centuries," the researcher made a number of interesting observations. In particular, Laushkin drew attention to the Christian interpretation of natural phenomena and omens by the annalist. According to the researcher, "the chroniclers considered the emphasized express openness to the observation for a large number of people (this is neither a dream, nor a vision) as the criterion of the truthfulness of the omens."

Laushkin came to the conclusion that omens for the annalists, and thus for our ancestors in general, were not fatal in nature, but were "merely tools in the hands of God, who with their help wants to bring people to reason and bring them to correction, and depending on the reaction of the latter can either vent the wrath promised in the omen, or stop it." The historian also pointed at a great deal of caution in the interpretation of unknown phenomena by the annalist: it was always performed "post factum, when the meaning of the sign had already been clarified" and, as a rule, came down to the definition of occurred phenomenon as "for good" or "for evil." However, Laushkin tried to illustrate the dependence of a certain type of omens (solar and lunar eclipse, optical phenomena (halo and northern lights), the fall of comets, meteorites, stellar rains, roses, earthquakes, etc.) on its interpretation. The researcher also assigned a significant role in the "decoding" of the omens to eschatological expectations. In general, the work of Laushkin covers a significant layer of phenomena that were interpreted by the chronicler as an omen, revealing their general patterns.¹⁸

Aleksey Pautkin¹⁹ devoted one of the sections of his doctoral thesis "Ancient Rus' chronicles of the XI–XIII Centuries: The Matter of Po-

¹⁶ В.В. Долгов, *Чудеса и знамения в Древней Руси X–XIII вв.*, 2001, <http://medievalrus.narod.ru/dolgov.htm> (accessed 17.12.2021).

¹⁷ А.В. Лаушкин, *Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв.*, "Русское Средневековье" 1998, vol 1, p. 26–58.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ А.А. Пауткин, *Древнерусские летописи XI–XIII вв.: вопросы поэтики*, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва 2003.

etics” to the consideration of the annalistic material on natural phenomena. Pautkin notes that the chronicles have brought to us much information about natural phenomena. The ancient authors were interested mainly in exceptional natural manifestations, which carried a symbolic meaning and were perceived as a harbinger. Among the possible features reflected in the chronicles are the celestial and the earthly. The author concludes that the scholars predominantly focused on the images of the visible sky. Eclipses, comets, unusual coloration of clouds and luminaries, optical phenomena of atmospheric origin were recorded by chroniclers of different centuries.²⁰

Thus, the constant readiness to perceive the miracle had a very definite function in the public consciousness: it was a niche for “fitting in” those facts in the general worldview, that were unexplained from the standpoint of mundane life experience. An important role in the perception of a phenomenon as a miracle or an omen played an important role in the social mood, which created more or less favourable conditions for this in each particular situation.

ANALYSIS OF DESCRIPTIONS OF OMENS IN THE CHRONICLE OF NOVGOROD

The topic of our report is understudied and relevant to the medieval studies. Thanks to the descriptions of the omens, you can learn a lot about the ideas of the Slavs, their relation to astronomical phenomena, their attitude towards historical events, and whether the Slavs believed that the omen had any influence on their lives. Namely, in the Chronicle of Novgorod, descriptions of omens are most common. The Chronicle of Novgorod, as Alexander Grigorievich Bobrov writes, are annalistic artefacts that are united by the place of their creation in Veliky Novgorod. There are five Chronicles of Novgorod in total.²¹

According to research performed by Boris Mikhailovich Kloss, the oldest chronicles are the Novgorod First Chronicle. They consist of a senior and a junior recension. The senior includes only one scroll – the Synodal, which in turn is divided into the older part (up to 1234 and dating back to the 2nd half of the 13th century) and the younger

²⁰ О. Е. Еремкина, *Небесные знамения в Новгородской первой летописи старшего извода*, “Язык и текст” 2014, vol. 1, no. 2, pp. 6–16.

²¹ А. Бобров, *Новгородские летописи XV века*, <https://www.jstor.org/stable/25518832> (17.12.2021).

part (up to 1330; The junior recension contains four scrolls: Commission (mid 15th century), Academy (40-ies of the 15th century.), Tolstoy (20-ies of the 18th century), and Trinity (60-ies of the 16th century)²². The Novgorod Second Chronicle, as Volodymyr Ziborov writes, is also called the Archive, or the Malinov. This is an artefact of annalistic writing of the 16th-century Novgorod, which came to us in two scrolls: the first is the end of the 16th and the beginning of the 17th, and the second is the end of the 17th and the beginning of the 19th. The text of the chronicles can be divided into 2 parts: before and after the 16th century.²³ The Novgorod Third Chronicle, as Sergey Azbelev writes, has the largest number of scrolls. It was published twice by six scrolls: Kolobov (18th century), Synodal (18th century), Rumyantsev First (18th century), Kyiv (18th century), Stroev (late 17th-early 18th century), Tolstoy (18 century). Sergiy Shambinago introduced two more scrolls into the circulation: Rumyantsev Second (18th century), Borsov (18th century). Azbelev revealed six more lists: Titov, Commission, Shchedrin, Belyayev, Academy, Rulin – all of which date back to the 18th century.

Available lists allow to establish the presence of two editions. Azbelev called these editions the extensive (the original version – no later than 1679, the final – 1682) and the brief one (the original version – not earlier than 1682, the final – no later than 1720). And the scrolls of the brief editions can be subdivided into two types: full and shortened. Nine scrolls are included in the full type: Kolobov, Synodal, Titov, Commission, Barsov, Rumyantsev First, Shchedrin, Kyiv, Belyayev. All scrolls of this type end with the news of Metropolitan Joachim of Novgorod in 1674 (except the Belyayev, which stops at the events of 1454). The shortened form is represented by the following scrolls: Academy, Stroev, Tolstoy, Rulin.

The Academy scroll, in addition to the latest news of the scrolls of the full type, contains the news of 1674 on the consecration of Joachim by Metropolitan Cornelius. In the Stroev scroll, the annalistic text is extended to 1699, in the Tolstoy – to 1716. The Rulin scroll stops at the events of 1375.

In total, the Novgorod Third Chronicle has two editions. The Chronicle was first published under the editorship of Yakov Ivanovich Berednikov in the third volume of the Complete Collection of

²² *Новгородские летописи*, 1841, http://psrl.csu.ru/toms/Tom_03.shtml (9.02.2022).

²³ Ibid.

Russian Chronicles in 1841, together with the Novgorod First and Second Chronicles. The second time the Chronicle was published under the editorship of Afanasii Bychkov in 1879 and contained the Novgorod Second and Third Chronicle (Azbelev, 1956). The Novgorod Fourth Chronicle dates from the 15th century by Y. S. Lourie. There are two editions: the elder (brought to 1437) and the younger (mostly brought to 1447, and then continued differently in various scrolls)

The elder edition has two scrolls:

- the Novorossiysk Scroll. Stops at 1437. Rewritten around 1477. The manuscript also includes lists of bishops and clerks of Novgorod;
- the Golitsyn Scroll. Stops at 1518. Rewritten in the same year. The manuscript also includes “The Short Chronicle” by Patriarch Nicephorus;

The younger edition includes a number of lists:

- the Frolov Scroll. The manuscript of the 1470–80’s. Stops at 1448;
- the Stroev Scroll. The manuscript of the last quarter of the 15th century. Stops at September 6985 (1476);
- the Tolstoy Scroll. Manuscript of the end of the 15th century. Contains a fragment of text for 1382–1418 years;
- the Synodal Scroll. Manuscript of 1544. Stops at September 6985 (1476);
- the Academy Scroll. Manuscript of the first third of the 16th century. Stops at 1515;
- the Muzeum Scroll. Manuscript of the middle of the 16th century. Stops at 1535;
- the Dubrov Scroll. Upon publishing as part of Volume IV of the Complete Collection of Russian Chronicles, was considered as one of the variants of the Novgorod Fourth Chronicle;
- the Brief Chronicle of Novgorod according to the scroll of Nikolay Nikolsky, stops at 1556, the manuscript of the second half of the 16th century.

The final, Novgorod Fifth Chronicle, also known as the Chronographic, dates from the late 15th century. We know the least about it. The chronicles lived to this day only in one full list. It is a special edition of the Novgorod Fourth Chronicle, in which the news of Novgorod is greatly expanded.²⁴ Apart from the fact that they clearly and concisely describe the events of each year, the Chronicle of Novgorod stand out

²⁴ С. Н. Азбелев, *Новгородская третья летопись*, 1956, <http://feb-web.ru/feb/todrl/t12/t12-236.htm> (9.02.2022).

from other chronicles of the Middle Ages due to the frequent mention of omens. In other chronicles of the times of Kievan Rus', some omens are often not recorded, or, if recorded, under another year.

Also, as Dolgov writes, the Novgorod chronicler fixes the phenomenon of nature phlegmatically, for example: *"В'літо 6615. Трясило земля В' 5 лютого"* ("In the year 6615. The ground shook on February, 5"). This ends the entry. Surprisingly, the chronicler did not consider it necessary to comment on this, perhaps, extraordinary event. The Novgorod First Chronicle does not provide us neither with supernatural, nor with any domestic interpretation. Stereotypical mentions of some omens *"В' солнці"* ("In the sun"), but what exactly these "omens" meant is unclear from the following text. There are many similar passages in the Chronicle of Novgorod. In addition to the solar, there were omens *"В' місяці"* ("In the moon"), or the thunder would strike the sexton singing in the choir part of Hagia Sofia, so much so, that *"клірос' в'сь зй люд'ми падоша ниці"* ("the choir part of the church completely collapsed together with the people") – this is also an "omen," the content of which is not explained by the chronicler to the reader. What the event participants were experiencing, how did the author himself interpret the described events, remains unknown. The Northern annalist, at best, rises to the interpretation of the unusual phenomenon of nature as an omen, but its meaning remains either unclear or uninteresting, or so obvious that it makes no sense to write about it. One way or another, the opportunity to include a mystical component into the story, which so apparently seems to suggest itself, is used very poorly.²⁵

Here are some more examples of omens from The Chronicle of Novgorod:

The Novgorod First Chronicle (senior recension)

*"В' лѣто 6536. Знамение явися на небеси змиевъ видѣ."*²⁶

In the year 6623, the chronicler describes a total solar eclipse on 23 July 1115. *"В' лѣто 6623. В' то же лѣто бысть знамение в' солнці, якоже погыбе. А на осень прѣставися Ольгъ, сынѣ Святославль, августа в' 1. А Новѣгородѣ измьроша коня вся у Мьстислава и у дружины его."*²⁷

²⁵ Ibid., p. 16.

²⁶ "In the year 6536. There was an omen in the sky in the form of a serpent."

²⁷ "In the year 6623. In the same year, there was an omen in the sun deathwards. And in autumn, Oleg, son of Svyatoslav, died on the 1st of August. And in Novgorod, all horses of Mstyslav and his družina."

In this message the Novgorod chronicler not only describes “знамение въ солнци” (“an omen in the sun”), but also connects this omen with the death of Knyaz Oleg Sviatoslavovich and an epizootic.

In the year 6632, a total solar eclipse on the 11th of August 1124 is described. “Въ лѣто 6632. Мѣсяця августа въ 11 день, передъ вечернею, почя убывати солнця, и погыбе всѣ; о, великъ страхъ, и тьма бысть, и звѣзды быша и мѣсяць; и паки начя прибывати, и въбързѣ напълнися; и ради быша вси по граду.”²⁸

The chronicler gives an exact date and describes the event in detail: “и тьма бысть, и звѣзды быша и мѣсяць” (“there was darkness, there were stars and the moon”). As it can be observed, such omens cause “великъ страхъ” (“great fear”).

The Novgorod First Chronicle (junior recension)

*“Въ лѣто 6536. Знамение змиево на небеси явися.”*²⁹

The Novgorod Fourth Chronicle

*“Въ лѣто 6535. Знаменіе змиево явися на небеси, яко видѣти всеи земли.”*³⁰

These records mention a comet, and as we can see, the chronicler has no comment on the description of the omen. The last entry also mentions a comet. It is possible that upon recording, the chroniclers made a mistake, and that was the same comet, which was mentioned a year later in the Novgorod First Chronicle. These descriptions of the omens are interesting because the comets looked like a serpent to the ancient Slavs, which is why they considered this celestial phenomenon a bad omen. Nobody knows exactly why the chroniclers described the comet as a snake. But several versions can be suggested. The comet looks very much like a serpent, but no one really knew what they had noticed, so the chroniclers wrote down these omens based on what they looked like. But this theory does not answer the question why then the Slavs considered the omen to be evil. It

²⁸ “In the year 6632. In the month of august, on the 11th day, before Vespers, the sun began to get smaller, and everyone died; oh, there was great fear and darkness, there were stars and the moon; and (the sun) began to emerge and became full; and everyone in the city was happy.”

²⁹ “In the year 6536. A serpent’s omen appeared in the sky.”

³⁰ “In the year 6535. A serpent’s omen appeared in the sky, which was visible all over the earth.”

is possibly due to the fact that, as Christians, the people of Kievan Rus', knew the Holy Scripture, wherein the serpent was the cleverest and the feeblest, evil-doing creature that persuaded others to do the same. An example of this is the well-known episode in Genesis, when the serpent persuades Eve to eat the forbidden fruit and share it with Adam. The second hypothesis is more likely, but this depends on how one approaches the question.

The Novgorod Third Chronicle

Въ лѣто 6586 ... Поставленъ бысть Великому Новуграду епископъ Германъ. При семъ епископе бысть знаменіе в солнце, яко погибнути ему, и мало его остася, и аки мѣсяць бысть, во 2-мъ часу дни, маіа въ 21 день.³¹

Bishop Herman of Novgorod is mentioned here in that year, that is, in 1078, when he was introduced to the Novgorod bishop's throne, most likely by Metropolitan John II, and in this case the solar eclipse did not foreshadow any evil, though the chronicler believed that it was an omen of his death.

In fact, according to the Chronicle of Novgorod of the 15th century, Herman remained a bishop until 1095 and died in Kyiv, according to later sources, in 1096. In the 15th century, under Archbishop Euthymius II of Novgorod, he was canonized by the Church (locally). He was buried in St. Sophia Cathedral in Novgorod, in the M. Parvis, but, according to A. Karpov's evidence, his burial is currently absent in the cathedral. Thus, it can be said that this omen did not foreshadow the any evil for the bishop, since he had lived 18 more years after that. And from this we can say that not always the chroniclers interpreted the omens correctly.

The Novgorod Fourth Chronicle

Въ лѣто 6622. Бысть знаменіе въ солнци тако же: погибъ въ 1 часть дни, бысть видѣти всѣмъ людемъ, остася его мало, аки мѣсяць долоу рогама, марта въ 19. Того же лѣта преставися благовѣрный князь Михаилъ, зовемыи Свѣтополкъ; и внидѣ Володимѣръ в Киевѣ на столъ. Бысть солнце аки мѣсяць. Преставися Михаилъ, зовемы Свѣтополкъ, Изяславичъ, апрѣля 16, княжи в Киевѣ лѣтъ 21. Володимѣре. Того же мѣсяца апрѣля 20

³¹ "In the year 6586. Bishop Herman was to die in Veliky Novgorod soon. Because this bishop had an omen in the sun that he would die soon, he had little left to live, the moon completely covered it (the sun), this happened at two o'clock in the afternoon, on the 21st day of May."

сьде Володимерь Маномахъ на великомъ княженіи на столъ отца своего Всеволода и оустрои мостъ чрес Днѣпръ.³²

The chronicler mentions Knyaz Sviatopolk Iziaslavich under his baptismal name Mikhail, namely his death a month after the solar eclipse. Sviatopolk Iziaslavich was the cousin of Volodymyr Monomakh, who is also mentioned in this record, who, as a result of Knyaz Mikhail's death, ascended the Kyiv throne. Knyaz Sviatopolk belongs to the Sviatoslavich kin, he is the grandson of Yaroslav the Wise. Namely, all knyazes of this kin died or perished before or after the solar eclipse. As for the very cause of death, it is not exactly certain. According to one hypothesis, he was poisoned, and according to another – he died of the disease.

The Lavrentian, the Hypatian, the Novgorod First (Senior Recension), the Novgorod Fourth, the Sofian First, the Tver, the Voskresenye Chronicles

В лето 6573 (1065). ... В си же времена бысть знаменье на западѣ, звезда превелика, лучъ имущи акы кровавы, въсходящи с вечера по заходѣ солнечнымъ и пребысть за 7 дний. Се же проявляше не на добро, посемъ бо быша усобиць многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звезда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитье. В си же времена дѣтиць вверженъ в Сѣтомль; сего же дѣтища выволокоша рыболове въ нѣводе, его же позоровахомъ до вечера, и пакы ввергоша и в воду. Бяшетъ бо сиць: на лице его срамнии удове, иного нелзѣ казати срама ради. Пред симъ же временемъ и солнце премънися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголють снѣдаему сицю. Се же бывають сица знаменья не на добро. Мы бо по сему разумѣмъ, яко же древле, при Антиосѣ, въ Иерусалимѣ случися внезапно по всему граду за 40 дний являтися на въздухъ на конихъ ришющимъ, въ оружьи, златы имущемъ одежда, и полкы обоя являемы, и оружьемъ движаящимся; се же проявляше нахоженье Антиохово на Иерусалимъ. Посемъ же при Неронѣ цесари в том же Иерусалимѣ восия звезда, на образъ копійный, надъ градомъ: се же проявляше нахоженье рати от римлянъ. И паки сице же бысть при Устиньянѣ цесари, звезда восия на западѣ, испущающи луча, юже прозываху блистаницю, и бысть блистающи дний 20; посем же бысть звездамъ теченье, с вечера до заутрѣя, яко мнѣти всѣмъ, яко падаютъ звѣзды, и пакы солнце

³² "In the year 6622. There was an omen in the sun: it disappeared in the morning, it was visible to all people that it (the sun) remained small, and the moon covered it, this happened on the 19th day of March. In the same year, Knyaz Mikhail, named Sviatopolk, died; and Volodymyr came to Kyiv to take the throne. The sun was covered by the moon. Mikhail, who was called Sviatopolk Iziaslavich, died on the 16th day of April in Kyiv, at the age of 21. On the same month, on the 20th day of April, Volodymyr Monomakh, son of Vsevolod, took the throne and built a bridge across the Dnipro."

DESCRIPTION OF OMENS...

без лучъ съяше: се же проявляше крамолы, недужи челоуѣкомъ умертвие бяше. Паки же при Маврикии кесари бысть сице: жена дѣтищъ безъ очью и безъ руку, в чересла бѣ ему рыбий хвостъ прирослъ; и песь родися шестногъ; въ Африкии же 2 дѣтища родистася, единъ о 4-хъ ногахъ, а другій о двою главу. Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци не на благо бываютъ; но знаменья сиця на зло бываютъ, ли проявление рати, ли гладу, ли смерть проявляютъ.³³

As it can be seen, in the Novgorod First Chronicle (Senior Recension) as well as in the Tale of Bygone Years, the story about an omen is given in detail. Therefore, the reduction occurred at the time of compiling the Synodal Scroll. The author of the Initial Scroll also speaks of the negative meaning of these omens: “Се же проявляше не на добро” (“This phenomenon did not mean any good”), and explains to the reader why he reached such a conclusion: “посемъ бо быша усобищъ многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитъе” (“after that there were feuds, evil tribes attacked the Rus’ land, because this star was like the color of blood, which meant bloodshed”). In other words, in the Initial Scroll, the chronicler does not only attempt to assess this phenomenon, but also associates it with specific events. In his article “These omens are not good”, A.A. Shaikin links the omens of that year and back flow of the river in 6571, studied in the first chapter, to the beginning of knyazes’ struggle in the 60s of the 11th century [9, p. 105]. Thus, in 6572, Rostislav Vladimirovich, one of the destitute grandchil-

³³ “In the year 6573 (1065) [...] In those times, there was an omen in the west, a huge star that had a bright red light, appeared in the evening in the west and disappeared after 7 days. This phenomenon did not mean any good, after that there were feuds, evil tribes attacked the Rus’ land, because this star was like the color of blood, which meant bloodshed. At the same time, the child drowned in the river Setoml, which was then taken out by fishermen, examined it until the evening and thrown it back into the water. Because its face was so ugly that no one wanted to talk about him. Before that the sun had just changed, the moon had covered it. Such omens are not good events. It was a long time ago, during the rule of Antos, in Jerusalem, suddenly there were horses all over the city for 40 days, the horses rebelled, and the war regiments rose up; this was before the appearance of Antos in Jerusalem. After that, a spear-like star appeared in Jerusalem and was seen all over the city. It appeared in the west, for 20 days it did not descend from the sky, the stars were falling at this time, many died of illness at this time. At this time, in Mauritius, a woman gave birth to a baby without an eye and a hand, its legs resembling a fish tail; and a six-legged dog was born; in Africa, two children were born, one had four legs and the other had two heads. Signs in the sky, or in the stars, or in the sun, do not appear for the good, they foreshadow only evil events, whether it be war, or famine, or death.”

dren of Yaroslav the Wise, with prominent Novgorod people, Porei and Vyshata, escapes to Tmutarakan and expels Gleb, son of Chernigov's knyaz Sviatoslav. Sviatoslav tries to restore his son's rights. Rostislav, not willing to fight against his uncle, leaves the city temporarily. Having waited for Sviatoslav to leave, Rostislav expels Gleb again. In 6574, the Greeks, fearing Rostislav to gain strength, poison him treacherously in Tmutarakan. In the same period of time, Vseslav launched military actions against the Yaroslavich kin; and in 6575, a notorious bloody battle Battle on the Nemiga River, after which the Yaroslavich lured Vseslav and imprisoned him with his children. In 6576 (1068), the Rus' people were defeated by the cumans in the Battle of Alta River, causing a range of internal turmoils.

Svyatsky wrote that this record can be considered as a set-out for various astronomical omens, and therefore it connected the astronomical events of the previous and next years (April 1064 and April 1066). One can also see that here, instead of the usual annalistic records beginning with "in the same year," the chronicler uses vaguer expressions, such as "in the same time" and "before this time." This post most likely describes the Halley comet of 1066, which appeared in the evening according to Chinese and European chronicles and according to an astronomical calculation from April 24, and dreaded the entire Europe, and tells about the past solar eclipse on April 19, 1064. Ancient phenomena are given in accordance to the Byzantine chronicle of George Amartol and his continuer. Three comets known from different sources are described: the first (according to the book of Maccabees) during the rule of Antiochus; the second – during the rule of Nero, described by Josephus Flavius; and the third – during the rule of Justinian, on August 28, 532, also known from the Chinese chronicles.

As we have seen from the examples above, solar eclipses caused great fear among people. For example, in the year 6632, describing the eclipse, the chronicler adds: "*о, великъ страхъ, и тьма бысть, и звѣзды быша и мѣсяцъ*" ("oh, there was great fear and darkness, there were stars and the moon"). After the eclipse finished, according to Novgorod chroniclers, people felt relieved. Thus, almost after every message, we can read: "*и ради быша вси но зрады*" ("and everyone in the city was happy"). Moreover, out of 12 eclipses described, one (6623) is associated with a specific event, that is, the death of knyaz Oleg Sviatoslavovich and the epizootic:

DESCRIPTION OF OMENS...

Въ то же лѣто бысть знамение въ солнци, якоже погыбе. А на осень прѣставися Ольгъ, сынъ Святославъ, августа въ 1. А Новѣгородъ измѣроша коня вся у Мѣстислава и у дружины его³⁴.

Aleksey Laushkin draws attention to the fact that in almost all cases, when chroniclers are looking for a specific consequence of a solar eclipse, they indicate someone's death. It is also interesting that after mentioning solar eclipses, the reports about the deaths of knyazes or lords are especially frequent, although the chroniclers do not make a formal connection between these events. Of course, given the complex history of chronicles, contextual convergences cannot be strong evidence, but it is worth paying attention to these convergences. However, it is not only the death of knyazes that the Novgorod chronicler associates with these omens. Thus, in the year 6639, after the solar eclipse, the campaign of the Novgorodians against the Chudes, during which “много добрыхъ мужъ избѣша,”³⁵ while in the year 6745, there is a report about a major defeat suffered by the Novgorodians and their allies during the campaign against Lithuania.

Lunar eclipses are reported far fewer than solar ones. In a report dated 6625, it is likely that a total lunar eclipse in 1117 was mentioned:

Въ лѣто 6625. Въ то же лѣто бысть знамение Новѣгородъ въ святѣи Софии от грома, мѣсяця мая въ 14, въ час 10: вечерню поющимъ, единъ от дѣякъ зараженъ бысть от грома, а клиросъ весь съ людьми падоша ници, нѣ живи быша. А на вечеръ бысть знамение въ лунѣ. Въ то же лѣто игумень Антонъ заложѣ церковь камяну святѣя Богородиця монастырь. Въ се же лѣто прѣставися Добрыня, посадникъ новгородскыи, декабря въ 6.³⁶

However, the very event was described a month after the event happened – on the 16th of June. Therefore, it might be some other atmospheric phenomenon.

It is difficult to say whether the chronicler connected the omen in the moon with the posadnik's death. After all, the report about the Dobrynia's death is not given immediately after the report of the

³⁴ “In the year 6623. In the same year, there was an omen in the sun deathwards. And in autumn, Oleg, son of Svyatoslav, died on the 1st of August. And in Novgorod, all horses of Mstyslav and his družina.”

³⁵ “Many good men were killed.”

³⁶ “In the year 6625. In the same year, there was an omen from a thunder in Novgorod in St. Sophia, on the 14th of the month of May, at 10: singing Vespers, a sacristan was stroke by a thunder, while the choir and people fell down as if they were dead. And in the evening, there was an omen in the moon. In the same year, hegumen Anton founded the Mother of God Church in the monastery. In the same year, on the 6th day of December, Dobrynia, the posadnik of Novgorod, died.”

omen. And the chronicler himself does not make any remarks about it. I believe that in this case, the chronicler refrained from analyzing the meaning of this omen. Judging by the exact timing, the report is simultaneous with the event. So, the chronicler might have thought that its meaning was yet to be known in the future. The report of the lunar eclipse in 6657 “*Въ лѣто 6657... Тоу же ноци бысть знамение въ лунѣ: вся погыбе, въ заутрънюю пакы напълнися, феурап*”³⁷ is present in the Novgorod First Chronicle (senior recension), while absent in the Novgorod First Chronicle (junior recension). D.O. Svyatsky notes that in February there were no total lunar eclipses in the coming years. The eclipse on the 26th of March was not total; the eclipse on the 15th of March 1150 was total, but it entered its full phase after the sunrise. It is most likely that this phrase appeared in the Synodal Scroll from another year by chance. The most likely candidate is the eclipse on the 12th of February 1161, described by many chronicles and omitted in the Novgorod one. However, the temporal error in this case seems too big. N.G. Berezhkov’s opinion is much more convincing. He believes that there was an error in the month, and that is the eclipse on the 15th of 1151.

A.V. Laushkin notes that lunar eclipses were perceived by chroniclers in about the same way as solar ones, that is, as bad omens, one of the meanings of which may be an indication of someone’s death. Thus, in 6625, after the report of the lunar eclipse, there is news about the death of Novgorod *posadnik* Dobrynia. However, as mentioned above, the relationship between the two events is questionable.

CONCLUSION

The author considered the peculiarities of the annalistic genre, which is distinctive primarily for the Middle Ages, but lasted on the lands of Ukraine for a longer period of time, with the annalistic artefacts being created here even at the beginning of the 19th century. At the same time, the chronicles have evolved, changing their form and manner of presentation. In his days, Shakhmatov imagined the ancient Rus’ annalistic writing as a single ancient tree, the separate arches of which, based on the Kyiv annalistic basis of the 11th – early 12th centuries, consistently continued each other. Today it is known that the availa-

³⁷ “In the tear 6657... In the. same night, there was an omen in the moon: everyone died, but at Orthros, it appeared.”

ble annalistic material does not adequately reflect the diversity of the ancient Rus' annalistic tradition of the 10th–12th centuries, and yet the Shakhmatov's image remains the most successful definition of the essence of this historical and literary phenomenon.

Having considered the concepts of “omen” and “miraculous,” the author concluded that the constant readiness to perceive the miracle had a very definite function in the public consciousness: it was a niche for “fitting in” those facts in the general worldview, that were unexplained from the standpoint of mundane life experience. An important role in the perception of a phenomenon as a miracle or an omen played an important role in the social mood, which created more or less favourable conditions for this in each particular situation

The author showed that there are five Chronicles of Novgorod in total. The first consists of the senior and the junior recensions, the senior has one scrolls – the Synodal, and the junior one – four scrolls: Commission, Academy, Tolstoy and Trinity. The Novgorod Second Chronicles are presented in two parts – before and after the 16th century. The Novgorod Third Chronicles has the largest number of scrolls – fourteen: Kolobov, Synodal, Rumyantsev First, Kyiv, Stroev, Tolstoy, Rumyantsev Second, Borsov, Titov, Commission, Shchedrin, Belyayev, Academy. The Novgorod Fourth Chronicle have two editions: the senior (the Novorossiysk and the Golitsyn scrolls) and the junior (the Frolov, Stroev, Tolstoy, Synodal, Academy, Muzeum, Dubrov and Nikolsk scrolls). The Novgorod Fifth Chronicle lived to this day only in one full scroll.

The peculiarity of recording the descriptions of the omens in the Chronicle of Novgorod was that the chronicler only recorded miracles without commenting on them. That means that it remains unknown how the event participants were experiencing, how did the author himself interpret the described events. Therefore, scientists have to guess and hypothesize themselves on the attitude of Novgorod citizens to the omens in their times.

Whatever the associations the omens evoked, the signs for the coming events they contained were always mysterious and unclear to the chroniclers. Through the omens, God testifies to himself and his intentions, but the mystery of this sign can only be solved partially and in time by people. Chroniclers were far from predicting the future with omens. In the best case, they left their judgments on the pages of the chronicles whether various signs are “на добро” (“good”) or “на зло” (“for evil”), while most frequently, they limited to a sim-

ple recording of what was seen or heard. In the rare cases when the authors of chronicles did decide to tell the reader their own assumptions about what exactly a particular phenomenon in the sky meant, they did it after the meaning of the omen had already been clarified.

Such a cautious attitude of chroniclers towards providential omens was quite natural. After all, to judge unequivocally the meaning of the omen, it was necessary to attempt to solve the mystery of Providence, “неисповедимых путей Господних” (“the mysterious ways of the Lord”), or even to get on the road leading to serious ecclesiastical crimes such as “вльхвованию” (“wizardry”) and “ведовьству” (“witchcraft”). There was another circumstance that made it impossible for an educated Christian scribe to predict the future unequivocally by omens. According to an ancient tradition dating back to the Old Testament, the omens are not fatal signs, which must inevitably be followed by what they point to, but only instruments in the hands of God, who with their help wants to reason people and lead them to correction. So, depending on the reaction of people, the God can either vent his anger promised in the omens, or stop it.

Therefore, it is impossible to answer unequivocally how medieval people treated the appearance of omens, since not all the chroniclers recorded people’s impressions of what they witnessed, and sometimes did not even comprehensively describe or ignored them at all. Yet, in consideration of all the foregoing and knowing how religious the medieval people were, they feared anything beyond their comprehension; the sky was considered as means of communion with God; they believed that it was his way of warning of future good or bad events, and took it very seriously. Therefore, the analysis of the descriptions of the omens in the Chronicle of Novgorod assisted in deeper understanding of the medieval person.

REFERENCES

- Azbelev, Sergey. “Novgorodskaya tret’ya letopis” [Азбелев, Сергей. “Новгородская третья летопись”] <<http://feb-web.ru/feb/todrl/t12/t12-236.htm>>.
- Berezovich, E. “On some aspects of the concept of a miracle in the linguistic and folklore tradition of the Russian North.” *The concept of a miracle in the Slavic and Jewish cultural tradition*. Moscow: Sefer, 2001: 95–115.
- Bilous, Petro. *Istoriya ukrains’koi literaturi XI–XVIII st.* Kyiv: Akademiya, 2009 [Білоус, Петро. *Історія української літератури XI –XVIII ст.* Київ: Академія, 2009].

DESCRIPTION OF OMENS...

- Bobrov, Aleksandr. "Novgorodskiye letopisi XV veka" [Бобров, Александр. "Новгородские летописи XV века"] <http://ksana-k.narod.ru/Book/oldruss/l_novgor.htm>.
- Chizhevskiy, Dmytro. *Istoriya ukraïns'koï literaturi*. Ternopil': Dzhura, 1994. [Чижевський, Дмитро. *Історія української літератури*. Тернопіль: Джура, 1994].
- Dolgov, Vadim. "Chudesa i znameniya v Drevney Rusi X–XIII vv." [Долгов, Вадим. "Чудеса и знамения в Древней Руси X–XIII вв."] <<http://medievalrus.narod.ru/dolgov.htm>>.
- Dolgov, Vadim. "Byt i nrawy Drevney Rusi" [Долгов, Вадим. "Быт и нравы Древней Руси"] <http://www.e-reading.club/chapter.php/143254/24/Dolgov_-_Byt_i_nrawy_Drevnei_Rusi.html>.
- Isichenko, Ihor. "Istoriya ukraïns'koï literaturi X–XVIII st". [Ісиченко, Ігор. "Історія української літератури X–XVIII ст."] <<http://www.bishop.kharkov.ua/kursi-lekcij/istoria-istoria-ukraienskoie-literaturi-h-xvi-st/-pov-st-vremenyh-l-t>>.
- Khoptiar, Yurii. *Istorična terminologiya*. Kamianets-Podilskyi: Aksioma, 2008 [Хоптяр, Юрій. *Історична термінологія*. Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2008].
- Laushkin, A.V. "Stikhiynnye bedstviya i prirodnyye znameniya v predstavleniyakh drevnerusskikh letopistsev XI–XIII vv." *Russkoye Srednevekov'ye* 1998, no. 1: 26–58 [Лаушкин А.В. "Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв." *Русское Средневековье* 1998, no. 1: 26–58].
- Novgorodskiye letopisi. [Новгородские летописи] <http://psrl.csu.ru/toms/Tom_03.shtml>.
- Pautkin, Aleksey. *Drevnerusskiye letopisi XI–XIII vv.: voprosy poetiki*. Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M.V. Lomonosova, 2003. [Пауткин, Алексей. *Древнерусские летописи XI–XIII вв.: вопросы поэтики*. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2003].
- Svyatskiy, Daniil. *Astronomiya Drevney Rusi*. Moskva: Russkaya panorama, 2007. [Святский, Даниил. *Астрономия Древней Руси*. Москва: Русская панорама, 2007].
- Vinogradova, L.N. *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan*. Moskva: Indrik, 2000. [Виноградова, Л.Н. *Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян*. Москва: Индрик, 2000].
- Yatsyuk, Mykola V., Zhvanko, Lubov M., Ryabchenko, Olga L., Fesenko, Galina G. *Istoriya Ukraïni: slovník-dovidnik*. Kharkiv: Kharkiv's'ka Natsional'na Akademiya Mis'kogo Gospodarstva, 2010 [Яцюк, Микола В., Жванко, Любов М., Рябченко, Ольга Л., Фесенко, Галина Г. *Історія України: словник-довідник*. Харків: Харківська Національна Академія Міського Господарства, 2010].
- Yefremov, Sergiy. *Istoriya ukraïns'kogo pis'menstva*. Kiïv: Femina, 1995 [Єфремов, Сергій. *Історія українського письменства*. Київ: Femina, 1995].
- Yeremkina O.E. "Nebesnyye znameniya v Novgorodskoy pervoy letopisi starshego izvoda." *Yazyk i tekst* 2014, no. 1(2): 6–16 [Еремкина О.Е. "Небесные знамения в Новгородской первой летописи старшего извода." *Язык и текст* 2014, no. 1(2): 6–16].

DOROTA PAZIO-WLAZŁOWSKA

 <https://orcid.org/0000-0001-8858-8432>

Instytut Slawistyki PAN

KULTUROWO-JĘZYKOWY OBRAZ ROSYJSKIEJ RODZINY — PROFIL RELIGIJNY (NA MATERIALE MIESIĘCZNIKA „ПЕНЗЕНСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК”)

THE CULTURAL AND LINGUISTIC IMAGE OF THE RUSSIAN FAMILY —
RELIGIOUS PROFILE (ON THE BASIS OF “PENZENSKIY PRAVOSLAVNYY SOBESEDNIK”)

The article attempts to answer the question of how the concept of FAMILY is profiled in religious discourse. As research material the texts published in 2017–2020 in the monthly magazine “Penzenskiy pravoslavnyy sobesednik” were used. Following the theory of the cognitive definition, the aspects and features exhibited in this profile were extracted. The key components of the meaning of family as seen from the Orthodox perspective are faith, love, upbringing of the younger generation, and tradition understood as the continuation of and respect for the past. The constitutive element, overriding all others, is faith, which defines the essence and continuation of the family.

Keywords: family, Orthodoxy, Orthodox press, point of view, cognitive definition

„Русский человек без родни не живет” — to przysłowie jest często przywoływane w dyskusjach o pozycji rodziny w rosyjskiej aksjospherze¹. Rodzina i posiadanie dzieci są przez Rosjan — niezmiennie od lat — bardzo wysoko wartościowane. Aż 56% uczestników ankiet socjologicznych wskazuje je jako warunek życiowego sukcesu². Nie oznacza to jednak, że w rosyjskim społeczeństwie niepodzielnie obo-

¹ Należy odnotować nie tylko „duchowy”, ale też praktyczny wymiar przytoczonego przysłowia — liczna rodzina gwarantowała utrzymanie starszym pokoleniom, a wspólna praca na roli zapewniała środki niezbędne do przeżycia.

² А. Андреев, *Ценности в современном российском обществе*, „Przegląd Wschodnioeuropejski” 2017, nr VIII/2, s. 362, <https://wmbc.olsztyn.pl/dlibra/publication/6992/edition/6689> (01.07.2022). Autor odwołuje się m.in. do wyników ankiet przeprowadzonych wśród czterech tysięcy respondentów przez Instytut Socjologii RAN wiosną i jesienią 2016 r.

wiązuje jeden wzór rodzinnych relacji. Przeciwnie, badacze zwracają uwagę na duże zróżnicowanie w tym zakresie w ramach dwóch zasadniczych nurtów³. Dla tradycyjnego modelu stałymi komponentami są pojęcia „родные люди”, „тепло”, „поддержка”, „дом”, drugi model związany jest z kształtowaniem się nowego systemu wartości, kluczowe dla funkcjonującego w jego ramach modelu rodziny stają się pojęcia „дисгармония”, „обособленность”, „индивидуализм”⁴.

Rodzina jest przedmiotem zainteresowania wielu dyscyplin naukowych, w tym również językoznawstwa⁵. Niniejszy tekst przynależy do tych rozważań. Naszym celem jest wskazanie podstawowych komponentów znaczenia konceptu RODZINA, postrzeganego z perspek-

³ О. Кучмаева, *Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни*, „Экономика. Налоги. Право” 2019, nr 2, s. 72, <https://cyberleninka.ru/article/n/idealnaya-model-semi-v-glazah-rossiyan-i-strategiya-po-povysheniyu-tsennosti-semeynogo-obraza-zhizni> (01.07.2022).

⁴ С. Белковский, *Концепт „Семья” в современной массовой российской прессе*, „Вестник ННГУ” 2013, nr 4–2, s. 193–194, <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-semya-v-sovremennoy-massovoy-rossiyskoj-pressе> (19.05.2022). Por. wyniki badania socjologicznego „Семейные ценности в современных СМИ”, przeprowadzonego przez АНО „Социологическая мастерская Задорина” (Исследовательская группа ЦИРКОН) w lipcu–sierpniu 2013 r.: http://www.zircon.ru/upload/iblock/4de/Semeynye_cennosti_v_SMI_Analiticheskoe_resume.23.10.13.pdf (23.05.2022). Zob. też: О. Грива, А. Мильшин, *Потенциал религиозных ценностей для социального благополучия современной семьи*, „Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология” 2019, nr 4, s. 24, <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-religioznyh-tsennostey-dlya-sotsialnogo-blagopoluchiya-sovremennoy-semi> (01.07.2022).

⁵ Zob. np. Н. Занегина, *Концепт „семья” в русском литературном языке и принципы его описания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Москва 2011, https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1851637/ (23.05.2022); М. Матвеева, *Концепт семья и его репрезентация в русском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Тамбов, 2007, https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003054409/ (23.05.2022); Е. Добровольская, *Концептуализация семьи в русской языковой картине мира. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Томск 2005, <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/0200-67460/020067460.pdf> (23.05.2022); Ю. Железнова, *Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта „Семья”. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Ижевск 2009.

⁶ Koncept rozumiemy jako konstrukt nacechowany aksjologicznie i posiadający określone konotacje (Por. N. Gryškova, *Leksem, pojęcie, stereotyp, koncept, znaczenie, idea — propozycja regulacji terminologicznych*, w: I. Bielińska-

tyw prawosławnych nadawców — autorów tekstów zamieszczonych w miesięczniku „Пензенский православный собеседник”⁷ i zestawienie ich ze świecką wizją RODZINY. Zakładamy, po pierwsze, że interesujące nas czasopismo jako oficjalne wydawnictwo diecezjalne

Gardziel, S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura (red.), *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów*, t. 3 *Problemy eksplikowania i profilowania pojęć*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2014.

- ⁷ Należy zauważyć, że problematyka rodziny w świeckiej wysokonakładowej prasie centralnej, prasie regionalnej oraz w religijnej prasie prowincjonalnej była już przedmiotem zainteresowania badaczy, proponowali oni zwykle analizę zawartości wybranego pisma, np.: „Комсомольская правда”, „Аргументы и факты” i „Известия” z roku 2012 (С. Белковский, *Концепт „Семья” в современной массовой российской прессе...*); „Комсомольская правда”, „Российская газета” i „Наш Красноярский край” z okresu styczeń–kwiecień 2013 r. (О. Лебедь, В. Мищенко, *СМИ и общественное мнение о современных образах семьи и брака*, „Вестник Института социологии” 2015, nr 4 (15), s. 72–92, <https://cyberleninka.ru/article/n/smi-i-obschestvennoe-mnenie-o-sovremennyh-obrazah-semi-i-braka> (19.05.2022); środki masowego przekazu obwodu penzeńskiego, w tym prasa, w okresie 25–31 marca 2013 r. (А. Бодров, О. Штейман-Шахмартова, *Образ семьи, создаваемый средствами массовой информации Пензенской области*, „Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе” 2014, nr 4 (12), s. 182–189, <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-semi-sozdavaemyu-sredstvami-massovoy-informatsii-penzenskoy-oblasti> (19.05.2022); G. Kamaletdinowa bada łączliwość leksemu *семья* na materiale gazet „Вечерняя Уфа” i „Республика Башкортостан” (Г. Камалетдинова, *Специфика языкового образа семьи в региональных печатных СМИ начала XXI века (на материале газет „Вечерняя Уфа” и „Республика Башкортостан”)*, „Филологические науки. Вопросы теории и практики” 2016, nr 9–2 (63), s. 96–100, <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-yazykovogo-obraza-semi-v-regionalnyh-pechatnyh-smi-nachala-xxi-veka-na-materiale-gazet-vechernyaya-ufa-i-respublika> (19.05.2022); N. Salnikowa omawia koncept RODZINA na materiale 17 tytułów prawosławnej uralskiej periodyki z okresu 2008–2014 (Н. Сальникова, *Любовь и семья как нравственные доминанты уральской церковной периодики*, „Вестник ЧелГУ” 2015, nr 5 (360), s. 400–406, <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubov-i-semya-kak-nravstvennye-dominanty-uralskoy-tserkovnoy-periodiki> (19.05.2022). Nie udało nam się jednak odnaleźć badań zmierzających do wskazania na materiale prasy elementów znaczeniowych pojęcia RODZINA. Podjęta przez nas próba w odniesieniu do prasy religijnej wydaje się pierwszą analizą tego typu. „Пензенский православный собеседник” jako źródło ekscerpcji materiału jest przez nas traktowany jako eksponent wydań diecezjalnych. Rodzina jest w nich przedstawiana w podobny sposób, por. np.: „Курские епархиальные ведомости”, <http://eparhia55.nichost.ru/index.php/eparkhiya/izdaniya/eparkhialnye-vedomosti> (19.05.2022); „Благовещенские епархиальные ведомости”, <http://e-vedomosti.ru/>; „Свет веры” http://www.eparh33.ru/Eparhialnie_SMI/ (19.05.2022).

prezentuje prawosławną wizję rodziny⁸, po drugie — że jest to obraz aktualny⁹.

Miesięcznik „Пензенский православный собеседник”, z którego zaczerpnęliśmy materiał do analizy, ukazuje się od września 2002 roku. Jego wydawcą jest Diecezja Penzeńska Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej¹⁰. Miesięcznik dostępny jest na stronie internetowej <http://www.pravoslavie58region.ru/index.php?loc=gazeta.htm>.

Zgodnie z typologią zaproponowaną przez Mariana Gierulę „Пензенский православный собеседник” należy do grupy oficjalnych wydawnictw diecezjalnych Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej¹¹. Ukazują się w nim materiały poświęcone historii Cerkwi, ze szczególnym uwzględnieniem diecezji penzeńskiej, żywoty świętych, sprawozdania z działalności prawosławnych stowarzyszeń i organizacji, artykuły o postaciach znaczących dla życia religijnego diecezji, inicjatywach podejmowanych przez wiernych. Miesięcznik jest adresowany do szerokiego kręgu odbiorców, pełni funkcję informacyjną i dydaktyczną¹².

Teksty do analizy zostały wyekscerpowane z 46¹³ numerów opublikowanych w latach 2017–2020.

Podstawę metodologiczną naszych dociekań stanowią teorie profilowania i definicji kognitywnej. Zgodnie z ujęciem Jerzego Bartmińskiego profil jest sposobem „[...] organizacji treści semantycznej

⁸ Por. o postrzeganiu rodziny w nauce Cerkwi, np. *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви*, https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_10_4 (23.05.2022).

⁹ Nie uwzględnialiśmy tekstów dotyczących zmian w postrzeganiu rodziny na przestrzeni wieków.

¹⁰ Penza — półmilionowe miasto obwodowe położone w europejskiej części Rosji nad Surą, dopływem Wołgi. Powstało w 1663 roku. Diecezja Penzeńska została utworzona 16/27 października 1799 roku. W jej skład wchodzi obecnie 163 parafie, w których posługuje 161 księży i 20 diakonów — <http://www.patriarchia.ru/db/text/31482.html> (23.05.2022).

¹¹ M. Gierula, *Współczesna prasa religijna w Rosji. Próba typologii*, „Rocznik Prasoznawczy” 2012, nr 6, s. 65. Obok oficjalnych gazet i czasopism diecezji Gierula wyróżnia jeszcze prasę wspólnot i parafii oraz czasopisma prawosławnych stowarzyszeń i społeczności.

¹² Por. Л. Макарова, И. Макаров, *Роль православной прессы в процессе формирования духовных ценностей современного общества: Нижегородский аспект*, „Вестник ННГУ” 2012, nr 1–2, s. 326–327, <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pravoslavnoy-pressy-v-protsesse-formirovaniya-duhovnyh-tsennostey-sovremennogo-obschestva-nizhegorodskiy-aspekt> (01.07.2022).

¹³ W roku 2020 ukazały się dwa podwójne numery: 4–5 (215–216) i 7–8 (218–219).

w ramach podstawowego znaczenia”¹⁴. Profilowanie — subiektywną operacją, dokonywaną przez podmiot zgodnie z przyjętym przez niego punktem widzenia¹⁵.

Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska podkreśla, że

[...] stanowisko, zgodnie z którym w aktach komunikacji dochodzi do tworzenia wyspecyfikowanych wariantów (profilu) wyobrażenia przedmiotu odpowiadających subiektywnym punktom widzenia, wynikało z przekonania, że nie ma jednolitych pojęć, gdy w grę wchodzi różne intencje komunikacyjne i różne wartości¹⁶.

O profilach pojęcia decyduje punkt widzenia, który z kolei jest zależny od typu dyskursu. W profilach odzwierciedlenie znajdują zarówno wartości nadawcy komunikatu, jak i cel, w jakim komunikat jest tworzony¹⁷.

Dlatego też nasze rozważania rozpoczniemy od określenia pojęcia bazowego. Odtworzymy je na podstawie danych systemowych zaczerpniętych ze słowników objaśniających, następnie przeanalizujemy profil religijny RODZINY i sformułujemy jej definicję kognitywną, która zgodnie ze stanowiskiem Jerzego Bartmińskiego

[...] za cel główny przyjmuje zdanie sprawy ze sposobu pojmowania przedmiotu przez mówiących danym językiem, tj. ze sposobu utrwalonej społecznie i dającej się poznać poprzez język i życie języka wiedzy o świecie, kategoryzacji jego zjawisk, ich charakterystyki i wartościowania¹⁸.

Bazowe pojęcie rodziny traktujemy jako element wspólnej bazy kulturowej, którą — jak podkreśla Teun A. van Dijk —

[...] można traktować jako podstawę wszelkiej wiedzy, wewnątrz- i międzygrupowej [...]. Oznacza to, że dla danej kultury wspólna baza jest niekwestionowana,

¹⁴ J. Bartmiński, *O profilowaniu pojęć w słowniku etnolingwistycznym*, w: B. Топоров (red.), *Philologia slavica. K 70-летию академика Н.И. Толстого*, Наука, Москва 1993, s. 13.

¹⁵ J. Bartmiński, *Niektóre problemy i pojęcia etnolingwistyki lubelskiej*, „Etnolingwistyka” 2006, t. 18, s. 85. Por. J. Bartmiński, *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, w: tegoż, *Językowe podstawy obrazu świata*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2007, s. 76–88.

¹⁶ S. Niebrzegowska-Bartmińska, *Definiowanie i profilowanie pojęć w (etno)lingwistyce*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2020, s. 116.

¹⁷ I. Bielińska-Gardziel, *Stereotyp rodziny we współczesnej polszczyźnie*, IS PAN, Warszawa 2009, <https://rcin.org.pl/dlibra/doccontent?id=39050> (01.07.2022), s. 102–103.

¹⁸ J. Bartmiński, *Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji*, w: tegoż, *Językowe podstawy obrazu świata*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2007, s. 42.

zdroworozsądkowa i z tego względu nieideologiczna. [...] Częścią wspólnej bazy kulturowej są ogólne normy i wartości podzielane przez wszystkich przedstawicieli danej kultury¹⁹.

W przeanalizowanych słownikach objaśniających języka rosyjskiego rodzina jest definiowana jako grupa wspólnie mieszkających najbliższych krewnych²⁰.

Definicje eksponują dwa aspekty: bytowy — wspólne zamieszkiwanie i biologiczny — więzy krwi. Stanowią one bazę, na której kształtowana jest struktura znaczeń charakterystycznych dla profilu religijnego. Należy zauważyć, że znaczenie bazowe jako wspólne dla wszystkich i powszechnie akceptowane jest w ramach profilu religijnego marginalizowane na rzecz wymiaru emocjonalnego i społecznego. Aspekt bytowy sprowadza się w badanych tekstach do konstatacji o potrzebie udzielenia materialnego wsparcia rodzinom, które znalazły się w trudnej sytuacji, oraz do stwierdzenia o konieczności otoczenia opieką dzieci, które tymczasowo wymagają pomocy instytucjonalnej:

Целью его [детский православный социальнореабилитационный центр «Серафим»] создания является помощь семьям и, в первую очередь, детям, которые попали в сложную жизненную ситуацию” (№ 2 (176)/02.2017, s. 2)²¹.

Trudnościom materialnym udziela się niewiele uwagi, ważniejsze od nich są wartości duchowe, to one bowiem gwarantują trwanie rodziny, wspomagają jej członków w przewyżczeniu kłopotów:

¹⁹ T. A. van Dijk, *Dyskurs polityczny i ideologia*, przeł. A. Wysocka, „Etnolingwistyka” 2003, t. 15, s. 9.

²⁰ Рог. С. И. Ожегов, *Словарь русского языка*, Русский язык, Москва 1984: „Группа живущих вместе родственников (муж и жена, родители с детьми)”; А. П. Евгеньева (red.), *Словарь русского языка в четырех томах*, Русский язык, Москва 1984: „Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе”; С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Азъ, Москва 1992: „Группа живущих вместе близких родственников”; С. А. Кузнецов (red.), *Большой толковый словарь русского языка*, Норинт, Санкт-Петербург 2000: „Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе”; Т. Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, Русский язык, Москва 2000: „Группа близких родственников (муж, жена, родители, дети и т. п.), живущих вместе”.

²¹ Informację o źródle cytatu podajemy w następującym porządku: numer gazety/miesiąc i rok wydania, strona.

„[...] любовь все преодолевает, убеждены супруги. В том числе, и нехватку средств” (№ 8 (182)/08.2017, s. 10).

Uwaga nadawcy koncentruje się, jak wspomnieliśmy, na dwóch wymiarach: emocjonalnym i społecznym.

Dla aspektu emocjonalnego zasadnicze jest akcentowanie związków uczuciowych między członkami rodziny. To relacje budowane na miłości definiowanej jako pomoc, zrozumienie, wsparcie, służba drugiemu człowiekowi, wzajemny szacunek²².

В чем заключается супружеская любовь? Я считаю, что в семье важно сделать любимого или любимую счастливым. [...] Любимому человеку нужна помощь, понимание, поддержка. Спрашивают, как сохранить семью? Семья как цветок, за которым нужно ухаживать. Она не устоит, если супруги не будут заботиться друг о друге (№ 5 (179)/05.2017, s. 7).

Miłość jest też wyznacznikiem w procesie wychowania młodego pokolenia. Zdaniem autorów jest ona niezbędna do ukształtowania opartych na zaufaniu dobrych relacji między rodzicami i dziećmi: „Нужно всегда действовать с любовью. Тогда и отношения у родителей с детьми хорошие складываются, и доверие есть” (№ 8 (182)/08.2017, s. 10).

W aspekcie społecznym zasadnicze znaczenie ma formalny charakter związku.

[...] те, кто живет в блуде, не могут причащаться, ведь даже признавшись в своем грехе в таинстве покаяния, они не прекращают грешить. Соответственно, настоятельно рекомендуют им повенчаться или хотя бы официально зарегистрировать брак в загсе (№ 10 (184)/10.2017, s. 10).

Kluczowe dla aspektu społecznego jest też wychowanie młodego pokolenia zgodnie z zasadami wiary, poszanowaniem tradycji i historii.

В целом, задача конкурса „Церковь в истории Пензенского края. Уроки столетия” состоит не в том, чтобы выявить лидеров, а подвигнуть детей и подростков на изучение и сохранение традиций своей семьи, рода, укрепление

²² Na kluczowe znaczenie miłości dla postrzegania prawosławnej rodziny zwraca uwagę na podstawie badań prowadzonych na materiale uralskiej periodyki prawosławnej Natalia Salnikowa (Н. Сальникова, *Любовь и семья...*, s. 403). Por. też: А. Палибина, *Значимость православных ценностей для современной российской семьи*, „Регионология” 2010, nr 4, s. 204, <https://cyberleninka.ru/article/n/znachimost-pravoslavnyh-tsennostey-dlya-sovremennoy-rossiyskoy-semi> (01.07.2022); О. Грива, А. Мильшин, *Потенциал религиозных ценностей ...*, s. 23–25, 30.

семейных связей и семейных ценностей путем воссоздания исторической памяти (№ 8 (206)/07.2019, s. 9).

Autorzy wyekscerpowanych tekstów podkreślają nie tylko związek między poznawaniem historii i formowaniem się światopoglądu opartego na chrześcijańskiej moralności, ale też relacje zachodzące między pamięcią i wartościami rodzinnymi. Warto przy tym odnotować, że akcentowana jest znajomość historii małej ojczyzny, bezpośrednio związanej z pozytywnie ocenianym pojęciem DOM.

Poznanie historii sprzyja kształtowaniu postaw patriotycznych. Rodzina jest przedstawiana jako podstawa formowania pojęcia ojczyzny i gwarant jej trwałości.

С чего для тебя начинается родина? — С семьи. Что бы ни говорили, но государство наше до сих пор держится на семейных ценностях. Вопреки всему. Если дети растут в нормальной семье, видят любовь родителей друг к другу, ответственное отношение к своей работе, к любимому делу, они станут полноценными членами общества. Не потребителями, которые уверены, что мир должен под них прогибаться, а созидательными, отзывчивыми людьми, отдающими свои таланты и способности на благо людям (№ 3 (201)/03.2019, s. 7).

Fundamentalną rolę w procesie wychowania pełni przykład rodziców: „Очень важен наш личный опыт из нашей семьи. Я во многом ориентируюсь на своих родителей, как они жили. Я перенимаю этот опыт, стараюсь его улучшить” (№ 5 (179)/05.2017, s. 7).

Autorzy akcentują rolę babć i matek w procesie wychowania. To one przyjmują na siebie ciężar zaszczepienia w dzieciach wiary, zajmują się ich rozwojem duchowym: „Как и большинство детей, рожденных в СССР, к вере нас с братом привела именно бабушка. Не приучая специально, а своим примером, отношением к жизни, стремлением жить по заповедям Божиим” (№ 3 (201)/03.2019, s. 6).

Istotne jest eksponowanie przez autorów trwania w czasie tradycji wychowania religijnego. Kobiety niezmiennie od pokoleń przekazują dzieciom wiarę, czytają im Biblię, zabierają na pielgrzymki: „Мама научила детей молитве, пела им духовные стихи о Пресвятой Богородице, о Святой Горе Афон” (№ 3 (189)/03.2018, s. 10). „К вере Татьяну приучала с детства ее мама. Ей запомнились поездки по святым местам — в Дивеево и Муром” (№ 10 (196)/10.2018, s. 10).

Wysokie wartościowanie kobiet jako wychowawczyń młodego pokolenia nierozzerwalnie wiąże się z pozytywną oceną macierzyństwa,

charakteryzowanego jako posłannictwo kobiety, radość i dar Boży: „Мы хотим донести до людей, что материнство — это большая радость, важное предназначение женщины, подчеркнуть, что нужно ценить родительство, как Божий дар” (№ 5 (191)/05.2018, s. 4).

Zdecydowanie potępiana jest aborcja postrzegana jako łamanie Bożego przykazania: „Кто-то советовал ‘избавиться’ от беременности. Но я как православная христианка даже думать не могла о том, чтобы нарушить Божью заповедь ‘Не убий!’” (№ 7 (193)/07.2018, s. 8).

Pozytywnie oceniana jest czystość (целомудрие): „Почему так много семей сейчас распадается? — Я вижу причину в том, что люди утратили целомудрие” (№ 5 (179)/05.2017, s. 7). „Целомудрие в браке — его основа: когда два человека смотрят друг на друга и видят святость друга, они относятся друг к другу как к святыне” (№ 7–8 (218–219)/07-08.2020, s. 4).

Należy podkreślić, że oba wskazane wymiary — emocjonalny i społeczny — łączy wartość nadrzędna, jaką jest wiara. Przenika ona wszystkie odnotowane w materiale wymiary funkcjonowania rodziny, pomaga pokonywać trudności dnia codziennego: „Супруги Шматковы всю свою жизнь стараются выстраивать в соответствии с заповедями Божиими” (№ 7 (193)/07.2018, s. 9).

Wiara jest postrzegana jako warunek konieczny do osiągnięcia nie tylko rodzinnego szczęścia, ale też ukształtowania w młodym pokoleniu spójnego systemu wartości. „Многодетная мама [...] подчеркивает, что очень важно, чтобы дети были с внутренним стержнем, чтобы у них был правильный нравственный ориентир, и тут без православия не обойтись” (№ 7 (193)/07.2018, s. 9).

Biorąc pod uwagę powyższe rozważania można podjąć próbę zdefiniowania RODZINY prezentowanej na łamach miesięcznika „Пензенский православный собеседник”, tj. eksplikacji wskazującej na to, w jaki sposób jest ona postrzegana przez nadawców tekstów publikowanych w piśmie.

Rodzina prezentowana w miesięczniku to grupa:

- której podstawę stanowi zalegalizowany związek kobiety i mężczyzny (pożądane, aby był on sakramentalny),
- kierująca się w życiu zasadami prawosławia,
- połączona silnymi więzami emocjonalnymi, zbudowanymi na miłości, rozumianej zgodnie z nauką Kościoła,

- aktywnie uczestnicząca w praktykach religijnych i w życiu wspólnoty parafialnej,
- ceniąca tradycyjne wartości,
- pielęgnująca wartości patriotyczne, dbająca o pamięć minionych pokoleń,
- wychowująca dzieci w wierze prawosławnej.

W analizowanym materiale znajdujemy wypowiedzi, *explicite* potwierdzające zaproponowaną przez nas definicję:

Мы стараемся приблизиться к идеалу православной семьи — большой, многодетной, наполненной любовью. Где дети воспитываются в послушании родителям, где мама с папой любят и уважают друг друга и своих чад. Семьи воцерковленной, посещающей храм, участвующей в приходской жизни, творящей дела милосердия (№ 7 (193)/07.2018, s. 9).

Мы стараемся всей семьей регулярно бывать в храме, исповедоваться, причащаться, по возможности ездить в паломнические поездки и вообще строить жизнь по заповедям Божиим (№ 2 (213)/02.2020, s. 9).

Dla tak scharakteryzowanej rodziny kluczowe są zatem cztery wartości tworzące spójną strukturę: wiara, miłość, tradycja (rozumiana jako kontynuacja) i wychowanie. Grupa pojęć, z którymi występuje rodzina, „[...] jest — jak zauważa Iwona Bielińska-Gardziel — swego rodzaju kluczem do świata wartości zakładanych w danym dyskursie [...]”²³. W naszym przypadku — w dyskursie religijnym.

Warto zauważyć, że prawosławna wizja rodziny jest nie tylko pozytywna, ale też optymistyczna²⁴. Gwarantem szczęśliwego jej trwania jest wiara jako wartość nadrzędna określająca relacje między członkami rodziny. To ona wspiera w pokonywaniu trudności: „Не бывает все гладко даже в самых дружных семьях. Даже у святых бывали искушения. Но с Божией помощью преодолевается все плохое” (№ 8 (182)/08.2017, s. 10).

Teksty dotyczące rodzinnych dysfunkcji pojawiają się w analizowanym miesięczniku okazjonalnie. W materiałach dotyczących konieczności sprawowania instytucjonalnej opieki nad dziećmi, autorzy podkreślają jej tymczasowość i akcentują, że problemy, z którymi borykają się rodzice, nie należą do zachowań patologicznych: „Кстати,

²³ I. Bielińska-Gardziel, *Stereotyp rodziny...*, s. 120.

²⁴ Warto odnotować, że obraz rekonstruowany na podstawie świeckich periodyków przedstawia zarówno pozytywny, jak i negatywny wymiar funkcjonowania rodziny, por. Г. Камалетдинова, *Специфика языкового образа семьи...*, s. 98.

все дети из приличных семей — просто их мам и пап сейчас очень нужно поддержать, ведь в жизни случается всякое” (№ 2 (176)/02.2017, s. 2).

W istocie model rodziny prezentowany w analizowanym miesięczniku to konstrukt idealistyczny, wzór do naśladowania, którego zasadniczą funkcją jest ewangelizacja czytelników, wskazanie im drogi, którą powinni podążać²⁵.

Zestawmy te ustalenia z wynikami badań prowadzonych nad komponentami znaczenia RODZINY widzianej ze świeckiej perspektywy²⁶. Istotne w tym kontekście są spostrzeżenia Ludmiły Fiodorowej rekonstruującej definicję kognitywną RODZINY na podstawie ankiet prowadzonych wśród rosyjskiej młodzieży. Z jej ustaleń wynika, że:

Семья — это группа близких людей:

- связанных родством (происхождение, корни),
- объединенных эмоционально и духовно (отношения),
- оказывающих друг другу помощь и заботу (функции, поведение),
- живущих совместно и ведущих общее хозяйство (место и образ жизни),
- воспитывающих детей (функции, предназначение),
- (ее основа — пара, состоящая в браке) (юридические отношения)²⁷.

Zaprezentowany przez Ludmiłę Fiodorową obraz rodziny aktualny dla przedstawicieli młodego pokolenia pozornie zasadniczo nie odbiega od przedstawionego przez nas wizerunku. Różnica wydaje się dotyczyć jedynie sformalizowania związku. Dla prawosławnej wizji rodziny jest ono konieczne. Dla wizji świeckiej wydaje się nie mieć istotnego znaczenia. W obu profilach rodziny — zarówno świeckim, jak i religijnym — akcentowane są związki emocjonalne, wzajemne wsparcie i pomoc, jaką okazują sobie jej członkowie. Niemniej właśnie w wymiarze emocjonalnym między wskazanymi obrazami zachodzi

²⁵ Autorka dziękuje prof. Marii Wojtak za referat *Образ wspólnotы верных в парافильной газетке* wygłoszony 24 czerwca 2022 r. w Lublinie na konferencji naukowej *Язык — media — religia*, który pozwolił na celniejsze sformułowanie wniosków płynących z analizy miesięcznika „Пензенский православный собеседник”.

²⁶ Jak wspominaliśmy, nie udało nam się odnaleźć opracowań poświęconych komponentom znaczeniowym pojęcia RODZINA odtworzonym na podstawie analizy świeckich periodyków. Dlatego przy charakterystyce świeckiego profilu RODZINY odwołujemy się do wyników badań prowadzonych na materiale ankietowym.

²⁷ Л. Федорова, *Штрихи к портрету СЕМЬИ в русском языковом сознании*, w: S. Niebrzegowska-Bartmińska, D. Pazio-Włazłowska (red.), *Важности в языково-культурном образе świata Словян и их соседей*, t. 5 *Концепты и их профилирование*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2019, s. 101.

istotna różnica, dotycząca bazy kształtowania rodzinnych relacji. Wydaje się ona zasadnicza, przesądza o istocie rodziny. W profilu religijnym bazę wymiaru emocjonalnego rodzinnych relacji stanowi wiara jako opoka, która formuje rodzinę i określa jej trwanie. Dla świeckiej rodziny związki emocjonalne nie są jednoznacznie zdefiniowane i doprecyzowane, pozostawiając tym samym szerokie pole na dowolność interpretacji zmierzających zarówno w kierunku — wspomnianego na początku naszych rozważań — tak zwanego tradycyjnego modelu rodziny, jak i modelu akcentującego samorealizację jednostki w ramach luźnych, niekoniecznie sformalizowanych relacji.

Przeprowadzoną analizę można też potraktować jako dobitny dowód na istnienie ścisłej zależności między wynikiem rekonstrukcji konceptu i materiałem stanowiącym podstawę tej rekonstrukcji. Obraz konceptu zależy bowiem od punktu widzenia przyjętego przez nadawcę komunikatu, a ten z kolei bezpośrednio odzwierciedla jego hierarchię wartości. Aktualne zatem pozostaje dla rozważań o rekonstrukcji konceptów na bazie zróżnicowanych materiałów źródłowych stwierdzenie akcentujące wszechobecność wartości w naszym życiu. W istocie bowiem to hierarchia wartości, jaką przyjmujemy jako *homo loquens*, decyduje o postrzeganiu otaczającego nas świata. Dla autorów tekstów publikowanych w miesięczniku „Пензенский православный собеседник” najważniejsza jest wiara, to ona determinuje prezentowaną na łamach czasopisma wizję rodziny.

REFERENCES

- Andreyev, Andrey. “Tsennosti v sovremennom rossiyskom obshchestve.” *Przeegląd Wschodnioeuropejski* 2017, no. VIII/2: 359–366 <<https://wmbc.olsztyn.pl/dlibra/publication/6992/edition/6689>> (01.07.2022) [Андреев, Андрей. “Ценности в современном российском обществе.” *Przeegląd Wschodnioeuropejski* 2017, no. VIII/2: 359–366].
- Bartmiński, Jerzy. “Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji.” Bartmiński, Jerzy. *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007: 42–51.
- Bartmiński, Jerzy. “Niektóre problemy i pojęcia etnolingwistyki lubelskiej.” *Etnolingwistyka* 2006, no. 18: 77–90.
- Bartmiński, Jerzy. “O profilowaniu pojęć w słowniku etnolingwistycznym.” *Philologia slavica. K 70-letiu akademika N.I. Tolstogo*. Toporov, Vladimir (Ed.). Moskva: Nauka, 1993: 12–19 [*Philologia slavica. K 70-летию академика Н. И. Толстого*. Топоров, Владимир (Ред.). Москва: Наука, 1993: 12–19].
- Bartmiński, Jerzy. “Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata.” Bartmiński, Jerzy. *Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007: 76–88.

- Belkovskiy, Sergey. "Kontsept 'Sem'ya' v sovremennoy massovoy rossiyskoy presse." *Vestnik NNGU* 2013, no. 4–2: 193–199 <<https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-semya-v-sovremennoy-massovoy-rossiyskoy-presse>> [Белковский, Сергей. "Концепт 'Семья' в современной массовой российской прессе." *Вестник ННГУ* 2013, no. 4–2: 193–199].
- Bielińska-Gardziel, Iwona. *Stereotyp rodziny we współczesnej polszczyźnie*. Warszawa: IS PAN, 2009 <<https://rcin.org.pl/dlibra/doccontent?id=39050>>.
- Bodrov, Anatoliy, and Shteyman-Shakhmartova, Ol'ga. "Obraz sem'i, sozdavayemy sredstvami massovoy informatsii penzenskoy oblasti." *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve* 2014, no. 4(12): 182–189 <<https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-semi-sozdavaemyu-sredstvami-massovoy-informatsii-penzenskoy-oblasti>> [Бодров, Анатолий, Ольга, Штейман-Шахмартова. "Образ семьи, создаваемый средствами массовой информации Пензенской области." *Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе* 2014, no. 4(12): 182–189].
- Dijk, Teun A. van "Dyskurs polityczny i ideologia." *Etnolingwistyka* 2003, T. 15: 7–28.
- Dobrovol'skaya, Yelena. *Kontseptualizatsiya sem'iv russkoy yazykovoy kartinemira. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Tomsk, 2005 <<http://www.lib.tsu.ru/mminfo/0200-67460/020067460.pdf>> [Добровольская, Елена. *Концептуализация семьи в русской языковой картине мира. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Томск, 2005].
- Fedorova, Lyudmila. "Shtrikhi k portretu sem'i v russkom yazykovom soznanii." *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów* T. 5. *Koncepty i ich profilowanie*. Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława, and Pazio-Wlazłowska, Dorota (Eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2019: 85–105 [Федорова, Людмила. "Штрихи к портрету семьи в русском языковом сознании." *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów* T. 5. *Koncepty i ich profilowanie*. Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława, Pazio-Wlazłowska, Dorota (Eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2019: 85–105].
- Gierula, Marian. "Współczesna prasa religijna w Rosji. Próba typologii." *Rocznik Prasoznawczy* 2012, no. 6: 59–74.
- Griva, Ol'ga, and Mil'shin, Andrey. "Potentsial religioznykh tsennostey dlya sotsial'nogo blagopoluchiya sovremennoy sem'i." *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* 2019, no. 4: 23–32 <<https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-religioznykh-tsennostey-dlya-sotsialnogo-blagopoluchiya-sovremennoy-semi>> [Грива, Ольга, и Мильшин, Андрей. "Потенциал религиозных ценностей для социального благополучия современной семьи." *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология* 2019, no. 4: 23–32].
- Gryshkova, Nina. "Leksem, pojęcie, stereotyp, koncept, znaczenie, idea — propozycja regulacji terminologicznych." *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów* T. 3. *Problemy eksplikowania i profilowania pojęć*. Bielińska-Gardziel, Iwona, and Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława, and Szadura, Joanna (Eds). Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2014: 21–50.
- Kamaletdinova, Gul'nara. "Spetsifika yazykovogo obraza sem'i v regional'nykh pechatnykh SMI nachala XXI veka (na materiale gazet 'Vechernyaya Ufa' i 'Respublika Ba-

- shkortostan').” *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktyki* 2016, no. 9–2(63): 96–100 <<https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-yazykovogo-obraza-semi-v-regionalnyh-pechatnyh-smi-nachala-xxi-veka-na-materiale-gazet-vechernyaya-ufa-i-respublika>> [Камалетдинова, Гульнара. “Специфика языкового образа семьи в региональных печатных СМИ начала XXI века (на материале газет ‘Вечерняя Уфа’ и ‘Республика Башкортостан’).” *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 2016, no. 9–2(63): 96–100].
- Kuchmayeva, Oksana. “Ideal'naya model' sem'i v glazakh rossiyan i strategiya po povysheniyu tsennosti semeynogo obraza zhizni.” *Ekonomika. Nalogi. Pravo* 2019, no. 2: 70–82 <<https://cyberleninka.ru/article/n/idealnaya-model-semi-v-glazah-rossiyan-i-strategiya-po-povysheniyu-tsennosti-simeynogo-obraza-zhizni>> [Кучмаева, Оксана. “Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни.” *Экономика. Налоги. Право* 2019, no. 2: 70–82].
- Kuznetsov, Sergey (Ed.). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Norint, 2000 [Кузнецов, Сергей. (Ред.) *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт, 2000].
- Lebed', Ol'ga, and Mishchenko, Vladimir. “SMI i obshchestvennoye mneniye o sovremennykh obrazakh sem'i i braka.” *Vestnik instituta sotsiologii* 2015, no. 4(15): 72–92 <<https://cyberleninka.ru/article/n/smi-i-obshchestvennoe-mnenie-o-sovremennykh-obrazakh-semi-i-braka>> (19.05.2022) [Лебедь, Ольга, Владимир Мищенко. “СМИ и общественное мнение о современных образах семьи и брака.” *Вестник Института социологии* 2015, no. 4(15): 72–92].
- Makarova, Lyudmila, and Makarov, Ivan. “Rol' pravoslavnoy pressy v protsesse formirovaniya dukhovnykh tsennostey sovremennogo obshchestva: Nizhegorodskiy aspekt.” *Vestnik NNGU* 2012, no. 1–2: 326–331 <<https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pravoslavnoy-pressy-v-protsesse-formirovaniya-duhovnykh-tsennostey-sovremennogo-obshchestva-nizhegorodskiy-aspekt>> [Макарова, Людмила, Макаров, Иван. “Роль православной прессы в процессе формирования духовных ценностей современного общества: Нижегородский аспект.” *Вестник ННГУ* 2012, no. 1–2: 326–331].
- Matveyeva, Mariya. *Kontsept sem'ya i yego reprezentatsiya v russkom yazyke. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Tambov, 2007 <https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003054409/> [Матвеева, Мария. *Концепт семья и его репрезентация в русском языке. Автореферат диссертации на соискание ченой степени кандидата филологических наук*. Тамбов, 2007].
- Niebrzegowska-Bartmińska, Stanisława. *Definiowanie i profilowanie pojęć w (etno) lingwistyce*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2020.
- Ozhegov, Sergey. *Slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk, 1984 [Ожегов, Сергей. *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 1984].
- Ozhegov, Sergey, and Shvedova, Nataliya. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*, Moskva: Az”, 1992 [Ожегов, Сергей, и Шведова, Наталия. *Толковый словарь русского языка*, Москва: Азъ, 1992].
- Palibina, Aleksandra. “Znachimost' pravoslavnykh tsennostey dlya sovremennoy rossiyskoy sem'i.” *Regionologiya* 2010, no. 4: 204–213 <<https://cyberleninka.ru/article/n/znachimost-pravoslavnykh-tsennostey-dlya-sovremennoy-rossiyskoy-semi>> [Палибина, Александра. “Значимость православных ценностей для современной российской семьи.” *Регионология* 2010, no. 4: 204–213].

- Sal'nikova, Nataliya. "Lyubov' i sem'ya kak нравstvennyye dominanty ural'skoy tserkovnoy periodiki." *Vestnik ChelGU* 2015, no. 5(360): 400–406 <<https://cyberleninka.ru/article/n/lyubov-i-semya-kak-nravstvennyye-dominanty-uralskoy-tserkovnoy-periodiki>> [Сальникова, Наталия. "Любовь и семья как нравственные доминанты уральской церковной периодики." *Вестник ЧелГУ* 2015, no. 5(360): 400–406].
- Semeynnye tsennosti v sovremennykh SMI. Rezyume po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya. TSIRKON 2013* <http://www.zircon.ru/upload/iblock/4de/Semeynie_cennosti_v_SMI_Analiticheskoe_resume.23.10.13.pdf> [Семейные ценности в современных СМИ. Резюме по результатам социологического исследования. ЦИРКОН 2013].
- Yefremova, Tat'yana. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy*. Moskva: Russkiy yazyk, 2000 [Ефремова, Татьяна. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык, 2000].
- Yevgen'yeva, Anastasiya (Ed.). *Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh*. Moskva: Russkiy yazyk, 1984 [Евгеньева, Анастасия. (Ред.) *Словарь русского языка в четырех томах*. Москва: Русский язык, 1984].
- Zanegina, Nataliya. *Kontsept "sem'ya" v russkom literaturnom yazyke i print-sipy yego opisaniya. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva, 2011 <https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1851637/> [Занегина, Наталия. *Концепт "семья" в русском литературном языке и принципы его описания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Москва, 2011].
- Zheleznova, Yuliya. *Lingvokognitivnoye i lingvokul'turnoye issledovaniye kontsepta "Sem'ya". Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Izhevsk, 2009 [Железнова, Юлия. *Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта "Семья". Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Ижевск, 2009].

ZIFA TEMIRGAZINA

<https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Pavlodar Pedagogical University, Kazakhstan

ЭПИТЕТ «КРУТОЙ» В ЛИРИКЕ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА: СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕЯЗЫКОВОЙ И ОККАЗИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

THE EPITHET "KRUTOI" IN THE LYRICS OF PAVEL VASILIEV: THE RATIO OF CONVENTIONAL AND OCCASIONAL

The article deals with the specificity of the use of the epithet, expressed by the adjective *krutoi*, in the lyric texts of Pavel Nikolaevich Vasiliev, the poet of the first half of the twentieth century. His work is notable for its dynamism, special imagery. That is why the epithet *krutoi* with its semantics of sharpness, strength, abruptness, decisiveness and severity is so in demand in Vasiliev's poetics. Usual semantics is transformed in poetic discourse and is overgrown with additional semantic increments, to varying degrees associated with conventional meaning — from an explicit connection to a distant one. Depending on the degree of transformation of conventional meanings, we distinguish three types of epithets: conventional epithets, semantic occasionalisms and semantic metamorphoses. Typical for Vasiliev's poetics is the transformation in accordance with his ideological and artistic views of the epithets expressed by the word *krutoi*. Semantic occasionalisms and metamorphoses make up 84.54% of the use of the epithets under consideration. With the help of occasional epithets, the poet creates unique macro-images and symbols that are essential for his poetic worldview, for example, the symbol of a horse.

Keywords: epithet, *krutoi*, conventional meaning, occasional meaning, semantic occasionalism, semantic metamorphosis

Функционирование эпитетов в поэзии Павла Васильева (1910–1937)¹ отличается своеобразием, отражающим уникальность

¹ Павел Васильев родился 5 января 1910 года в семье учителя в городке Зайсан в Казахстане. Детство и юность прошли в г. Павлодар (Казахстан). Его короткая жизнь была достаточно насыщенной различными событиями: он был два раза женат, объехал Сибирь и Дальний Восток, в 1929 году поехал покорять литературную Москву, где его три раза арестовывал НКВД. Он был расстрелян в 1937 году в возрасте 27 лет по обвинению в принадлежности к "террористической группе", якобы готовившей покушение на Сталина. В 1956 году был реабилитирован Верховным судом СССР. Павел Васильев оставил после себя значительное поэтическое наследие, часть которого была впервые опубликована только в 80–90-х годах XX века.

мировосприятия и мироощущения художественной личности поэта. Эпитет как элемент художественно-эстетической системы произведения с формально-структурной точки зрения может быть выражен различными частями речи: прилагательными, причастиями, наречиями, субстантивными словоформами с предлогом и без. Однако основным способом выражения эпитета является имя прилагательное. Таким образом, в лингвопоэтике возникает проблема различения эпитета как художественного средства и определения, выраженного прилагательным². Эпитет характеризуется экспрессивностью, образностью, выразительностью. Однако определение в нехудожественной речи (разговорной, научной, публицистической) тоже может иметь признаки образности и экспрессивности: **зеленая экономика**, **тяжелые металлы**, **твердые согласные** и т.д. По мнению Ирины Арнольд, признак образности не является обязательным для эпитета. На ее взгляд, эпитет — это «экспрессивная, оценочная характеристика какого-либо лица, явления, предмета, но необязательно образная»³. В этом мы солидарны с названной ученой. Некоторые исследователи лингвопоэтики не считают нужным разграничивать определение и эпитет, полагая, что одно не может существовать без другого⁴.

Подчеркивая общность формальных признаков, синтаксической функции эпитета и определения, отметим, что первое функционирует в эстетически маркированном художественном дискурсе, а второе — в дискурсах, эстетически не маркированных. Иными словами, эпитет всегда выполняет определенную идейно-эстетическую функцию, являясь частью общего авторского художественного замысла произведения.

Эпитет — художественное определение (определение в эстетической функции) предмета, лица, явления, процесса, ситуации, выделяющее, подчеркивающее, усиливающее существенный, с точки зрения автора, признак, который может повторять или подновлять значение определяемого слова,

² З.К. Темиргазина, Г.К. Жакупова, *Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока*, «Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» 2021, №1(12), с. 137–152. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152

³ И. В. Арнольд, *Стилистика современного английского языка*, Просвещение, Ленинград 1981, с. 22.

⁴ А. П. Лободанов, *К исторической теории эпитета (античность и средневековье)*, «Известия АН СССР. Серия литературы и языка» 1984, т. 43, № 3, с. 215–227.

быть типичным и неотъемлемым для целого класса предметов, индивидуальным признаком конкретного предмета, создавать микро- или макрообраз, придавая ему живописность, содержать скрытые смыслы и оценку, создавать эмоциональный настрой произведения, усиливать впечатление на реципиента, обращаясь к его интеллектуальному, эмоциональному и эстетическому восприятию⁵.

Таким образом, определение, даже обладающее экспрессивностью, образностью, функционирующее в нехудожественных дискурсах, не выполняет художественно-эстетическую функцию в реализации общего замысла произведения, тем самым отличаясь от эпитета как такового.

Распространенность эпитета, выраженного именем прилагательным, в художественном дискурсе объясняется атрибутивностью его частеречной семантики, позволяющей индивиду приписывать объектам окружающей действительности различные свойства, присущие им имманентно. Приписывая явлениям и предметам окружающего мира определенные признаки, человек показывает своё небезразличие к этим атрибутам. Иначе говоря, имя прилагательное не только обозначает объективные свойства предмета, но и передает субъективное отношение человека к признакам реальных. Значимость контекста для интерпретации эпитета приводит к необходимости учитывать его синтагматические связи и, соответственно, использовать термин «эпитетный комплекс», под которым Сергей Губанов понимает семантико-структурное объединение нескольких эпитетов в сложное, развернутое высказывание с преобладанием «адъективного вещества»⁶. В эпитетный комплекс входят причастные и деепричастные обороты, компаративные конструкции, местоимения и т.д., распространяющие эпитет; ряды эпитетов, характеризующих одно определяемое слово. Таким образом, вслед за Губановым, мы принимаем в статье широкое понимание эпитета, которое включает не только имя прилагательное в качестве основного способа выражения, но и наречие, которое объединяет с именем прилагательным категориальное значение признаковости, но только не предмета, а действия.

⁵ А.В. Павшук, *Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»)*: автореф. дис. канд. филол. наук, Москва 2007, с. 20.

⁶ С.А. Губанов, *Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты*: дис. канд. филол. наук, Самара 2009, с. 21.

В художественных произведениях эпитеты являются предметом исследования в работах лингвопоэтического направления Анны Павшук⁷, Сергея Губанова⁸, Гульфиры Байбулатовой⁹, Екатерины Касьяновой¹⁰ и др.

Творчество поэта Павла Васильева исследовалось в диссертационных работах как литературоведческого, так и лингвопоэтического характера (см., например, труды Тамары Мадзигон¹¹; Ирины Ивлевой¹²; Валерия Хомякова¹³; Нины Поповой¹⁴). Функционирование и анализ эпитетов в поэзии Васильева не становились предметом отдельного исследования. Они рассматривались в контексте общей поэтики Васильева¹⁵ либо затрагивались косвенно при изучении отдельных проблем, например, экспрессивности¹⁶, фольклорных мотивов¹⁷. Таким образом, художественная специфика эпитетов в поэзии Васильева до сих пор изучена недостаточно.

Целью работы является изучение авторской специфики употребления широко понимаемого термина «эпитет», выраженно-го именем прилагательным *крутой* и наречием *круто*, в лирике Павла Васильева в плане соотношения общезыкового, т.е. узуального и окказионального значений, определяющих роль эпитета в поэтической картине мира.

⁷ А. В. Павшук, *Языковая природа и функции эпитета...*

⁸ С. А. Губанов, *Эпитет в творчестве М. И. Цветаевой...*

⁹ Г. Г. Байбулатова, *Языковые и художественные особенности эпитетов в башкирской литературе (на примере произведений З. Бишиевой, М. Карима и Н. Мусина)*: дис. канд. филол. наук, Уфа 2010.

¹⁰ Е. Ю. Касьянова, *Цветовой эпитет в творчестве С. Н. Сергеева-Ценского*, «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки» 2011, № 104 (12), с. 236–238.

¹¹ Т. М. Мадзигон, *Творчество Павла Васильева*: дис. канд. филол. наук, Москва 1966.

¹² И. Д. Ивлева, *Действительность и ее художественное воплощение в поэзии Павла Васильева*: дис. ... канд. филол. наук, Москва 1990.

¹³ В. И. Хомяков, *Художественная картина мира в творчестве П. Васильева: из истории мировоззренческих и стилевых исканий в русской поэзии 1920–1930-х годов*: дис. д-ра филол. наук, Москва 2007.

¹⁴ Н. В. Попова, *Фольклорные традиции в творчестве Павла Васильева*: дис. канд. филол. наук, Москва 2016.

¹⁵ С. К. Шаймарданова, *Поэтическое слово в контексте Павла Васильева*: дис. канд. филол. наук, Алма-Ата 1990.

¹⁶ Т. В. Галкина, *Лексическая экспрессивность в поэзии Павла Васильева*, «Северный регион: наука, образование, культура» 2012, № 1–2 (25–26), с. 314–318.

¹⁷ Н. В. Попова, *Фольклорные традиции в творчестве Павла Васильева...*

Материалом исследования выступают эпитетные комплексы, включающие прилагательное *крутой* или наречие *круто*. Они извлечены из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), поэтического подкорпуса¹⁸. Подкорпус произведений Васильева включает 244 документа, 63 020 слов. Слова *крутой*, *круто* встречаются в стихотворениях Васильева, согласно данным НКРЯ, 26 раз.

Основными методами исследования являются, во-первых, контекстуальный анализ, учитывающий синтагматические отношения эпитета и влияние окружения на семантику слова, диктующий использование понятия «эпитетный комплекс»; во-вторых, типологизация соотношения общезыкового и окказионального компонентов в семантике слов. Кроме этого, используется метод статистического анализа для подсчета вхождений в НКРЯ и употребления общезыковых и окказиональных значений слова *крутой* в поэтических текстах Васильева.

Выбор для исследования эпитетов, выраженных качественным именем прилагательным *крутой* и наречием *круто*, обусловлен их значимостью в отражении своеобразия художественного мировосприятия и мироощущения Васильева, отдающего предпочтение пространственно-линейным аномалиям в окружающем мире, динамическим визуальным образам, выходящим за рамки привычного и обычного. Об этой особенности его художественного мировосприятия писал Михаил Эпштейн: «Среди русских поэтов Васильев едва ли не самый крутой по характеру лирического героя, которого и в природе влечет все тяжелое по весу, плотное по составу, косое по направлению — как хищный бросок»¹⁹. Светлана Шаймарданова рассмотрела в своей диссертации лингвопоэтические и художественно-стилистические особенности поэзии Васильева и установила, что определенные слова в его поэзии становятся акцентными, другие слова функционируют в контексте, тематически не выходя за его рамки²⁰. К таким важным, акцентным для поэтического контекста Васильева словам относится и эпитет *крутой*. В число эпитетов мы включаем не только

¹⁸ Национальный корпус русского языка, <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (03.08.2021).

¹⁹ М. Н. Эпштейн, *Природа, мир, тайник вселенной: Система пейзажных образов в русской поэзии*, Высшая школа, Москва 1990, с. 255.

²⁰ С. К. Шаймарданова, *Поэтическое слово в контексте Павла Васильева...*, с. 83.

прилагательные и наречия, но и сложные слова, образованные с участием слова *крутой*: *круторогий*, *крутобровый*.

Согласно мнению Владимира Колесова, понятие качества, которое является семантической основой имени прилагательного, особенно важно для русского человека в процессе осмысления окружающей действительности: именно

качество воспринимается как основная категория в характеристике вещного мира; качество, а не количество привлекает законченностью и разнообразием радужных форм; через признак выявляется каждое новое качество, привлекающее внимание своей неповторимостью; отвлеченные имена также образуются с помощью адъективных основ, а самостоятельная категория имени прилагательного формируется в русском языке, начиная с древнейших времен.²¹

Потенциальная субъективность категориальной атрибутивной семантики является основой эстетической авторской трактовки имени прилагательного и использования его в художественной функции. У эпитета как художественного тропа нередко происходит преобразование семантики адъективной лексики. Механизм семантического преобразования основывается на расширении синтагматики имени прилагательного, в ходе которого в его общеязыковом значении актуализируются потенциальные семы и осуществляется так называемое приращение смысла, т.е. возникает окказиональное значение. Дополнительное приращение смысла, особенно в художественном дискурсе, может включать и образные представления. Актуализация происходит за счет влияния широко понимаемого контекста, включающего индивидуальный тезаурус и фонд общих знаний автора.

Окказиональные значения возникают на основе общеязыковой, или узуальной семантики слов. На это указывает Эрик Ханпира, который пишет, что окказиональное значение

возникает не на голом месте, а контактуется или наслаивается на узуальное значение слова, которое обычно приглушается или контекстно смещается в целях создания художественного образа. Слово становится двуплановым — носителем узуальных значений и выразителем иных осмыслений, обусловленных характером художественного текста²².

²¹ В.В. Колесов, *Русская ментальность в языке и тексте*, Петербургское востоковедение, Санкт-Петербург 2006, с. 204.

²² Э.И. Ханпира, *Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования*, Наука, Москва 1972, с. 38.

Проведенный анализ показал, что семантика эпитета *крутой* в лирических текстах Васильева основывается на общеязыковых значениях, зафиксированных в словарях. Наиболее частотно использование ЛСВ₅, ЛСВ₃ и ЛСВ₂ имени прилагательного (см. об этом подробнее ниже). Те или иные ЛСВ в художественном контексте приобретают смысловые приращения, дополнительные семы. В зависимости от степени преобразования общеязыкового значения и его окказионализации можно выделить три типа соотношения узуального и окказионального в семантике эпитета *крутой*:

- общеязыковые, или узуальные — с нулевой степенью окказионализации;
- семантические окказионализмы — со средней степенью трансформации, сохраняющие видимую связь с общеязыковым значением;
- семантические метаморфозы — с максимальной степенью окказионализации.

ОБСУЖДЕНИЕ

Прилагательное *крутой* в русском языке многозначно. По данным словаря Дмитрия Ушакова оно имеет 4 узуальных значения, или 4 лексико-семантических варианта (далее ЛСВ)²³. В более позднем толковом словаре под редакцией Анастасии Евгеньевой у слова *крутой* зафиксировано пять ЛСВ²⁴. В нем закреплены два новых значения, отсутствующие в словаре Ушакова: 'лишенный плавности, постепенности' и 'проявляющийся и действующий с большой силой и резкостью'. В то же время в словаре Ушакова зафиксировано значение 'резко, внезапно, почти под прямым углом меняющий направление', которого нет в словаре Евгеньевой. Больше всего ЛСВ у слова *крутой* — десять — обнаружено в «Викисловаре»²⁵. В таблице 1 представлены лексико-семантические варианты имени при-

²³ Д. Н. Ушаков (ред.), *Толковый словарь русского языка*, Москва 1935–1940, <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (02.09.2021).

²⁴ А. П. Евгеньева (ред.), *Словарь русского языка: В 4-х т., Русский язык; Полиграфресурсы*, Москва 1999, <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (12.09.2021).

²⁵ Викисловарь, <https://ru.wiktionary.org/> (12.09.2021).

лагательного *крутой* в названных выше толковых словарях русского языка.

Сравнение показывает, что в современном русском языке идет активное расширение семантики этого имени прилагательного и наблюдается появление у него дополнительных ЛСВ. Так, один из ЛСВ, пока не зафиксированный в толковых словарях, 'престижный, статусный' изначально употреблялся в молодежной среде и затем перешел в общую сферу функционирования языка: *крутая тачка; крутая мобила; крутые часы; крутой особняк*. ЛСВ используется и в качестве междометного выражения с общим интенсивным положительно-оценочным значением: *Круто!*

Таблица 1. ЛСВ в дефинициях слова *крутой* в различных толковых словарях

	Толковый словарь Ушакова	Словарь русского языка Евгеньевой	Викисловарь
ЛСВ1	отвесный, отвесно расположенный, обрывистый.	почти отвесный, обрывистый; <i>противоп.</i> пологий.	почти отвесный, обрывистый
ЛСВ2	резко, внезапно, почти под прямым углом меняющий направление.		
ЛСВ3			резко изогнутый или очерченный; выпуклый
ЛСВ4		высоко подни- мающийся (о волне, зыби и т.п.).	высоко подни- мающийся (о волне, зыби и т.п.)
ЛСВ5		лишенный плав- ности, постепен- ности (о поворотах, изгибах и т.п.); резкий.	лишённый плавности, постепенности (о поворотах, изгибах и т.п.).
ЛСВ6	суровый и упрямый (разг.).	суровый, упрямый, своевольный (о характере человека, а также о человеке с таким характером).	<i>перен. разг.</i> суровый, упрямый, своевольный (о ха- рактере человека, а также о человеке с таким характером).
ЛСВ7	густо замешенный, приготовленный, густо сваренный.	доведенный варкой или замешиванием до высокой степени плотности, густоты.	<i>кулин.</i> доведённый варкой или замешиванием до высокой степени плотности, густоты.

ЛСВ8	проявляющийся и действующий с большой силой и резкостью (о стихийных явлениях).	проявляющийся с большой силой и резкостью (о стихийных явлениях).
ЛСВ9		решительный и глубокий, касающийся основы, существа чего-либо.
ЛСВ 10		очень строгий, решительный, резкий. Крутые меры. Крутые слова
ЛСВ11		<i>перен. разг.</i> очень хороший, поразительный. Он купил себе крутой джип.

Рассмотрим далее функционирование эпитета *крутой* в произведениях Васильева. Так, ЛСВ1 с прямым значением 'почти отвесный, обрывистый' (4 вхождения в НКРЯ) употребляется в сочетании со словами *берег* в функции определения и именной части сказуемого:

Вдыхаю воздух знаменитый

Крутых иртышских берегов. («Послание к Наталье», 1934)²⁶.

— Вишь, голубь падает с разлета,

У Иртыша, где берег **крут**... («Христолюбовские ситцы», 1935–1936).

Использует Васильев и устно-поэтическое фольклорное сочетание *крутой бережок*²⁷:

Торопись, гусыня, прибавь шажок —

*Узкие тропиночки, **крутой бережок*** («Песня о гибели казачьего войска», 1929–1930).

²⁶ Далее все примеры приводятся из НКРЯ.

²⁷ См., например, русские народные песни «*Меж крутых бережков...*», «*Вдоль да по речке...*» и др.:

*Меж **крутых бережков***

Волга-речка течет (<http://maxima-library.org/knigi/genre/b/253219?format=read>).

*Вдоль да **по бережку**,*

*Вдоль да **по крутому***

Добрый молодец идет (<http://maxima-library.org/knigi/genre/b/253219?format=read>).

Имя прилагательное *крутой* употреблено в значении ‘лишенный плавности, постепенности (о поворотах, изгибах и т.п.)’ (ЛСВ5, 2 вхождения):

*Костлявые лестницы
Робко ведут,
Раскинув руками
Крутые перила* («Октябрьский ветер», 1930).

Эпитетный комплекс “*крутые перила*” является частью целостного поэтического образа, созданного воображением автора. Украинские ученые Иван Ковалик и Михайлина Коцюбинска попытались определить роль макрообраза и микрообраза в художественном тексте: макрообраз организует систему художественного отражения жизни в ее узких видовых или больших родовых сегментах (отрезках, частях, картинах); микрообраз отличается наименьшим текстуальным размером: это единица измерения образного мышления, по форме он может быть простым, неразвернутым и сложным, развернутым. Структура макрообраза организована связанными между собой однородными микрообразами²⁸.

Макрообраз метафора-олицетворение “*костлявые лестницы робко ведут, раскинув руками, крутые перила*” характеризуется резким противопоставлением смысловых доминант ‘хрупкость/слабость’, ‘робость’ (*костлявые, робко*) и ‘сила’, ‘резкость’ (*крутые*), возникающих в контексте. Этот прием «объединения противоположностей» Геннадий Зельдович называет детривиализирующим фактором в дискурсе метафоры, нарушающим «нарративную инерцию» восприятия читателем художественного текста и, соответственно, привлекающим его внимание к метафорическому макрообразу²⁹.

Рассмотрим строки:

*Молодая жизнь моя бывала другою,
Раскололась бубенцом под крутой дугою* («Песня о гибели казачьего войска», 1929–1930).

²⁸ М. Коцюбинська, *Література як мистецтво слова*. Наукова думка, Київ 1965, с. 21; І. Ковалик, *Про типологічну інтерпретацію художнього слова та вияв майстерності у Словнику творів І. Франко*. «Франко» І, вип. VII, ЛДУ, Львів 1969, с. 154.

²⁹ Г. Зельдович, *Взаимоотраженность смыслов и дискурсивная перспектива в художественном тексте*, «Przegląd Rusycystyczny» 2020, no. 2, с. 181.

В них представлен макрообраз бурной молодости лирического героя, изменения в которой уподобляются скачущему коню с помощью микрообразов расколовшегося бубенца и крутой дуги. Таким образом, эпитет *крутая (дуга)* является составной частью макрообраза. Дополнительным приращением в ЛСВ₅, возникшим в контексте, является сема 'резкий поворот в жизни'.

Как видим, сохраняя в эпитетном комплексе узуальные значения, имя прилагательное *крутой* в целостном макрообразе обрастает дополнительными смысловыми приращениями, входящими в смысловой комплекс макрообраза как микрообраз, выступая в качестве семантического окказионализма.

В синтагматических отношениях с названиями частей тела животных эпитет *крутой* характеризует лишённые плавных переходов (ЛСВ₅, 4 вхождения в НКРЯ) изгибы рогов могучих *мордастых быков*, мощных шей, *клокочущих боков* только что объезженных скакунов, их *острых копыт*:

Над крутыми шеями

Вьюги грив... («Песня о гибели казачьего войска», 1929–1930).

Коням тем, не знавшим досель седока,

Объездчики обнимали ногами

Крутые, *клокочущие бока*. («Песнь о хладнокровье», 1933).

*Когда быков мордастых, **круторогих***

На праздниках с копыт долой валил. («Расставанье», 1934).

*Полтысячи острых, **крутых копыт***

Взлетают, преграды сбив... («К портрету Р.», 1931).

Эпитетные комплексы с именем прилагательным *крутой* в рассматриваемых примерах выступают микрообразами в создании макрообразов скачущих во весь опор коней, с взлетающими копытами и развевающимися гривами — символов поэтического мира Васильева.

Особенно примечательны проходящие через все творчество Васильева, национально очень характерные образы коней, в которых «зверья стать и зверья прыгть» — своеобразные вариации на тему гоголевской «тройки», уже не только стремительной, но и «свирепой», «злой» (*Ярмарка в Куяндах*, 1930; *Конь*, 1930 и 1932; *Тройка*, 1933), —

так пишет о специфике образа коня в творчестве Васильева Эпштейн³⁰.

³⁰ М. Н. Эпштейн, *Природа, мир, тайник вселенной...*, с. 256.

На наш взгляд, это не вариации гоголевской «тройки», даже и своеобразные. Это другой образ, порожденный иным мировоззрением, иной культурой — кочевой, степняцкой, казачьей вольницей, которая не была ограничена лишними запретами и отличалась крайним свободолобием. И конь в этой культуре — символ неограниченной вольницы и степных просторов, в нем ценится непокорность, даже необузданность, свирепость. Чтобы скакать на этих конях, владеть ими, люди тоже должны быть вольными, сильными, свирепыми, крутыми и суровыми. Эпитет *крутой* непосредственно участвует вместе с другими микрообразами (метафорическим эпитетом *горячий* и метафорой *бьет копытом*) в создании макрообраза коня как специфического васильевского символа степной воли:

*Самый горячий крутой жеребец
Под атаманом копытом бьет.* («Песня о гибели казачьего войска», 1929–1930).

Здесь у эпитета *крутой* проявляются оценочные семы ‘лучший среди других, престижный, статусный’.

См. также следующие строки, в которых изображены мчащиеся во весь опор крутые степные кони и скачки на ярмарке:

*Юность мчится во весь опор
На крутых степных лошадях* («Сестра», 1930);
*И широкий крутой заезд
Низко стелется над травой* («Ярмарка в Куяндах», 1930).

Эпитет *крутой* приобретает в рассматриваемых контекстах метафорическое значение ‘свободолюбивый, непокорный; лучший в своем роде’, в котором осмысление реалии из конкретно-предметной сферы переводится в сферу абстракций, возникает рационально-эмоциональный тип метафоры (см. *теплые отношения*). Признак, основанный на визуальном восприятии пространственной организации реалий окружающей действительности (*берег, обрыв, лестница* и т. д.), переходит в ментальную область — область эмоционально-оценочной деятельности.³¹ Это происходит в силу изменения синтагматических связей адъ-

³¹ З.К. Темиргазина, Ж.Б. Ибраева, *Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева)*, «Вестник Томского гос. ун-та. Филология» 2021, № 72, с. 290–307. DOI: 10.17223/19986645/72/16

ектива — определяемым объектом выступают названия коней или связанных с ними понятий. Исследователи пишут: «Изменение качества приводит к исчезновению объекта в его прежнем понимании и появлению качественно нового объекта. У языка иная логика. В нем определяющую, главную роль играет синтаксическая функция».³² В сочетании «*крутой заезд*», скорее всего, наблюдается синтаксический перенос определения на управляющее слово, т. е. нарушение привычных синтагматических связей — не *заезд крутых лошадей*, а *крутой заезд*; это так называемая эналлага — специфическая риторическая фигура. Иными словами, здесь налицо синтаксический, а не семантический перенос.

В строках *Не грива, а коршун на шее крутой* («Конь», 1930) грива коня сравнивается с коршуном, сидящим на его шее. В сравнительном обороте актуализируются коннотативные семы хищности, стремительности, свирепости коня, порождаемые в контексте эпитетом *крутой*, который является именной частью составного сказуемого, и существительным *коршун*.

ЛСВ3 'резко изогнутый или очерченный; выпуклый' (4 вхождения в НКРЯ) функционирует как определение к определяемым словам — названиям частей тела, лица человека (*плечи, ладонь, брови*), либо выступает в предикативной функции — как именная часть сказуемого, либо является частью сложного прилагательного (*крутобровый*):

Плечи твои широки, круты («Как тень купальщицы длина твоя...», 18 ноября 1934);

Ты не хмурь крутые брови

Без пути («Песня о гибели казачьего войска», 1929–1930);

Возникни, ангел крутобровый,

На диком зареве весны! («Христоробовские ситцы», 1935–1936);

Опускается глухо крутая ладонь

На курганную медь пересчитанных денег («Мясники», 1929).

ЛСВ2 'резко, внезапно, почти под прямым углом меняющий направление' реализуется в следующем контексте, характеризующем бурное течение сибирской реки:

Крутая Обь и вспененный Иртыш

Скрестили крепко

Взбухнувшие жилы... («Сибирь», 1930).

³² З. М. Цуанова, *Становление и развитие качественных существительных в немецком языке*, «Язык в диахронии», Истоки, Воронеж 2006, с. 165.

С помощью эпитета *крутой* Васильев создает неповторимые словесные образы, представляющие собой сплав ассоциативных связей и дополнительных приращений смысла, иногда имеющих лишь отдаленные связи с узуальными общеязыковыми значениями. Инесса Бабенко назвала этот специфический тип переносов значения семантическими метаморфозами, которые, по ее мнению, представляют собой «крайнюю степень изменения семантики слова, художественно детерминированное коренное её “искажение”, предпринятое автором для создания уникального эстетического смысла и особого прагматического эффекта».³³ Например, в следующем четверостишии:

*Ты, если вспомнить, говорила,
Что время сердцу отдых дать,
Чтобы моя крутая сила
Твоей красе была под стать* («Послание к Наталье», 1934)

поэт соединяет в эпитетном комплексе две лексемы *крутая* и *сила* с «перекликающимися» семами ‘суровость’, ‘сила’ и проч., имеющими отношение к лирическому герою — мужчине, и сопоставляет их с женской красотой. В этой семантической метаморфозе можно обнаружить хотя бы слабые и отдаленные связи с некоторыми ЛСВ имени прилагательного *крутой*. Крайнюю степень «искажения» семантики слова, утерю с исходными смыслами наблюдаем в строках, в которых имя прилагательное *крутая* в окружении эпитетов *медовая*, *травяная* приобретает смысл ‘лучшая, красивая’:

*Ко мне прижавшись, думаешь о них,
Медовая, **крутая**, травяная,
И, тяжесть каждого припоминая,
Любого ждешь, любой тебе жених.* («Дорога», 1933).

Васильев использует и фразеологические обороты с компонентом-наречием *круто*, создавая макрообраз *круто замешенного теста жизни* степного Прииртышья: *Жизнь здесь тесто круто замесила...* («По Иртышу», 1927). В русскую идиому *надеть крепкую узду* в метафорическом значении ‘покорить, обуздать, успокоить’ поэт добавляет эпитет *крутую (узду)*, который вносит семантическое приращение ‘жесткий, суровый’:

³³ И. И. Бабенко, *Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. Цветаевой*: автореф. дис. канд. филол. наук, Томск 2001, с. 11.

ЭПИТЕТ «КРУТРОЙ»...

*Надо надеть на народ узду
Крепче и круче,
Чем вначале...* («Соляной бунт», 1932–1933).

Функционирование эпитетов позволяет выделить в них три типа соотношения общеязыкового и окказионального значений. В первом случае эпитет употребляется в узуальном значении, сохраняя его практически неизменным; это общеязыковые, или узуальные эпитеты. Во втором типе соотношения эпитет приобретает в зависимости от поэтического мировоззрения и идейно-художественного замысла автора семантические приращения, существенно меняющие узуальное значение исходного слова. Эти эпитеты относятся к семантическим окказионализмам, выступающим «неотъемлемой частью идиолекта писателя, текстов художественных произведений...»³⁴ При третьей степени окказионализации, который можно определить как семантическую метаморфозу, эпитет практически полностью утрачивает связь с исходным значением, сохраняя лишь отдаленные ассоциации с ним. Наиболее распространено упот.ребление эпитетов второго типа, т. е. семантических окказионализмов. Далее по степени частотности идут эпитеты с высокой степенью окказионального содержания и отдаленной ассоциативной связью с узуальным значением. Наименее частотны общеязыковые, или узуальные эпитеты. Частотность разных типов эпитетов в поэтическом дискурсе Васильева представлена в таблице 2.

Таблица 2. Типы соотношения узуальных и окказиональных значений в эпитетах *крутой* в лирике Васильева

Узуальные значения	1 тип	2 тип	3 тип
ЛСВ 1	4		
ЛСВ 2		1	
ЛСВ 3		5	
ЛСВ 5		7	
ЛСВ 7		1	
	4	14	8
	15,4 %	53,84%	30,7 %

³⁴ Е. Г. Ковалевская, *Вопрос об узуальном и окказиональном в лингвистической литературе. Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения*, Издательство ЛГПИ имени А. И. Герцена, Ленинград 1986, с. 8.

Для поэтики Васильева характерно употребление эпитета как словесного микрообраза в создании целостного макрообраза, в который эпитет вносит дополнительную экспрессивность, например, в метафорическом образе «грива коня — это коршун на шее крутой».

Если рассматривать функционирование эпитета *крутой* во взаимосвязи с определяемым словом, называющим объект из определенной сферы, то выясняется, что наиболее активно он используется для характеристики объектов животного мира, затем объектов природы, в равной степени человека и артефактов³⁵ и менее всего для определения ментальных представлений. См. таблицу 3.

Таблица 3. Сферы объектов характеристики эпитета *крутой*

Артефакты	Натурфакты	Животные	Человек	Ментальные понятия
<i>крутые перила, крутая дуга, дамб крутое литье</i>	<i>крутая Обь, крутой берег, звезды круче</i>	<i>крутой жеребец, крутые копыта, крутые бока</i>	<i>крутая ладонь, плечи круты, крутые брови</i>	<i>крутая сила</i>
5	6	8	5	2
19,2%	23%	30,7%	19,2%	7,7%

В сфере «животные» анализируемый эпитет, с точки зрения поэта, больше характерен для коня (7 вхождений / 26,9 %) как наиболее важного символического образа в его поэтической картине мира, отличающегося динамичностью, силой, свирепостью, непокорностью. «...Независимо от тем и сюжетов, творчество П. Васильева насыщено экспрессией, оно поражает неукротимой энергией, буйством красок»³⁶.

³⁵ Z. K. Temirgazina, *Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief*, «Middle-East Journal of Scientific Research 13 (Socio-Economic Sciences and Humanities)» 2013, с. 224–229. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1440.

³⁶ Т. В. Галкина, *Лексическая экспрессивность в поэзии Павла Васильева...*, с. 318.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно констатировать, что эпитеты, выраженные именем прилагательным *крутой*, наречием *круто*, относятся к значимым элементам поэтической картины мира Павла Васильева. Она характеризуется динамичностью, особой «энергетической» образностью, стремлением к разрушению привычного, стереотипного. Исследование художественно-эстетической функции поэтических средств позволяет выявить, как отдельные выразительные средства участвуют в создании общей авторской идеи, как они работают на ее реализацию, встраиваясь в целостный идейно-художественный замысел поэта-творца и объединяясь с другими элементами поэтики текста. Эпитеты перерабатываются творческим мышлением автора, порождая своеобразные образы и символы, которые находят свое выражение в семантических окказионализмах и семантических метаморфозах. Васильев редко использует эпитет *крутой* в общеязыковых значениях (15,4%). По всей вероятности, руководствуясь сверхдинамичностью своего мировосприятия и миропонимания, своим природным стремлением к разрушению банальности и ординарности бытия, поэт в большинстве случаев (84,54%) преобразует традиционную семантику слов в соответствии со своими художественно-эстетическими задачами. Так он создает неповторимую поэтическую картину мира, важное место в которой занимают семантические окказионализмы и семантические метаморфозы, выраженные эпитетными комплексами со словами *крутой*, *круто*.

REFERENCES

- Arnol'd, Irina. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka*. Leningrad: Prosveshcheniye, 1981 [Арнольд, Ирина. *Стилистика современного английского языка*. Ленинград: Просвещение, 1981].
- Babenko, Inessa. *Kommunikativnyy potentsial slova i yego otrazheniye v lirike M. Tsvetayevoy*: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Tomsk, 2001 [Бабенко, Инесса. *Коммуникативный потенциал слова и его отражение в лирике М. Цветаевой*: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. Томск, 2001].
- Baybulatova, Gul'fira. *Yazykovyye i khudozhestvennyye osobennosti epiteto v bashkirskoy literature (na primere proizvedeniy Z. Biishevoy, M. Karima i N. Musina)*: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Ufa: Bash-

- kirskiy gosudarstvennyy universitet, 2010 [Байбулатова, Гульфира. *Языковые и художественные особенности эпитетов в башкирской литературе (на примере произведений З. Бишиевой, М. Карима и Н. Мусина)*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Уфа: Башкирский государственный университет, 2010].
- Epshteyn, Michael. *Priroda, mir, taynik vselennoy: Sistema peyzazhnykh obrazov russkoy poezii*. Moskva: Vysshaya shkola, 1990 [Эпштейн, Михаил. *Природа, мир, тайник вселенной: Система пейзажных образов в русской поэзии*. Москва: Высшая школа, 1990].
- Galkina, Tamara. "Leksicheskaya ekspressivnost' v poezii Pavla Vasil'yeva." *Severnyy region: nauka, obrazovaniye, kul'tura* 2012, no. 1–2 (25–26): 314–318 [Галкина, Тамара. "Лексическая экспрессивность в поэзии Павла Васильева." *Северный регион: наука, образование, культура* 2012, no. 1–2 (25–26): 314–318].
- Gubanov, Sergey. *Epitet v tvorchestve M.I. Tsvetayevoy: semanticheskii i strukturnyy aspekt*: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy universitet, 2009 [Губанов, Сергей. *Эпитет в творчестве М. И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Самара: Самарский государственный университет, 2009].
- Ivleva, Irina. *Deystvitel'nost' i yeye khudozhestvennoye voploshcheniye v poezii Pavla Vasilieva*: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova 1990 [Ивлева, Ирина. *Действительность и ее художественное воплощение в поэзии Павла Васильева*: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1990].
- Kas'yanova, Yekaterina. "Tsvetovoy epitet v tvorchestve S. N. Sergeyeva-Tsensko". *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* 2011, no. 104 (12): 236–238 [Касьянова, Екатерина. "Цветовой эпитет в творчестве С. Н. Сергеева-Ценского." *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки* 2011, no. 104 (12): 236–238].
- Khanpira, Erik. "Okkazional'nyye elementy v sovremennoy rechi." *Stilisticheskiye issledovaniya*. Moskva: Nauka, 1972: 245–317 [Ханпира, Эрик. "Окказиональные элементы в современной речи." *Стилистические исследования*. Москва: Наука, 1972: 245–317].
- Khomyakov, Valeriy. *Khudozhestvennaya kartina mira v tvorchestve P. Vasilieva: iz istorii mirovozzrencheskikh i stilevykh iskanii v russkoy poezii 1920–1930-kh godov*: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Moskva, 2007 [Хомяков, Валерий. *Художественная картина мира в творчестве П. Васильева: из истории мировоззренческих и стилических исканий в русской поэзии 1920–1930-х годов*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва, 2007].
- Kolesov, Vladimir. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2006 [Колесов, Владимир. *Русская ментальность в языке и тексте*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2006].
- Kotsyubyn's'ka, Mykhaylyna. *Literatura yak mystetstvo slova*. Kyev: Naukova dumka, 1965 [Коцюбинська, Михайлина. *Література як мистецтво слова*. Київ: Наукова думка, 1965].

- Kovalyk, Ivan. "Pro typologichnu interpretatsiyu khudozhn'oho slova ta vyvav mayternosti u Slovniku tvoriv I. Franko." *Franko I*, no. VII, L'viv: LDU, 1969: 153–159 [Ковалик, Иван. "Про типологічну інтерпретацію художнього слова та вияв майстерності у Словнику творів І. Франко." *Франко I*, вип. VII, ЛДУ, Львів 1969: 153–159].
- Kovalevskaya, Yevgenya. "Vopros ob uzual'nom i okkazional'nom v lingvisticheskoy literature." *Uzual'noye i okkazional'noye v tekste khudozhestvennogo proizvedeniya*. Leningrad: Izdatel'stvo LGPI imeni A. I. Gertsena, 1986: 6–8 [Ковалевская, Евгения. Вопрос об узуальном и окказиональном в лингвистической литературе." *Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения*. Ленинград: Издательство ЛГПИ имени А. И. Герцена, 1986: 6–8].
- Lobodanov, Aleksandr. "K istoricheskoy teorii epiteta (antichnost' i srednevekov'ye)." *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* 1984, vol. 43. no. 3: 215–227 [Лободанов, Александр. "К исторической теории эпитета (античность и средневековье)." *Известия АН СССР. Серия литературы и языка* 1984, vol. 43. no. 3: 215–227].
- Madzigon, Tamara. *Tvorchestvo Pavla Vasilieva*: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Moskva, 1966 [Мадзигон, Тамара. *Творчество Павла Васильева*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва, 1966].
- Pavshuk, Anna. *Yazykovaya priroda i funktsii epiteta v khudozhestvennom tekste (na materiale romana Asorina «Volya»)*: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Moskva: Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova 2007 [Павшук, Анна. *Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»)*: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова 2007].
- Popova, Tatyana. *Russkaya neologiya i neografiya*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo UGTU–UPI, 2005 [Попова, Татьяна. *Русская неология и неография*. Екатеринбург: Издательство УГТУ–УПИ, 2005].
- Popova, Nina. *Fol'klornyye traditsii v tvorchestve Pavla Vasilieva*: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Moskva: Literaturnyy institut imeni M. Gor'kogo, 2016 [Попова, Нина. *Фольклорные традиции в творчестве Павла Васильева*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Москва: Литературный институт имени М. Горького, 2016].
- Temirgazina, Zifa. "Cultural Scenarios of Emotions of Sadness, Sorrow and Grief." *Middle-East Journal of Scientific Research* 13 (Socio-Economic Sciences and Humanities) 2013: 224–229. DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1440
- Temirgazina, Zifa, and Ibrayeva, Zhanarka. "Nablyudatel' v poeticheskom narrative (na primere stikhotvoreniiy P. Vasilieva)." *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya* 2021, no. 72: 290–307. DOI: 10.17223/19986645/72/16 [Темиргазина, Зифа, и Ибраева, Жанарка. "Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева)." *Вестник Томского гос. ун-та. Филология* 2021, no. 72: 290–307].
- Temirgazina, Zifa, and Zhakupova, Gulzhan. "Garmoniya i disgarmoniya: akusticheskaya oppozitsiya v ranney lirike Aleksandra Bloka." *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* 2021, no. 1(12): 137–152.

- DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152 [Темиргазина, Зифа, и Жакупова, Гульжан. “Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока.” *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* 2021, no. 1(12): 137–152].
- Tsunanova, Zul'fiya. “Stanovleniye i razvitiye kachestvennykh sushchestvitel'nykh v nemetskom yazyke.” *Yazyk v diakhronii*. Voronezh: Istoki, 2006: 161–170 [Цунанова, Зульфия. “Становление и развитие качественных существительных в немецком языке.” *Язык в диахронии*. Воронеж: Истоки, 2006: 161–170].
- Shaymardanova, Svetlana. *Poeticheskoye slovo v kontekste Pavla Vasilieva*: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. filol. nauk. Alma-Ata, 1990 [Шаймарданова, Светлана. *Поэтическое слово в контексте Павла Васильева*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Алма-Ата, 1990].
- Ushakov, Dmitriy (Ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva, 1935–1940. <<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>> [Ушаков, Дмитрий (Ред.). *Толковый словарь русского языка*. Москва, 1935–1940].
- Yevgen'yeva, Anastasiya (Ed.). *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* Moskva: Russkiy yazyk; Poligrafresursy, 1999 <<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>> [Евгеньева, Анастасия (Ред.). *Словарь русского языка: В 4-х т.* Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999].
- Zel'dovich, Gennadiy. “Vzaimootrazhennost' smyslov i diskursivnaya perspektiva v khudozhestvennom tekste.” *Przegląd Rusycystyczny* 2020, no. 2: 157–201. DOI 10.31261/pr.7804 [Зельдович, Геннадий. “Взаимоотраженность смыслов и дискурсивная перспектива в художественном тексте.” *Przegląd Rusycystyczny* 2020, no. 2: 157–201].

MICHAŁ GŁUSZKOWSKI

<https://orcid.org/0000-0003-3353-2671>

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu

РУССКИЙ ЯЗЫК В ДЖОРДЖИИ (США) СОСТОЯНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА МЕНЬШИНСТВА

RUSSIAN LANGUAGE IN GEORGIA (USA)
STATUS AND SOCIAL FUNCTIONS OF THE MINORITY LANGUAGE

So far scholars investigating the Russian language in America have focused on the largest East Slavic communities in the north and northeast of the country. Since the 1990s, along with the growth of Metro Atlanta, the Russian-speaking diaspora has also increased. The sociolinguistic processes taking place in this community are related to the language choice in various domains of life, and to the transmission of the minority language (as a heritage language) to the younger generation. This article presents the results of the first stage of research on the family language policy of Slavic immigrants in Georgia based on quantitative and qualitative data related to self-assessment of knowledge of English and Russian languages depending on the sphere of life and type of speech activity (reading, writing, speaking, listening), motivation for the choice of the place of residence, social characteristics, the ethnic composition of the family, participation in the cultural life of the diaspora, etc.

Keywords: Russian language abroad, immigration, bilingualism, diglossia, minorities in the U.S.

1. ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья представляет результаты первого этапа более объемного исследовательского проекта, посвященного изучению стратегий кратко- и долгосрочной семейной языковой политики (Family Language Policy — FLP) в славянских общинах в американском штате Джорджия. На данном этапе обсуждению подвергались вопросы состояния и социальных функций русского как языка меньшинства в диаспоре, т.е. данные, которые можно собрать при использовании количественных методов исследования. Так как предметом анализа был «русский язык в Джорджии», а не «язык, используемый русскими

в Джорджии», в исследовании участвовали также русскоговорящие представители других этнических групп. Джорджия была выбрана местом проведения исследования по нескольким причинам. Славянская иммиграция в эту часть США произошла относительно недавно, а общины — по сравнению с северо-восточными штатами, традиционно выбираемыми восточноевропейцами в качестве целей миграции — немногочисленны, и как таковые до сих пор не были предметом более подробных социолингвистических исследований. Между тем, наряду с бурным развитием мегаполиса Атланты с середины 90-х гг. XX в., инициированным организацией Олимпийских игр 1996 г.¹, наблюдается также усиление притока славян из других регионов страны и непосредственно из-за рубежа. И хотя русский язык за рубежом, в том числе и в Америке, был предметом многих лингвистических и социолингвистических исследований², языковая ситуация и билингвизм русскоязычных жителей Джорджии до сих пор подробно не обсуждались. Состояние исследований других славянских языков аналогично.

На первом этапе исследования семейной языковой политики определяется состояние сохранности и сфер использования отдельных славянских языков, а характеристике подвергаются социально-экономические факторы, влияющие на языковое поведение отдельных двуязычных сообществ и индивидов в конкретных коммуникативных ситуациях. В данной статье мы сосредоточимся на функционировании русского языка в русских и других русскоязычных семьях в Джорджии, их самооценке знаний английского и русского языков в зависимости от сферы жизни и вида речевой деятельности (чтение, письмо, говорение, аудирование), участию в культурной жизни диаспоры, мотивах выбора места жительства, а также социально-демографических характеристиках респондентов.

¹ Еще в 1991 г. население мегаполиса Атланты составляло 2,292 млн, а в 2022 г. уже 6,013 млн. человек. См. Atlanta Metro Area Population 1950–2022, <https://www.macrotrends.net/cities/22922/atlanta/population> (24.10.2022).

² См. напр. Е. А. Земская, М. Я. Гловинская, М. А. Бобрик, *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты* (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 53), Языки славянской культуры, Вена 2001; L. Isurin, *Russian Diaspora. Culture, Identity, and Language Change*, de Gruyter Mouton, New York 2011; Z. G. Proshina, A. A. Eddy, *Russian English. History, Functions, and Features*, Cambridge University Press, Cambridge 2016.

2. ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДУЕМОЙ ГРУППЫ. ВЫБОРОЧНЫЙ МЕТОД

Хотя невозможно четко определить численность русской диаспоры в Америке, доступные данные позволяют провести приблизительные расчеты. Итак, по сведениям Бюро переписи населения США, о русском происхождении заявляют 2,433 млн человек³, из которых 38 тыс. проживает в штате Джорджия⁴. Однако, эти данные относятся лишь к факту этнического происхождения без определения поколения, т.е. учитывает и свежую иммиграцию конца XX — начала XXI вв., и потомков людей, приехавших в Америку намного раньше, воспитывавшихся в смешанных семьях и не говорящих по-русски. Для сравнения, численность иммигрантов, рожденных в России или РСФСР составляет 399 тыс. человек, из чего на территории Джорджии находится 6,9 тыс.⁵. Фактором, осложняющим расчеты, является факт, что некоторые жители США, отождествляющие себя с русским этносом, родились в других республиках СССР или странах постсоветского пространства. Итак, можно положить, что русскими считает себя также определенная доля иммигрантов, рожденных в Украине (356 тыс. в США, 3,8 в Джорджии), Беларуси (65 тыс. в США, 0,8 тыс. в Джорджии)⁶ и др.

Сопоставление вышеприведенных данных с численностью домохозяйств, в которых языком общения является русский — 943 тыс. в США и 14,6 тыс. в Джорджии⁷ — показывает, что число русскоговорящих иммигрантов не ограничивается этническими русскими и людьми, присвоившими русский язык как родной в стране происхождения. Итак, можно полагать, что число жителей штата Джорджия, владеющих русским языком и использующих его, хотя бы частично, в повседневном обще-

³ United States Census Bureau: People reporting ancestry (US), <https://data.census.gov/cedsci/table?t=ACSDT1Y2019.Bo4006&q=ACSDT5Y2016.Bo4006> (17.07.2022).

⁴ United States Census Bureau: People reporting ancestry (Georgia), <https://data.census.gov/cedsci/table?q=ACSDT5Y2016.Bo4006&g=0400000US13&t=id=ACSDT1Y2019.Bo4006&hidePreview=true> (17.07.2022).

⁵ Data USA: Georgia and United States, <https://datausa.io/profile/geo/georgia?-compare=united-states> (13.10.2022).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

нии, составляет ок. 50 тыс.⁸ русских, но тоже украинцев, белорусов и представителей других этнических групп постсоветского пространства.

Поэтому поиски участников исследования происходили не в национальных русских и российских организациях, но в неформальных группах в социальных сетях, организованных вокруг идеи общения и обмена полезной информацией на русском языке, а не идея национальной принадлежности. Социальный и тематический профиль групп определяется в их описании, а также самих названиях: Русскоговорящая ATLANTA | Russian-Speaking ATLANTA, Privet Atlanta (Привет Атланта), Ukrainian and Russian Speakers In Atlanta GA. Несмотря на двуязычную форму названий групп и инициальных обращений модераторов пользователям относительно правил вежливости и аполитичного характера постов, подавляющее большинство материалов и комментариев публикуется на русском языке⁹.

Ввиду пилотного характера данного этапа исследования и сложности предварительного определения степени вовлеченности респондентов, репрезентативная выборка, невозможная в данном случае, была заменена методом снежного кома (*snow-ball sampling*), в рамках которого первые респонденты помогают найти контакты с очередными. Вопросник на двух языках, русском и английском, был опубликован в посте на Facebook с просьбой передать ссылку на опрос своим знакомым, для которых русский является первым или наследственным языком. Опросный лист, созданный с помощью веб-орудия Google формы, содержал краткую информацию о цели исследования и защите личных данных (в случае, если анкетировемый согласен оставить адрес электронной почты или номер телефона для контакта и проведения интервью на дальнейших этапах исследования) и 25 вопросов, в основном закрытых, с ограниченным количеством ответов на выбор, и возможностью дать свой вне списка (уровень знания русского и английского языков с уче-

⁸ 14,6 тыс. семей, состоящих в среднем из 3 человек.

⁹ Русскоговорящая ATLANTA | Russian-Speaking ATLANTA <https://www.facebook.com/groups/164228395480420>; Privet Atlanta (Привет Атланта) <https://www.facebook.com/groups/8375091069>; Ukrainian and Russian Speakers In Atlanta GA <https://www.facebook.com/groups/1412313119085105> (03.06.2022).

том вида речевой деятельности, основные сферы употребления обоих языков, выбор «более сильного» языка, частотность участия в культурной жизни диаспоры респондентами и членами их семей, посещение детьми русской школы и ее тип, этнический состав семьи, возрастная группа, уровень образования), а также несколько открытых вопросов с короткими ответами (профессия, место жительства, регион происхождения в родной стране).

В исследовании приняли участие 64 человека. Примененный метод снежного кома не гарантирует объективного отражения свойств генеральной совокупности, которой в данном случае являются все русскоговорящие жители Джорджии, но в некоторой степени отражает характеристики членов группы Русскоговорящая ATLANTA | Russian-Speaking ATLANTA¹⁰, которые были наиболее вовлечены в исследование.

3. ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕСПОНДЕНТОВ

Основные социальные и демографические характеристики респондентов подтвердили предварительные положения касающиеся исследуемой нами общности. Этнические русские и выходцы из России были представлены наиболее широко, но доля представителей других национальностей, среди которых на первый план выходят украинцы и иммигранты из Украины, также высока. Итак, у 43 опрошенных оба родителя русские, что составляет 70%¹¹ от общего числа ответов на данный вопрос, в то время как доля русскоговорящих, чьи родители — украинцы, составляет 11,5%. Регион происхождения респондентов представлен ниже в таблице 1 (см. след. страница).

Наиболее представленными возрастными группами были люди в среднем возрасте: 40–49 лет (22 человека), второй — 30–39 лет (20), третьей — 50–59 лет (11), что в совокупности со-

¹⁰ Общее количество ок. 1 тыс. человек. См. Русскоговорящая ATLANTA | Russian-Speaking ATLANTA <https://www.facebook.com/groups/164228395480420> (01.08.2022).

¹¹ Из-за ограниченного количества участников пилотного этапа, а также нерепрезентативного характера выборки, процентная доля и статистические взаимосвязи приводятся лишь в качестве иллюстрации и относятся к самым четким причинно-следственным отношениям и сильнейшим корреляциям.

Таблица 1. Регион происхождения респондентов или их предков

	Регион происхождения	Количество
Россия	Москва	9
	Северо-Запад России	6
	Юго-Запад России	7
	Сибирь	4
	Среднеазиатские и околоуральские регионы России	7
	Другие регионы России или без определения региона	1
	<i>Россия — итого</i>	<i>34</i>
	Украина	15
	Беларусь	5
	другие страны	5
	без ответа	5
	итого	64

ставило 83% респондентов. Такое распределение вытекает из тематического профиля социальных групп для русскоговорящих жителей мегаполиса Атланты и окрестностей, в которых посты связаны с предложениями и поиском работы, неформальной рекламой услуг и непосредственной продажи (напр., бытовой техники и косметики), запросами относительно оформления юридических или административных вопросов (напр., присяжных переводов, виз, страхований) и другими вопросами, волнующими в первую очередь людей профессионально активных, несущих ответственность за обеспечение своих семей. Данная проблематика не вызывает особого интереса ни у более молодых людей (из группы 19–29 лет в опросе приняли участие 5 человек и ни один из группы до 18 лет), ни в самых старших группах — 60–69 лет (5) и старше 70 лет (1). Кроме того, доля пользователей Интернета в группе старше 65 лет примерно на 25% ниже, чем среди более молодых поколений¹², а функции аналогичные Facebook группам выполняют бесплатные ежемесячники «Сова. Журнал для тех, кто не спит» и «Русский город». Оба журнала содержат большое количество мелких объявлений и небольших реклам объемом до 1/4 страницы, полностраничные рекламы и статьи на различные темы: жизнь знаменитостей, истори-

¹² *Adult internet usage penetration in the United States from 2000 to 2021, by age group*, <https://www.statista.com/statistics/184389/adult-internet-users-in-the-us-by-age-since-2000/> (13.10.2022).

ческие диковинки, советы по здоровью и жизни, кулинарные рецепты, анекдоты, кроссворды и др. В рекламных текстах используются как русский, так и английский языки, но все статьи публикуются исключительно на русском, что позволяет полагать, что «Сова. Журнал для тех, кто не спит» и «Русский город» заменяют старшему поколению и всем слабо владеющим английским языком популярную прессу, хотя их читают также более молодые люди.

Сформированная таким образом возрастная структура выборки благоприятна для проведения исследования, поскольку повышает шансы получить ответы от родителей и узнать об их отношении к языку, которое воплощается в семейной языковой политике. Очередная характеристика респондентов — продолжительность пребывания — также дала ценную информацию, поскольку ок. 75% опрошенных находятся в США 4 и больше лет, что в подавляющем большинстве случаев подразумевает постоянную эмиграцию и предполагает внедрение стратегий по передаче языка меньшинства детям.

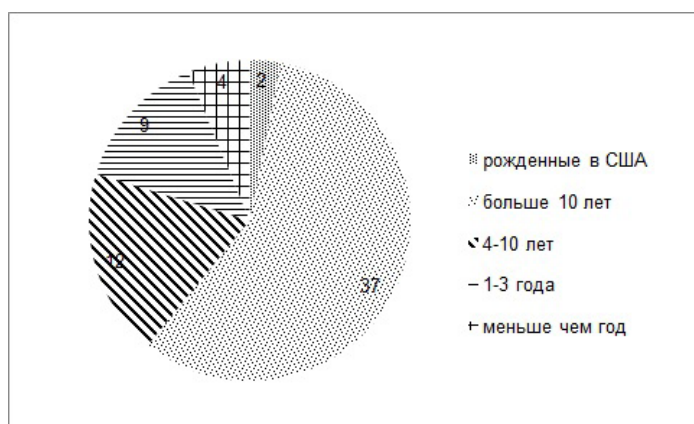

Диаграмма 1. Длительность пребывания респондентов в США

3. ХАРАКТЕР БИЛИНГВИЗМА И ДИГЛОССИИ. ОТНОШЕНИЕ К ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ МЕНЬШИНСТВА

Первые вопросы анкеты касались самооценки знания русского и английского как двух основных языков диаспоры. Респонденты отмечали на оси от 0 до 10 степень овладения каждым язы-

ком в зависимости от вида речевой деятельности: чтение, письмо, говорение и аудирование, где 0 — самая низкая степень, а 10 — самая высокая. Обычно пассивные навыки осваиваются быстрее и лучше, в то время как активные требуют более высокой степени владения языком. Таким образом, самооценка участников нашего исследования показала ожидаемые результаты, так как они определяли свои знания русского языка в чтении и аудировании в среднем на 0,8 балла выше компетенций в области письма и говорения, а в случае английского аналогично на 0,91 выше. В отношении русского языка наблюдалась также заметная разница между устными и письменными навыками, так как первые оценивались в среднем на 0,5 балла выше, чем письменные. В самооценке английского языка таких разниц не было, что можно объяснять различными функциями обоих языков: русский используется прежде всего в домашней сфере и присваивается в ходе неформального общения с близкими и друзьями, т.е. в устной форме, в то время как английскому респонденты учились в школе и используют его во всех сферах жизни в обеих формах — устной и письменной.

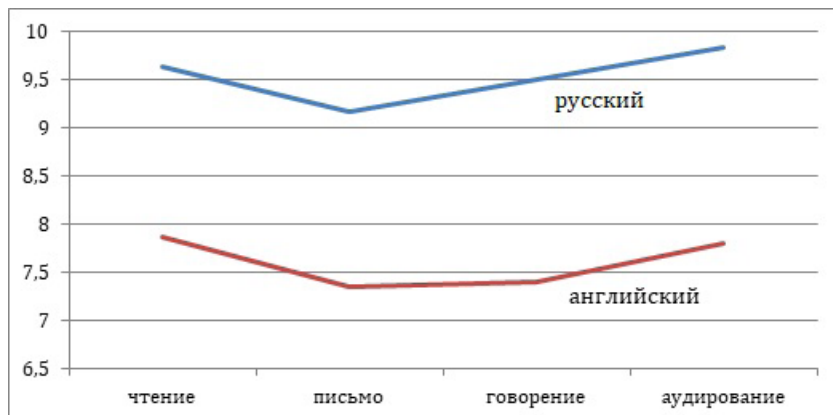

Диаграмма 2. Самооценка знания русского и английского языков в зависимости от вида речевой деятельности

Однако, несмотря на более равномерное присвоение устных и письменных навыков в области английского языка, респонденты оценивали его знание в среднем на 2 балла ниже, чем русского. Данный тренд подтвердился также в ответах, указывающих на язык, на котором опрошенные более свободно говорят:

русский выбрали 34 человека, а английский только 5. Остальные заметные группы говорят на обоих языках с одинаковой легкостью (13 человек) или их комфорт общения зависит от коммуникативной ситуации (9 человек), что указывает на связь их билингвизма с диглоссией.

Диаграмма 3. Самооценка комфортности использования русского и английского языков

По всей вероятности, вышеописанная языковая ситуация обусловлена несколькими факторами. Некоторые из них были установлены на основе качественных данных в виде комментариев в опросах и интервью, а другие очевидны в виде статистических тенденций, но, учитывая размер выборки и ее нерепрезентативный характер, к этим выводам следует относиться с осторожностью. Итак, представители некоторых профессий, напр., программисты, квалифицированные рабочие и ремесленники с ограниченным количеством контактов с клиентами, а также поставщики услуг, специализирующиеся на русскоязычных клиентах, напр., косметологи, массажисты, диетологи, имеют ограниченные потребности в развитии навыков английского языка и им достаточно знаний на среднем или базовом уровне. Относительно высокое стандартное отклонение населения в общей самооценке владения английским языком — 10,27 баллов (против 3,57 баллов для русского языка) — свидетельствует о широкой индивидуальной вариативности в этой области в зависимости от социальных факторов. Для выявления их полного диапазона нужны дальнейшие исследования, но уже на основа-

нии собранных до сих пор данных видна зависимость общего уровня самооценки знания английского языка от этнического состава семьи. Респонденты, у которых есть русские или русско-говорящие партнеры, хуже говорят по-английски. Их средняя сумма самооценки всех видов речевой активности составляет 24,65 балла, в то время как у опрошенных с нерусскоязычными партнерами этот коэффициент был более высоким: 35,29 балла. В случае владения русским языком этническая принадлежность партнера не имела значения (разница в 0,23 балла).

Уровень владения английским языком зависел также от продолжительности пребывания в Америке. Между этими величинами наблюдалась средняя положительная корреляция ($r=0,57$): чем больше лет респондент провел в США, тем выше он/она оценивал свою компетентность в английском языке, в то время как для русского языка обратной тенденции не наблюдалось¹³.

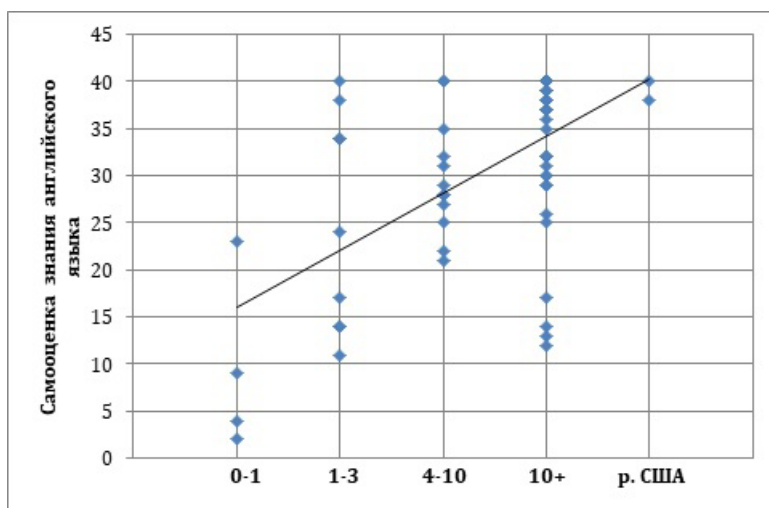

Диаграмма 4. Корреляция средней самооценки английского языка и времени, проведенного в США

Чуть более половины респондентов (34 человека) заявили о знании других языков — чаще всего еще двух кроме русского и английского. Характер многоязычия респондентов отражает их этническую принадлежность, образовательный опыт и влияние их нынешнего окружения в США. Наиболее популярным третьим

¹³ Отрицательная корреляция была очень слабой ($r=-0,13$).

языком (у 16 человек) был украинский, т.е. родной язык или язык страны происхождения части респондентов. Знание французского и немецкого (по 5 человек) связано с обучением этим языкам в советских и российских школах, а испанский (7 человек) является вторым языком американского Юга. Среди остальных языков — белорусский, итальянский, татарский, литовский и др. — выделяется иврит. Число респондентов, заявивших о его знании, невелико, и он не выполняет значимых коммуникативных функций, но является следом социально и исторически важной части эмиграции советского времени — евреев из Украины, Белоруссии, Прибалтики и европейской части России¹⁴.

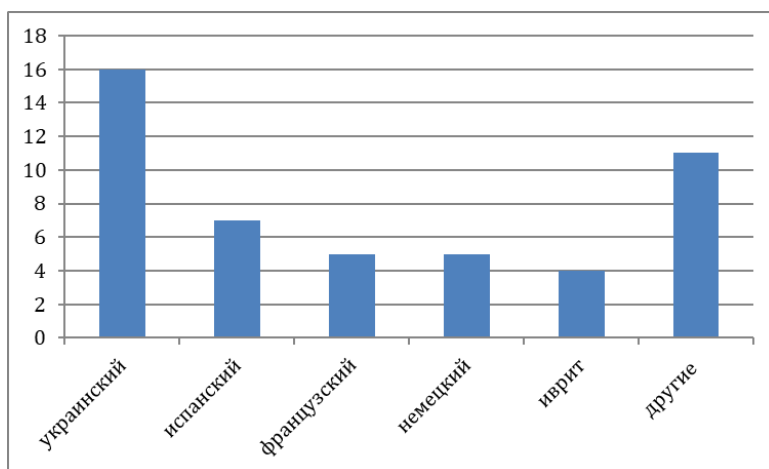

Диаграмма 5. Знание других языков

Самооценка знания языков, представленных на диаграмме выше, варьировалась, но не превышала уровня компетенции в основных языках нашего исследования — русском и английском. Этот факт был также связан с использованием определенных языков в различных сферах жизни. В данном исследовании было выделено 7 сфер, что соответствует классическим подходам в анализе социального распределения языков в условиях двуязычия¹⁵: дом (семья), работа, школа, общение с соседями,

¹⁴ M. Tolts, *Demography of the Contemporary Russian-Speaking Jewish Diaspora* // Z. Gitelman (ред.), *The New Jewish Diaspora. Russian-Speaking Immigrants in the United States, Israel, and Germany*, Rutgers University Press, New Brunswick–New Jersey–London 2016, с. 23.

¹⁵ U. Weinreich, *Languages in Contact. Findings and Problems*, Mouton, The Hague 1963, с. 87.

общение с друзьями, религия, культура. Ни в одной из них «другим» языкам не приписывалась заметная роль, что видно из диаграммы 6, показывающей процентную долю каждого языка во всех упомянутых сферах.

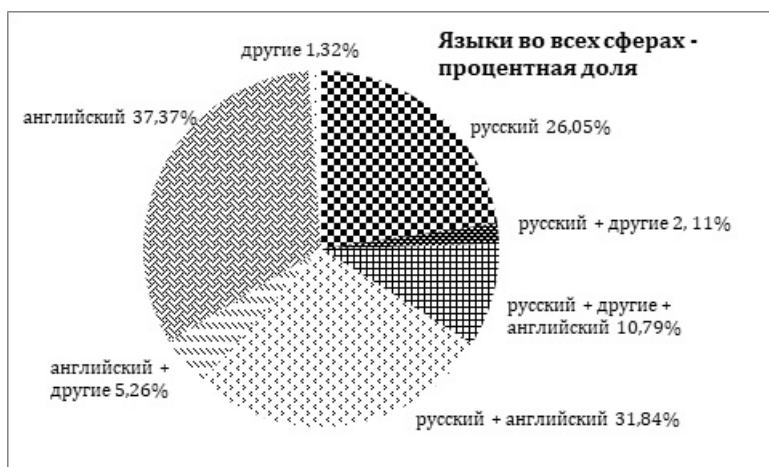

Диаграмма 6. Процентная доля указаний на русский, английский и другие языки во всех сферах жизни

Совокупность данных, в дополнение к относительно многочисленным признакам параллельного использования обоих основных языков, позволяет отметить общее функциональное преимущество английского (в конфигурации с другими языками — 42,63%) над русским (аналогично 28,16%). Однако в некоторых сферах русский язык используется чаще английского. Итак, в контактах с друзьями более половины опрошенных заявляют, что используют русский и английский языки или сочетают их с другим языком (всего 36 человек), 23 человека используют в этой сфере русский или русский и третий язык, и только 5 — английский или английский и третий язык, что может свидетельствовать о популярности русскоязычных социальных групп в диаспоре¹⁶. Сфера с еще более явным преобладанием русского языка — это дом, где выбирающих язык меньшинства было почти в пять раз больше (38 человек), чем предпочитающих вести семейные разговоры на английском (8

¹⁶ В качестве причины выбора нынешнего места жительства респонденты чаще всего указывали факт, что в данном районе живут родственники, друзья или другие представители русскоязычной диаспоры (всего 25 указаний).

респондентов). Решающим фактором, определяющим этот выбор, был этнический состав семьи. В семьях¹⁷, где оба супруга или партнера являются выходцами из русскоязычной общины, никто не заявил о выборе английского языка, и только четыре человека указали сочетание обоих языков. В смешанных же семьях наиболее распространенным выбором является сочетание русского и английского языков, а 6 семей используют только английский.

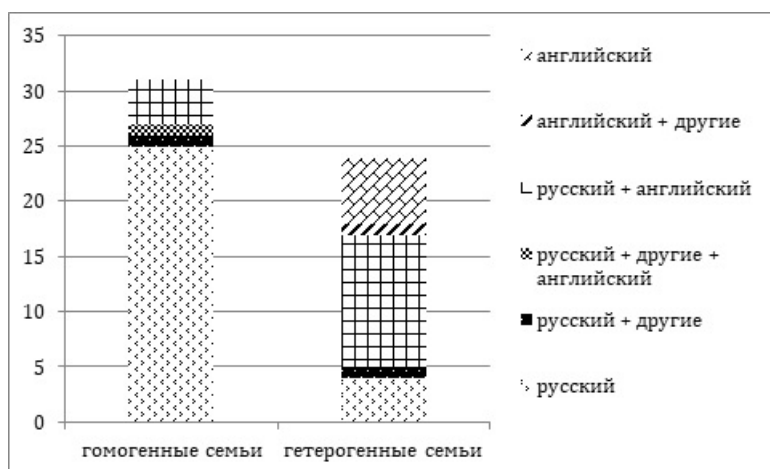

Диаграмма 7. Языки, употребляемые в домашней сфере, в зависимости от этнического состава семьи

Третьей сферой, в которой респонденты чаще указывали на использование русского, чем английского, была религия. Однако к ответам, относящимся к данной области, следует относиться с большей осторожностью, так как их дали менее половины опрошенных (30 человек), а преимущество русского языка было минимальным (11 : 9). Относительно невысокая социальная значимость этой сферы для представителей русскоязычной диаспоры является следствием общемировых секуляризационных тенденций и низкой вовлеченности русских и постсоветских эмигрантов в религиозную жизнь¹⁸.

В контексте изучения семейной языковой политики и межпоколенческой передачи языка меньшинства одним из важнейших вопросов была посещаемость детьми русских школ.

¹⁷ Без ответов от одиноких по выбору, разведенных, вдов и вдовцов.

¹⁸ L. Isurin, *Russian Diaspora...*, с. 142.

В различных районах мегаполиса Атланты существуют субботные и воскресные школы русского языка, предлагающие обучение русскому языку. В некоторых из них возможно обучение на русском языке по другим предметам, а также другие занятия с русскоязычными учителями: шахматы, искусство, театр или спорт. Несмотря на эти возможности, только девять респондентов сказали, что их дети ходят в субботные или воскресные школы, а один человек отправляет своих детей в российские спортивные секции. К тем, кто заинтересован в образовании на русском языке, можно также отнести респондентов, которые не отправляют своих детей в такие учебные заведения только из-за большого расстояния или их дети временно учились в русских школах (итого 7 человек). Тем не менее, среди людей, у которых есть дети, подавляющее большинство опрошенных не пользуются возможностью формального обучения русскому языку.

Таблица 2. Посещение детьми русской школы

Ответ на вопрос: посещают ли ваши дети русскую школу?	Количество ответов
Нет, не посещают.	37
Посещают воскресную или субботную школу	9
Нет русской школы в нашем районе	2
Другие ответы (дети уже взрослые; дети временно посещали русскую школу но отказались; принимают участие в других занятиях на русском языке, напр. спортивных)	6
Нет детей или без ответа	10

Приведенные в таблице 2 данные в сочетании с заметным преобладанием русского языка в бытовой сфере, означают, что респонденты предпочитают передавать язык меньшинства своим детям в ходе неформального общения с семьей и друзьями, что подтвердилось также в интервью, проведенных с избранными участниками опроса. В данном случае существенным фактором в очередной раз становится этнический состав семьи. Участие в образовании меньшинств касается почти исключительно детей из однородных русскоязычных семей. Респонденты, живу-

щие в гетерогенных семьях, только в трех случаях заявили о посещении их детьми русской школы ныне или в прошлом, или о невозможности подобного обучения из-за отсутствия русской школы в их районе.

Большая ориентация на унаследованный язык в этнически однородных семьях естественна, в то время как в случае смешанных семей в игру вступают многие социальные и индивидуальные факторы. Из комментариев и ответов в интервью следует, что при передаче русского языка своим детям они руководствуются в основном эмоциональными и символическими мотивами, рассматривая язык как носитель культуры и идентичности, а в практическом плане — как инструмент общения с родственниками и друзьями в стране происхождения, и лишь во вторую очередь — как инструмент для будущей работы. Поэтому важнее, чем овладение детьми языком в письменной форме и его нормативная правильность, являются коммуникативные навыки, которые они могут развить самостоятельно. Примеры изученных смешанных семей показывают, что даже схожие условия могут привести к разным результатам межпоколенной передачи языка меньшинства, обусловленные не только детерминацией русскоязычной матери или отца, но и этническим происхождением второго родителя. Если родным языком нерусскоязычного родителя является английский, шансы на успешное изучение русского детьми растут, поскольку в семье функционируют только два языка: официальный язык и язык меньшинства. В случае наличия третьего языка, если у второго родителя тоже есть иммигрантские корни и желание передать свой родной язык детям, происходит конкуренция между двумя языками меньшинства за роль второго языка (после английского). К сожалению, из-за небольшого размера выборки на пилотном этапе исследования, таких случаев было слишком мало, чтобы говорить о закономерностях, и поэтому вышеизложенные предположения следует рассматривать в первую очередь как гипотезы при продолжении проекта.

Размер выборки и ее нерепрезентативный характер затрудняют интерпретацию многих явлений, в том числе степени культурного участия в диаспоре респондентов, их детей и их супругов или партнеров. Распределение ответов по шкале от 0 до 10, где 0 означает отсутствие участия, а 10 — очень частое участие, очень широкое (популяционное стандартное отклонение

колеблется от 3,14 баллов до 3,48). В случае самих опрошенных почти половина заявляла о редком участии в русскоязычных мероприятиях (ответы 1–3 на оси 0–10; медиана $M=3$), а у их супругов/партнеров и детей наиболее частотными были указания на отсутствие участия (в обоих случаях медиана $M=2$).

С осторожностью следует также отнестись к средней положительной корреляции ($r=0,31$) уровня образования и самооценки компетенции в области английского языка. Хотя эту взаимосвязь можно считать ожидаемой и относительно четкой, из-за характера выборки она нуждается в проверке на следующих этапах исследования.

Данные относительно уровня образования респондентов заслуживают особого внимания.

Диаграмма 8. Уровень образования респондентов

У 95% участников исследования высшее образование — дипломы бакалавров, магистров, послевузовского (специального) образования или кандидата наук. Это очень высокие показатели по сравнению со средним национальным уровнем и данными Бюро переписи населения США, согласно которым люди, приехавшие в США в 21 веке (47,4%), имели высшее образование чаще, чем местные жители (ок. 36%) и иммигранты 20 века (ок. 31%)¹⁹. Хотя многие иммигранты изначально занимают рабочие

¹⁹ U.S. Census Bureau Releases New Educational Attainment Data, 2020, <https://www.census.gov/newsroom/press-releases/2020/educational-attainment.html> (06.09.2022).

места ниже своей квалификации, данные относительно профессии показывают, что карьера большинства наших респондентов соответствует их образованию. Среди тех, кто дал ответ на этот вопрос, абсолютно преобладают специалисты в различных отраслях, но общую картину затемняет большое количество неответивших (24 человека), что может быть связано с нежеланием заявлять о малопрестижных профессиях, напр., неквалифицированном труде.

4. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Хотя Джорджия долгое время не была популярным направлением славянской миграции и все еще уступает северным штатам, русская и другие диаспоры продолжают расти. Расселение по всей территории мегаполиса Атланта приводит к отсутствию этнических кварталов, существующих в Чикаго или Нью-Йорке, и ускоряет процессы ассимиляции, но даже в поколениях, родившихся уже в Америке, по-прежнему говорят на русском языке. Текущее отношение к языку и эффективность семейной языковой политики определяют, будет ли продолжаться передача языка меньшинства из поколения в поколение. Высокий уровень образования русскоязычных иммигрантов в Джорджии связан с большей культурной осведомленностью, а их высокооплачиваемая работа способствует реализации дорогостоящих, но эффективных методов обучения детей унаследованному языку, таких как поездки в отпуск на родину.

Обнаруженные на первом этапе исследования закономерности, связанные с влиянием срока пребывания в Америке на языковую компетенцию, этнического состава семьи на язык общения в домашней сфере и посещаемость детьми русской школы, а также уровня образования и самооценки знания английского языка нуждаются в верификации. Однако первые из перечисленных настолько сильны, что можно ожидать, что изменения будут касаться не самих корреляций, а их степени. В случае зависимости уровня образования и компетенции в области английского языка подтверждению будет подвергаться также сам факт причинно-следственных отношений. Независимо от данных сомнений, респонденты сознательно относятся к русскому языку

как родному или унаследованному, и стараются формировать двуязычные компетенции у своих детей.

Статья представляет результаты проекта „Славяне в Джорджии (США) — стратегии кратко- и долгосрочной семейной языковой политики в диаспоре”, финансируемого Национальным агентством академического обмена Республики Польша (NAWA) в рамках стипендии им. Бэккэра BPN/BEK/2021/1/00241 (стажировка в Университете Джорджии в Афинах).

Автор хочет выразить благодарность принявшим участие в исследовании респондентам — членам русскоязычных групп штата Джорджия на Фейсбуке, а также научным сотрудникам и студентам Университета Джорджии в Афинах.

REFERENCES

- Isurin, Ludmila. *Russian Diaspora. Culture, Identity, and Language Change*. New York: De Gruyter Mouton, 2011.
- Proshina, Zoya G., Eddy, Anna A. *Russian English. History, Functions, and Features*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- Tolts, Mark. “Demography of the Contemporary Russian-Speaking Jewish Diaspora.” Gitelman, Zvi (ed.). *The New Jewish Diaspora. Russian-Speaking Immigrants in the United States, Israel, and Germany*. New Brunswick–New Jersey–London: Rutgers University Press, 2016: 23–40.
- Weinreich, Uriel. *Languages in Contact. Findings and Problems*. The Hague: Mouton, 1963.
- Zemskaya, Yelena A., Glovinskaya, Marina Ya., and Bobrik, Marina A. *Yazyk russkogo zarubezh'ya: Obshchiye protsessy i rechevyye portrety* (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 53). Vena: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001 [Земская, Елена А., Гловинская, Марина Я., and Бобрик, Марина А. *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты* (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 53). Вена: Языки славянской культуры, 2001].

SOURCES

- Adult internet usage penetration in the United States from 2000 to 2021, by age group <<https://www.statista.com/statistics/184389/adult-internet-users-in-the-us-by-age-since-2000/>>.
- Atlanta Metro Area Population 1950–2022. <<https://www.macrotrends.net/cities/22922/atlanta/population>>.
- Data USA: Georgia and United States. <<https://datausa.io/profile/geo/georgia?-compare=united-states>>.
- Privet Atlanta (Privet Atlanta) [Privet Atlanta (Привет Атланта)] <<https://www.facebook.com/groups/8375091069>>.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ДЖОРДЖИИ...

“Russkiy gorod” — monthly journal [«Русский город» — ежемесячный журнал]. Russkogovoryashchaya ATLANTA | Russian-Speaking ATLANTA [Русскоговорящая ATLANTA | Russian-Speaking ATLANTA] <<https://www.facebook.com/groups/164228395480420>>.

“Sova. Zhurnal dlya tekhn, kto ne spit” — monthly journal [«Сова. Журнал для тех, кто не спит» — ежемесячный журнал].

Ukrainian and Russian Speakers In Atlanta GA <<https://www.facebook.com/groups/1412313119085105>>.

United States Census Bureau: People reporting ancestry (Georgia). <<https://data.census.gov/cedsci/table?q=ACSDT5Y2016.B04006&g=0400000US13&tid=ACSDT1Y2019.B04006&hidePreview=true>>.

United States Census Bureau: People reporting ancestry (US). <<https://data.census.gov/cedsci/table?tid=ACSDT1Y2019.B04006&q=ACSDT5Y2016.B04006>>.

U.S. Census Bureau Releases New Educational Attainment Data, 2020, <<https://www.census.gov/newsroom/press-releases/2020/educational-attainment.html>>.

TETYANA KOSMEDA (ТАТЬЯНА КОСМЕДА)

 <https://orcid.org/0000-0001-8912-2888>

Донецкий национальный университет имени Василя Стуса

ДИНАМИКА ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ТЕНДЕНЦИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ

DYNAMICS OF RUSSIAN VOCABULARY: TRENDS IN MODELLING EVALUATIVE SEMANTICS

The article analyzes the trends in the development of the vocabulary of the Russian language at the beginning of the 21st century, reflected in the dictionary of neologisms, which illustrates the changes in the axiological linguistic picture of the world of Russians. In particular, we trace an intensive rethinking of the meanings of words that contain political ideologems or mythologems, an expansion of the fund of words and meanings with evaluative semantics due to global processes of jargonization, criminalization, vulgarization, falsification (verbalization of untruth), feminization, intensification of a sign or action, verbalization of non-verbals, the actualization of precedence and creativity (active modelling of the language game).

Keywords: axiological language picture of the world, lexico-semantic processes, neologization, evaluative vocabulary and semantics, development trends

ВВЕДЕНИЕ

Аксиологическая языковая картина мира — составная часть концептуальной и языковой картин мира, моделируемая на основании совокупности взаимосвязанных оценочных суждений, традиционно соотносящихся с идеологическими политическими, юридическими, религиозными, морально-этическими суждениями и соответствующими кодами. Коммуникативный процесс пронизан вербализацией оценочных суждений. Оценочный дискурс является политональным, многожанровым, манипулятивным, критическим, интеллектуально- и аффективно-оценочным, ибо в коммуникации выражаются разные виды оценок, чувств и эмоций, которые могут быть как объективными, так и субъективными.

Оценку рассматриваем (1) как аспект семантики речевых высказываний, отражение в языковых структурах особенностей членения носителями языка объективного мира по его ценностным параметрам — добро или зло, польза или вред, положительное или отрицательное и др.; (2) суждение носителей языка, их отношение к действительности — одобрение либо неодобрение, поощрение либо порицание и под. — как составные стилистической коннотации, репрезентирующие соответствующий колорит: стилистическую окраску (тональность, регистр) высказывания, текста, дискурса, мотивированную соответствующим субъективно-оценочным восприятием мира, нацеленную на потребность вызывать у носителей языка, воспринимающих высказывание, текст, дискурс, определенные чувства, эмоции и даже настроение¹.

В конце XX и в начале XXI века россияне оказались в особенной общественно-политической ситуации: их общественное сознание подверглось мощному влиянию пропутинской агрессивной пропаганды, в соответствии с которой Россия рассматривается как сверхдержава, российский народ — особенная нация. Нравственность, мораль, симпатии и антипатии россиян, их оценочные суждения своеобразно зафиксировались в лексико-семантической системе русского языка, в процессе неологизации и лексикализировались в толковых словарях.

«Переход от статики к динамике» исследователи называют одним из важнейших результатов развития языкознания XX — нач. XXI вв.² В данном разыскании попытаемся проследить тенденции моделирования оценочной семантики русского языка. Исследовательским материалом послужил словарь-справочник по материалам прессы и литературы *Новые слова и значения* (2009–2010), ответственным редактором которого является Татьяна Буцева³. Новизна разыскания состоит в том, что впервые на материале анализа лексико-семантического ин-

¹ См.: Т. Космеда, *Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки*, Вид-во ЛНУ імені Івана Франка, Львів 2000.

² См.: В. М. Алпатов, *Предварительные итоги лингвистики XX века*, «Вестник Московского университета» 1995, № 5, с. 83.

³ *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы в 3 томах*, Т. Н. Буцева (ред.), сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гонабоблева, Ин-т лингвистических исследований РАН, Изд-во Дмитрий Буланин, Санкт-Петербург 2009–2010, т. 1.

новационного процесса русского языка начала XXI очерчены тенденции его развития в ракурсе особенностей формирования оценочной семантики. К основным исследовательским методам относим следующие: *аксиологический* метод для актуализации ценностных ориентаций с целью определения специфики выражения категории оценочности. Для реконструкции авторских интенций и рефлексий относительно анализа и классификации собранного материала применен *описательный* метод, а также методы *индукции* (для получения общих выводов) и *дедукции* (для формулирования тенденций), *анализа* и *синтеза* (для теоретических обобщений и систематизации фактического материала), метод *отбора лексического материала* для формирования исследовательской базы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Актуальными для этого исследования являются глубокие мысли Льва Выготского о том, что

[...] сознание отражает себя в слове, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания⁴.

Это значит, что одни и те же предметы, объекты, явления, факты, события кодируются языковым сознанием определенного этноса, определенного социума в соответствии с выработанными в данном обществе представлениями и оценками.

Моделирование оценочных слов, значений и смыслов, зафиксированных в словарной практике, демонстрирует тенденции развития языкового сознания россиян, что и попытаемся представить в виде доминирующих тенденций.

I. Интенсивное переосмысление значений слов, заключающих в себе ***политические идиологемы либо мифологемы***, среди которых находятся и политические термины, способные отражать амбивалентность оценки, и так называемые советизмы, меняющие свое первоначально положительное оце-

⁴ Л. С. Выготский, *Мышление и речь* // того же, *Собр. соч. в 6 томах*, ред. В. В. Давыдова, Педагогика, Москва т. 2. 1982, с. 361.

ночное значение на противоположное, и большое количество их словообразовательных и семантических производных. Ср.: *капээсэсовский* (неодобр.) — выражает систему таких смыслов: (1) 'относящийся к КПСС, ее членам'; (2) 'состоящий из них'; (3) 'характерный для них'; (4) 'разделяющий идеологию КПСС, отстаивающий и пропагандирующий ее' — *КПСС (имя собств.) [капээсэс] + -овск(ий)* [НСЗ, т. 1: 734]), *капээсэсовец*. Как видим, на пейоративность значения приведенных лексем влияет и внешнее сходство слов с фашистскими терминами *эсэс, эсэсовец*. Ср. также: *комидеология* (неодобр.) — 'идеология коммунизма', *комвождь* (неодобр.) — 'о видном деятеле коммунистического движения, вожде коммунистической партии, вожаке комсомольской организации' — сокращение сочетания слов, а также *комлагерь, комлидер* и под. Образование сложносокращенных слов от лексем, называющих «высокие понятия», также свидетельствует об изменении вектора оценки, привнесение коннотемы пренебрежительности.

Приведем еще примеры переосмысления оценочных значений советизмов: *большевизм* (неодобр.) — 'об идеологии и политике современных левых в России, отличающихся крайним радикализмом', образованное от *большевизм* в знач. 'возникшее в начале XX в. в России революционное, марксистское течение, получившее свое воплощение в партии большевиков, созданной В. Лениным') [НСЗ, т. 1: 209]; *буржуазно-большевистский* — 'сочетающий черты буржуазности и большевизма' (неодобр.) — *буржуазный + о + большевистский* [НСЗ, т. 1: 240]); *капиталистическо-социалистический* (неодобр.) — 'относящийся к капиталистическому и социалистическому общественным укладам, к их особенностям' — *капиталистический (к'>к) + о + социалистический*. *Некая каша из капиталистическо-социалистических идей вообще свойственна для России* [НСЗ, т. 1: 731]); *капиталисты-коммунисты* (ирон.) — 'коммунисты, воспринявшие идеи, особенности капитализма в своих воззрениях и практической деятельности' — *сложение слов* [НСЗ, т. 1: 731]). Наблюдаем идеологическую гибридизацию, а также формирование определенных словообразовательно-семантических моделей с набором соответствующих стержневых компонентов.

Примером может послужить образование системы слов, первой частью которых является компонент *демо* (сокращение слова *демократический*) со значением 'относящийся к демократам' —

актуализируется положительная оценочность. Однако характер оценки меняется в новообразованиях: *демобольшеви́стский* (презрит.) — ‘демократический по названию, но большеви́стский по сути’, *демокоммунисты* (неодобр.) — ‘представители демократического крыла коммунистической партии’, а также *демобесы* (презрит.) — ‘демократы в речи их политических противников’, *демобесовский* (презрит.) — ‘относящийся к демобесам; исходящий от них’, *демокрады* и *дерьмократы* от *дерьмо* + *демократы* (разг.-сниж., уничижит. и бранно) — ‘о продажных, коррупционных представителях демократической власти, современных псевдодемократах’, а также *дерьмократия* (‘о демократии в современной России — в языке противников нынешних демократов’) и *дерьмократический* — ‘осуществляемый дерьмократами’. Актуализируется контаминация: *демократ* + *казнокрад* = *демокрад*; в слове *демократия* происходит замена компонента *демо* на *демон* = *демонократия* — ‘о демократии как источнике и виновнице зла в современном обществе’, производное от него *демонократический* — ‘принадлежащий, свойственный демонократии; поддерживающий ее’. Имеет место и сложение слов *демократия* + *демонократия* = *демократия-демонократия*. Путем контаминации образуются синонимы, ср.: *демократура* (*демократия* + *диктатура*) и *демноменклатура* (*демократия* + *номенклатура*) [НСЗ, т. 2: 476–490]. При соединении идеологически противоположных понятий, очевидно, создаются иронические эвфемизмы: *демомутанты* — ‘о демократах, меняющих свои взгляды, убеждения в зависимости от обстоятельств’ — *демо... относящ. к демократам* + *мутанты* + *перен. знач.*); *демофашисты* — ‘о тех, кто под видом демократии прибегает к насилию, национализму’, производное от *демофашизм* — ‘о демократии с элементами насилия, национализма’.

Другой пример модели со стержневым словом *коллективный* представляет коннотацию неодобрительности, что проявляется при соответствующей сочетаемости, — синтагматическая модель: *коллективный* + *имя собств. политика*, например: *коллективный Ельцин* — ‘об олигархе Б.А. Березовском’; ‘об А.Б. Чубайсе’; ‘об А.Б. Чубайсе и В.С. Черномырдине’; ‘об избирательном центристском блоке «Отечество — вся Россия» (1999–2001 гг.)’; *коллективный Горбачев* — ‘о членах правительства СССР во времена пребывания М.С. Горбачева у власти’;

коллективный Сталин — ‘коллективный в духе Сталина’; *коллективный Троцкий* — ‘о российских радикальных либералах; силах, стремящихся к осуществлению идей Л. Троцкого относительно перманентной революции [НСЗ, т. 2: 113].

Естественно, появляются оценочные слова, связанные с современными политическими процессами, идеологией, напр.: *авторитарно-олигархический* — (1) ‘основанный на неограниченной власти узкого круга избранных людей’ — *авторитарный* + *о* + *олигархический*; (2) ‘являющийся сторонником такой власти’ — *от авторитарно-олигархический* в 1-м знач. [НСЗ, т. 1: 34]; *административно-силовой* (неодобр.) — (1) ‘выполняющий функции административного воздействия, давления вплоть до применения силы (обычно о вышестоящих инстанциях, силовых ведомствах и т. п.)’; (2) ‘основанный на предписаниях сверху, злоупотреблении властью, давлении’ — *административный* + *о* + *силовой* [НСЗ, т. 1: 41]. Прослеживаем моделирование значений с актуализацией абстрактных значений, ср.: *абсурдистан* (неодобр.) — (1) ‘о современной России как стране абсурда: противоречащих логике и здравому смыслу мнениях, действиях и их последствиях, нелепых, непредсказуемых ситуациях’. Модель: от *абсурд* + *Таджикистан, Афганистан* и др. (имя собств.), с переходом в разряд имен нариц.; (2) ‘о стране (обычно о бывшей советской республике) с таким же положением дел’ [НСЗ, т. 1: 24]. Модель *антиизмы* (неодобр.) — ‘о политических течениях противоположной идеологии, возникающих в противовес уже существующим’ — *анти-* (противоположный) + *измы* [НСЗ, т. 1: 71]. Эту же функцию выполняет и суффикс *-изациj(a)*. Ср.: *афганизация* — (1) ‘уподобление событий где-л. экономической и политической ситуации в Афганистане сер. XX в., характеризующейся распадом страны и государственности, неспособностью власти управлять страной, военными и этническими конфликтами’; (2) ‘этнополитическая дестабилизация какого-л. региона по образцу Афганистана’ — *Афганистан* (имя собств.) + *-изациj(a)* [НСЗ, т. 1: 116]. Можно продолжить формирование системы подобных моделей, что указывает на отрицательное отношение к определенным странам и политике этих стран.

II. Расширение фонда слов с оценочной семантикой за счет глобального процесса *жаргонизации* русского литературного языка, что проявляется в значительном *пополнении оценочной лексики заимствованиями из разных видов жаргонного дис-*

курса:

(1) **из молодежного жаргона.** Здесь прослеживаем расширение значений уже существующих лексем за счет функциональной нагрузки, выполнения определенных синтаксических функций, а также частеречной трансформации, напр.: *абзац (полный абзац)* — (а) в значении сказуемого ‘наступает смерть, крах кого-л.’; (б) ‘окончательный конец, крах чего-л.’; (в) в знач. междометия ‘выражение полной безнадежности в отношении физического состояния, умственных способностей кого-л.’ (г) в значении междометия ‘выражение восхищения кем-, чем-л.’; ‘о ситуации, событии и т. п., вызывающих возмущение, негодование’ [НСЗ, т. 1: 23]. Данная лексема иллюстрирует хамелеоновское свойство, ибо изменяется ее грамматический статус: она выполняет функции и предикатива, и существительного, и междометия. Она пополняет состав (а) квалификативно-обобщающих слов-оценок либо (б) оценочных слов одновременно. Кроме этого, актуализируется оценочная бинарность: отрицательное и положительное значения актуализируются поочередно. Активно пополняется состав оценочной лексики номинациями агентивных имен и производных от них, ср.: *боец* — ‘член хулиганствующей, военизированной молодежной группировки’ [НСЗ, т. 1: 206]; *ботан* (пренебр.) — то же, что ботаник; *ботаник* (презрит.) — ‘прилежный, примерный учащийся, сосредоточенный исключительно на учебе; отличник, зубрила’, а также *ботать, ботанеть* (неодобр.) — ‘слишком старательно (по мнению лодырей) учиться, зубрить’ [НСЗ, т. 1: 219]; *гонники, гопота* — ‘агрессивно настроенные подростки — члены неформальной молодежной группировки’ — от *гонники* в значении ‘опустившиеся люди, босяки’. Производные *гонницкий, гонничество* также вербализуют негативную оценку [НСЗ, т. 1: 406];

(2) **из жаргона наркоманов:** *глюки, галюны* (неодобр.) — ‘галлюцинации’ [НСЗ, т. 1: 369]; *всухую* (нареч.) — ‘без инъекции наркотика’ — от *всухую* в значении ‘не запивая или не выпивая’ [НСЗ, т. 1: 303]; *вторяк* — ‘разновидность наркотика — повторно заваренная маковая соломка’ — *второй* + *-як* [НСЗ, т. 1: 348]; *грязнуха* — ‘недоброкачественный наркотик кустарного изготовления’ — *грязный наркотик* + *-ух (а)* [НСЗ, т. 1: 441]; *догоняться* — ‘усиливать (усилить), продлевать (продлить) состояние эйфории, опьянения наркотическим средством, алкогольным напитком’ — *до-* + *гонять, гнать* + *-ся* + *перен.* [НСЗ,

т. 1: 525]; *заторчать* — (1) ‘испытать состояние наркотической эйфории, алкогольного опьянения’ — *за-* + *торчать*; (2) от кого, чего. ‘прийти в неистовый восторг, получить удовольствие от кого-, чего-л.’; (3) на ком, чем. ‘сильно увлечься кем-, чем-л.’; (4) на ком. ‘влюбиться в кого-л.’ — от *за-* + *торчать* (‘быть влюбленным, испытывать состояние влюбленности’, жарг.) [НСЗ, т. 1: 601];

(3) **из жаргона алкоголиков:** *бухло* (собр.) — ‘спиртные напитки’ — *бухать* (*выпивать*, жарг.) + *-л(о)*. [НСЗ, т. 1: 243]; *дринькать* — ‘пить (чаще спиртное)’; *выпивать* (жарг.) — *англ. drink (пить) + -а (ть)* [НСЗ, т. 1: 544];

(4) **из жаргона сексуального меньшинства:** *активист* — ‘активный гомосексуалист’ — *активный гомосексуалист* + *-ист* [НСЗ, т. 1: 46]. Отметим, что новая сочетаемость слов, в частности и обобщающе-квалификативного оценочного слова *кайф*, позволяет входить этой лексеме в разные жаргонные подсистемы, ср.: *белый кайф* — ‘героин’; *бычий кайф* — ‘водка’ [НСЗ, т. 1: 715].

III. Расширение фонда слов с оценочной семантикой за счет глобального процесса **криминализации** русского языка⁵. Данная лексика имеет сниженную стилистическую окраску, отличается высокой степенью пейоративности, выраженной отрицательной оценочностью. Большой пласт такой лексики составляют заимствования:

(а) **из арго**, ср.: синонимический ряд слов для номинации *Комитета государственной безопасности и его сотрудников* с оттенком презрения (разговорно-сниженная тональность): *гэбня* (*гебня*), *гэбуха* (*гебуха*), *гэбульник* (*гебульник*), *гэбэшник* (*гебешник*) — *КГБ* (имя собств.) [*ка-гэ-бэ.*, *ка-ге-бе*] + *-н* (*я*) [НСЗ, т. 1: 450]; *бизнес-мент* и *бизнесмент* (разг., презрит.) — ‘о милиционере, втянутом в криминальный бизнес, берущем взятки’ — *бизнес...* (*относящ. к бизнесу*) + *мент* (*милиционер, жарг.*); *контаминация*: *бизнесмен* + *мент* (*жарг.*) [НСЗ, т. 1: 174]; *автор* — ‘глава преступной группировки’; *авторитет* от

⁵ См. об этом: Е. Зубков, *Русский уголовный дискурс. Книга первая. Уголовный дискурс как феномен усложненной семиотической деятельности*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2019; Е. Зубков, *Русский уголовный дискурс. Книга вторая. Парадигматика русского уголовного дискурса и анализ российского уголовного антропогенного ландшафта*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2019.

авторитет (жарг.) [НСЗ, т. 1: 33]; *бык* — (1) ‘в иерархии уголовного мира — низшее звено, состоящее из исполнителей (телохранителей, вымогателей, участников разборок и т. п.)’; (2) (разг. проф.) ‘брокеры, играющие на повышение акций; противоп. *медведи*’; (калька *англ. bull* — ‘спекулянт, продающий ценные бумаги, рассчитывая на повышение их курса’) [НСЗ, т. 1: 243];

(б) **из профессиональной речи юристов**, ср.: выражение *отмывание денег* приобрело статус юридического термина — ‘о нарушениях закона в связи с финансовыми махинациями’; *висяк*, *висячка*, *глухое дело*, *глухарь* (разг. проф.). — ‘нераскрытое преступление’ — от *висячее дело*, *преступление* (с включением знач. слов ‘дело, преступление’); *висячий* (*висячее дело*) — ‘незавершенный, нераскрытый (об уголовном деле)’ [НСЗ, т. 1: 313];

(в) образуются новые оценочные слова и **для наименования явлений, связанных с криминалом**, ср.: *антисистема* — ‘системная целостность людей с негативным мироощущением, общим мировоззрением, способствующая сокращению жизни этноса (проф.). — *анти-* (*направленный против*) + *система* — термин Л. Гумилева (1912–1992), актуализированный в современном литературном языке [НСЗ, т. 1: 87]; *ворократия* — (1) ‘политический режим, при котором правящая верхушка незаконно присваивает себе государственные средства, общественную собственность, распродает народное достояние в целях собственного обогащения’ — *воры* + *о* + ... *кратия* (*власть кого-л.*); (2) собир. ‘о такой правящей верхушке’; *ворократ* ‘представитель ворократии.’ [НСЗ, т. 1: 339–340]; *бандитизация* — ‘распространение бандитизма’. *Бандитизм*, *бандиты* + *-изациj(a)* [НСЗ, т. 1: 128]; *бандюган*, *бандюганский* (неодобр.) — ‘относящийся к бандюганам’; ‘посвященный теме бандитизма’ [НСЗ, т. 1: 129].

IV. Образование новых слов за счет **феминизации**. Исследователи феминизма считают, что «его идеологические, политические, правовые и прочие компоненты переопределяют и во многом задают реальность»⁶. **Новые номинации женщин в современном русском литературном языке репрезентируют сниженную тональность и неодобрительную коннотацию.** Ср.: *авторица* (разг., ирон.) — ‘женщина — ав-

⁶ А. В. Кирилина, *Гендер: лингвистические аспекты*, Институт социологии РАН, Москва 1999, с. 44.

тор литературного произведения' — *автор* + *-иц(а)* [НСЗ, т. 1: 35]; *бизнес-вумениша* (разг.-сниж., часто ирон.) — то же, что *бизнес-вумен*, *бизнесменка*, *бизнесмениша*, *бизнес-дама*, *женщина-предприниматель*, *женщина-предпринимательница* [НСЗ, т. 1: 164]; *демократесса* (ирон.) — 'женщина — представительница демократических кругов' — *демократ* + *-есс(а)* [НСЗ, т. 1: 479]; *политесса*, *политикесса* (ирон.) — 'женщина политик' — *политик* — + *-есс(а)* [НСЗ, т. 3: 232]; *членка* (разг., шутл.-ирон.) — 'женщина — член какой-л. организации, какого-л. сообщества' — *член (участник какого-л. объединения)* + *-к(а)* [НСЗ, т. 3: 1296] и др.

Слова, связанные с занятием проституцией, также расширяют свой синонимический ряд, ср.: *давалка* (разг.-сниж., презрит.) — (1) 'женщина, не отказывающая мужчинам в половой близости в силу своей бесхарактерности, повышенной сексуальности'; (2) 'проститутка' — *давать* (вступать в половые отношения /о женщине/) + *-лк(а)* [НСЗ, т. 1: 452]; эвфемизм *труженица ложа*, *девочка*, *девушка* (разг., неод.) [НСЗ, т. 1: 468], а также *девушка*, *девочка*, *дама по вызову* (по телефону); *плечевая*; *плечовка* — от сочет. слов *плечевая проститутка* + *субстантивация* с включением значения существительного [НСЗ, т. 3: 187]. В воровском жаргоне проститутка определяется пренебрежительно, как *мара*, *раскладушка*, *соска* [НСЗ, т. 3: 955–956]. Пополняется данный синонимический ряд и заимствованиями из английского языка, ср.: *колл-герл* (*кол-герл*) — 'проститутка, работающая по вызову' — *англ. call girl* [НСЗ, т. 2: 107]; *секс-дива* — 'женщина, работающая в службе виртуального секса' — *англ. sex diva* [НСЗ, т. 3: 722].

V. Прослеживается активная **вульгаризация**: образование лексем по аналогии с нецензурными, бранными словами. Напр.: *коммуниздить* (вульг., неодобр.) — (1) кого. 'бить, избивать'; (2) 'воровать' [НСЗ, т. 2: 145]; *съездюк* — 'депутат' [НСЗ, т. 1: 492]; *выеживаться* (разг.-сниж., неодобр.) — 'стремиться быть непохожим на других, выделяться чем-л., оригинальничать'; *выделываться*, *выкобениваться*, *выдрючиваться* (разг.-сниж., неодобр.) — *вы-* + *ёжиться* + *-ва(ть)ся* + *перен.* [НСЗ, т. 1: 352]; *звездун* (разг.-сниж., неодобр.) — 'о популярном эстрадном певце, актере' (разг.-сниж., пренебр. или ирон.). — *звезда (знаменитость)* + *-ун*. То же самое *звездунья*, *звездулкa* — 'о популярной эстрадной певице, актрисе' [НСЗ, т. 1: 635]. Данные единицы

являются эвфемизмами инвективов — стилистически сниженной, вульгарной лексики с коннотацией презрения, бранности.

VI. Расширяется состав лексики «языка ненависти», связанный с идеологией ксенофобии — резким невосприятием лиц или национальных лингвокультурных сообществ чужой культуры, языка, поведения, манеры общения и под. На уровне государственной политики может проявляться дискриминация по национально-культурным признакам. В этом случае прослеживаем образование слов с выраженной коннотацией презрения. Имеют место пейоративные названия лиц по национальности, напр.: *азик*, *айзер* — от *азербайджанец* [НСЗ, т. 1: 41]; *америкосы* — от *американцы* [НСЗ, т. 1: 56]; *западэнец* (неодобр.) — ‘житель Западной Украины’ [НСЗ, т. 1: 340]; образования, касающиеся разных народов в совокупности, ср.: *баранизация* (неодобр.) — ‘превращение в тупую, послушную, легко управляемую массу (о народе, народах)’ — *баран* (‘о тупом человеке’, перен., разг.) + *-изација* [НСЗ, т. 1: 134]. Для выражения негативного отношения к определенным понятиям активно употребляется приставка *-анти*, ср.: *антигрузинский* — (1) ‘характеризующийся враждебным отношением к Грузии, проводимой ею политике (часто по отношению к Абхазии, абхазцам), грузинам’; (2) ‘направленный против Грузии, ее попыток присоединения к себе Абхазии’; (3) ‘настроенный, выступающий, действующий против Грузии, проводимой ею политики, грузин’; (4) ‘содержащий критику действий Грузии, ее правительства, проводимой им политики’ [НСЗ, т. 1: 68]; *антиевропейский* — ‘связанный с негативным отношением к созданию Европейского Союза, отказом от вступления в него’ — *анти-* (*направленный против*) + *Европейский Союз* [НСЗ, т. 1: 70]; *антиукраинский* — (1) ‘выражающий негативное отношение к политике, проводимой Украиной, действиям ее правительства’; (2) ‘направленный против политики, проводимой Украиной, действий ее правительства’; (3) ‘настроенный, выступающий, действующий против этой страны, ее политики, граждан’ [НСЗ, т. 1: 90], наречие *антиукраински* ‘против Украины, украинцев (об идейном и психологическом настрое)’ [НСЗ, т. 1: 90] и др.

VII. Увеличивается состав лексики, служащей для **фальсификации** процессов действительности, **вербализации неправды**. Мерилом оценки в данном случае является критерий *истинности* — соответствия действительности, что предпола-

гает адекватность информации об окружающем мире и то, что эту информацию не создают (выдумывают) сами участники коммуникации. Актуализируется репрезентация смысла слов по дихотомии *истинность — неистинность*. Ср.: *бижутерия* (перен., неодобр.) — ‘о том, что имитирует что-л., создает видимость чего-л’ — от *бижутерия* в знач. ‘украшения, имитирующие ювелирные изделия’ [НСЗ, т. 1: 161]; *боковик* (неодобр.) — (1) ‘левый договор, прикрывающий неучтенные, нелегальные доходы’ — *боковой (побочный) договор* + -ик. (2) ‘деньги, отчисляемые по такому договору’; (3) ‘дочерняя (часто подставная) фирма, организация, используемая для сокрытия на своих счетах каких-л. финансовых средств’ — *боковая (не главная) фирма, организация* + -ик [НСЗ, т. 1: 206]; *виртуально-спекулятивный* — ‘связанный со скрытыми спекуляциями, не поддающимися контролю (о финансовых операциях)’ [НСЗ, т. 1: 308]; *витрина* (*витрина социализма*) (перен., разг., неодобр.) — ‘о том, что подавалось как достижение социалистического строя, образа жизни, служило его прославлению’ [НСЗ, т. 1: 314]; *воздух* (перен., разг., неодобр.) — ‘о том, что существует только на бумаге, в поддельных финансовых документах’; *воздушный* (перен., неодобр.) — ‘реально не существующий, числящийся только на бумаге, в поддельных финансовых документах’ [НСЗ, т. 1: 336]; *грязный* (разг., неодобр.) — ‘выплачиваемый нелегально, неофициально (в обход существующих законов) (о заработке)’ [НСЗ, т. 1: 443]; *дезуха, деза* (разг., неодобр.) — ‘ложная информация, распространяемая с целью ввести в заблуждение кого-л.’ — (*Дез*)*информация* + -ух (а); *деза* + -ух (а) [НСЗ, т. 1: 471]; *дикий* (неодобр.), ср.: *дикий капитал* — ‘капитал, приобретенный и используемый незаконно’ [НСЗ, т. 1: 512]. Данный тип оценки актуализируется в дискурсе категорией *персуазивности* (сокрытием истины) и *периплокой* (сокрытием настоящего смысла). В этом случае также активны модели слов с префиксоидами *квази-*, *лже-*, *псевдо-* (*квазиполитик, квазиполитика, лжесловарь, псевдокрасавец*).

VIII. Увеличение состава оценочной лексики с **семантикой интенсификации признака, свойства, действия**. Здесь прослеживаем первоначально моделирование положительной оценочности. При этом используется система приставок, ср.: **архизамечательный** — (1) ‘гениальный, очень хороший; значительно превосходящий других (о человеке)’; (2) ‘в высшей мере

замечательный' — *архи...* (в высшей степени) + *замечательный* [НСЗ, т. 1: 106] и др. Активной, как показывает материал, является модель с компонентом *высокий* — 'отличающийся неординарностью, высоким качеством, уровнем профессионализма' (пер. фр. *haute couture*) [НСЗ, т. 1: 355]. Ср.: *высококонкурентный, высоколобый, высокорейтинговый* и др. Однако данные лексемы активно подвергаются переосмыслению, актуализируя негативные смыслы, что отражает типичную тенденцию употребления оценочной лексики — явление *амбивалентности*.

IX. Процесс порождения слов и значений путем актуализации **языковой игры** также позволяет расширить систему оценочной лексики, что связано с повышением креативности языковых личностей. Ср.: *брежний* (в *брежние времена; в брежнее время*) (разг., шутл.-ирон.) — 'в период руководства страной Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева' — контаминация: *брежневский* + *прежние времена* [НСЗ, т. 1: 223]; *бровеносец* (разг., шутл. и шутл.-ирон.) — 'об обладателе темных густых бровей' — *брови* + *e* + ...*носец* ('носитель, обладатель чего-л.');

контаминация: *брови* + *броненосец «Потёмкин»* + *в потёмках* [НСЗ, т. 1: 229]; *господарищи* (ирон.) — 'в России в переходный период от социализма к капитализму: о демократах, которые в недавнем прошлом были коммунистами'; *господа-товарищи* — контаминация: *господа* + *товарищи* [НСЗ, т. 1: 420]; *депутан* и *депутана* (разг., презрит., шутл.-ирон.) — 'депутат' и 'депутат-женщина'. Контаминация: *депутат* + *путана*. Эта лексема вступает в синонимический ряд со словами *думак* и *съездюк* [НСЗ, т. 1: 492]; СМИ — 'средства массовой идиотизации' (разг., презрит.) — 'о средствах массовой информации' — произвольная расшифровка буквенной аббревиатуры [НСЗ, т. 1: 649] и др.; *Софья Власьевна* (эвфемеизм, ирон.) — 'о Советской власти, Советском Союзе': *по созвучию* — *Советская власть* и *Софья Власьевна* (имя собств.); персонификация явления [НСЗ, т. 3: 965–966]. Однако в процессе актуализации языковой игры прослеживаем образование слов по образцу бранной, обсценной лексики.

X. Новообразования за счет **актуализации феномена прецедентности**. Часто прецедентность мотивирует не только оценочные смыслы, но и языковую игру, активизируя положительную оценочность, одобрение. Ср.: *бесик* (разг., одобр.) — 'российский флаг с полосами белого, синего и красного цветов'.

В этом случае лексема образована путем сокращения слов *белый, синий, красный*. Это слово придумано гимназистами до революции 1917 года для запоминания последовательности цветов на государственном флаге России [НСЗ, т. 1: 157]. Однако, как представляется, омонимия лексемы *бесик* как уменьшительного образования от *бес* (*черт*) воспринимается не совсем одобрительно, скорее, шутливо-иронически. Аббревиатура *ВДВ* — *Воздушно-десантные войска* имеет множество расшифровок: (1) ‘возможно, домой вернемся’, (2) ‘возможно двести вариантов’, (3) ‘выходной день в воздухе’ [НСЗ, т. 1: 337]. Актуализируется креативность в процессе своеобразной **«расшифровки» внутренней формы слова**. Наблюдаем переосмысление номинаций (а) героев произведений, например: *буратино* (*Буратино*) (разг., шутл.-ирон.). — ‘о достаточно состоятельном человеке (обычно о новом русском)’; *Богатенький* (*богатый*) *буратино* (*Буратино*) — от *Буратино* (имя собств., персонаж сказки А.Н. Толстого *Золотой ключик*, 1936 г.) [НСЗ, т. 1: 239]; (б) названий художественных произведений, напр.: *буревестничество* (книжн.) — ‘бунтарство, пророчество грядущих перемен’ — *Буревестник* (из текста М. Горького *Песня о Буревестнике*, 1901) + *-еств(о)* [НСЗ, т. 1: 239], *вишневый*, *вишнёвый сад* — ‘о том, что воплощает в себе представление о счастливой жизни, что идеализируется’ — от *Вишнёвый сад* (имя собств., пьеса Антона Чехова, 1904) [НСЗ, т. 1: 315]; (в) образования от популярных фраз из художественных произведений, ср.: *васькизм* (разг., неодобр.) — ‘упорное продолжение какой-л. деятельности, несмотря на ее осуждение общественностью’ — от выражения «*А Васька слушает да ест*» (Иван Крылов): *Васька* (*кличка кота*) + *-изм* [НСЗ, т. 1: 258] либо фраз известных личностей, ср.: *вегетарианский* (перен.) — ‘не отличающийся жесткостью политического режима, цензуры и т.п., допускающий относительную свободу слова, печати, действий (о временах, годах, десятилетиях и т.п.)’. Связано с выражением, приписываемым Анне Ахматовой: *Вегетарианские времена* в знач. ‘о временах до массовых репрессий конца 1930-х гг. и об эпохе либерализации политической жизни в 1960-е гг.’ [НСЗ, т. 1: 271–272].

XI. *Процесс вербализации невербалики* как синкретический процесс, заключающийся в назывании (речевой фиксации) невербального действия языковыми единицами разных уровней,

которые также способствуют моделированию оценочных значений, а их использование в различных коммуникативных ситуациях позволяет формировать своеобразные коммуникативные смыслы⁷. Ср.: *веер*, *веером* в знач. нареч. (неодобр.) — ‘пальцы веером’ [НСЗ, т.1: 272–273]; *галстук*, *без галстуков* (шутл.-ирон.) — (1) ‘в неформальной обстановке, с доверительностью’; (2) в значении прилагательного ‘являющийся следствием таких встреч (о политике, дипломатии и т.п.)’; (3) в значении наречия ‘без должной официальности, естественно, непринужденно (о ком-, чем-л.)’ [НСЗ, т. 1: 369]; *глухонемой* (перенос., неодобр.) — (1) ‘не имеющий возможности выразить себя в творчестве’, ср.: *глухонемая эпоха* — от *глухонемой* в значении ‘лишенный слуха полностью или частично’ [НСЗ, т. 1: 396]. Продуктивной моделью является образование оценочных глаголов по признаку невербальных действий. Ср.: *засвистеть* и *засвистывать* — ‘освистывая, не дать (давать) говорить, принудить (принуждать) выступающего замолчать’; *засвистеть* — ‘свистом заглушить, прервать речь выступающего’ — *за-* + *свистеть*; *за-* + *свистывать* [НСЗ, т. 1: 619]. По аналогии — *затопать* и *затопывать* — ‘топая, не дать (не давать) говорить с трибуны; принудить (принуждать) выступающего замолчать’; *затопать* (*затопывать*) — ‘топотом заглушить (заглушать), прервать (прерывать) речь выступающего’ — *за-* + *топать*; *за-* + *топать* + *-ыва (ть)*; *затопываться* — ‘сознательно заглушаться, прерываться топанием (о чьем-л. выступлении)’ — *затопывать* (*см.*) + *-ся* [НСЗ, т. 1: 621], а также *захлопывать* и *закрикивать*.

Перечисленные тенденции расширения и видоизменения аксиологической картины мира — результат последовательной когнитивно-дискурсивной деятельности россиян, отражение их языкового сознания. Языковое сознание, как известно, отражает вербализованные знания, служащие средством активизации соответствующих элементов когнитивного сознания (1) социального, (2) культурного и (3) мировоззренческого происхождения. Как отмечает Николай Алефиренко,

[...] в итоге происходит трансформация элементов когнитивного сознания в языковые пресуппозиции, которые, подвергшись речемыслительным

⁷ Т. Осіпова, *Невербальна комунікація та своєрідність її омовлення в українському дискурсі: феномен вербалізації невербаліки*, ред. Т.А. Космеда. Вид-во Іванченка І. С., Харків 2019, с. 16.

и модально-оценочным преобразованиям перерастают в культурно-прагматические компоненты языковой семантики⁸.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ динамики оценочной лексики показывает, что (1) преобладают отрицательные оценочные значения и коннотативные смыслы, что, с одной стороны, является общеизвестным фактом и объясняется природой психики человека, а с другой, — отражает современную ментальность россиян, тяготение к моделированию «языка ненависти». (2) Оценочная лексика активно пополняется за счет семантической и словообразовательной деривации, образуя систему моделей. (3) Система оценочной лексики заимствует свои единицы не только из иностранных языков, в частности из английского, но прежде всего (4) из жаргонов русского языка и профессиональной лексики, а также в связи с усилившимися процессами (5) феминизации русского литературного языка и особенно его (6) криминализации, (7) вульгаризации. (8) Идеологизация и (9) мифологизация языка, тенденция к моделированию неправды, фейка также позволяет расширять состав оценочной лексики, (10) ее пополняют и единицы, выражающие повышенную агрессивность. Процесс коммуникации базируется на вербальном и невербальном общении: в последнее время большое внимание уделяется именно невербальной коммуникации, в связи с этим прослеживаем (11) вербализацию невербалики, что также позволяет порождать новые оценочные значения и смыслы преимущественно негативной семантики. Современная языковая личность обладает потенциалом креативности — способностью создавать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, что отражается в языке (12) актуализацией языковой игры и (13) манипуляцией прецедентными единицами, при этом актуализируется контаминация, псевдотолкование внутренней формы слов, окказиональные образования. (14) Моделирование амбивалентных оценочных лексем, слов-гибридов, слов-хамелеонов позволяет манипулировать сознанием современной языковой личности. (15) Оценочные слова и значения

⁸ Н. Ф. Алефиренко, «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии, Флинта-Наука, Москва 2009, с. 71–72.

позволяют описывать и объективный, и субъективный образы мира, пропущенные сквозь призму человеческого сознания, — это оценка по степени интенсивности ее проявления, этическая, интеллектуальная, эпистемическая (отношение к сфере истинности) и оценка степени вероятности ситуации.

Наблюдения над тенденциями образования оценочных слов и смыслов свидетельствует о реалиях современной России, о расширении языковой картины мира русской лингвокультуры за счет вербализации преимущественно негативных явлений, процессов, качеств, специфического видения мира.

REFERENCES

- Alefrenko, Nikolay Fodorovich. *“Zhivoye” slovo. Problemy funkcional’noj leksikologii*. Moskva: Flinta-Nauka, 2009 [Алефиренко, Николай Федорович. *“Живое” слово. Проблемы функциональной лексикологии*. Москва: Фланта-Наука, 2009].
- Alpatov, Vladimir Mikhajlovich. “Predvaritel’nyje itogi lingvistiki XX v’eka.” *Vestnik Moskovskogo universiteta* 1995, no. 5: 38–42 [Алпатов, Владимир Михайлович. “Предварительные итоги лингвистики XX века.” *Вестник Московского университета* 1995, № 5: 38–42].
- Kirilina, Anna Victorovna. *Gender: l’ingvisticheskiye asp’ekty*. Moskva: Institut sociologii RAN, 1999 [Кирилина, Анна Викторовна. *Гендер: лингвистические аспекты*. Москва: Институт социологии РАН, 1999].
- Kosmeda, Tetyana. *Aksiologichni aspekty prahmalinhvistyky: formuvannya i rozvytok katehoriyi otsinky*. L’viv: LNU im. I. Franka, 2000 [Космеда, Тетяна. *Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки*. Львів: ЛНУ ім. І. Франка, 2000].
- Novyye slova i znacheniya. Slovar’-spravochnik po materialam pressy i literatury v 3 tomakh*. T. 1. Butseva, Taisiya Nikolayevna at all. (Eds). Sankt Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2009–2010 [Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы в 3 томах. Т. 1. Буцева Таисия Николаевна и др. (Ред.). Санкт Петербург: Дмитрий Буланин, 2009–2010].
- Osipova, Tetyana. *Neverbal’na komunikatsiya ta svoyeridnist’ yiyi otmovlennya v ukraïns’komu diskursi: fenomen verbalizatsiyi neverbaliky*. Kosmeda, Tetyana Anatoliyivna (Ed.). Kharkiv: Vydavnytstvo Ivanchenka I.S., 2019 [Осіпова, Тетяна. *Невербальна комунікація та своєрідність її омовлення в українському дискурсі: феномен вербалізації невербаліки*. Космеда, Тетяна Анатоліївна (Ред.). Харків: Видавництво Іванченка І.С., 2019].
- Vygotskiy, Lev Semenovich. *Myshleniye i rech’. Sobraniye sochineniy v 6 tomakh*. T. 2. Davydov, Vasilii Vasil’evich (Ed.). Moskva: Pedagogika, 1982 [Выготский, Лев Семенович. *Мышление и речь. Собрание сочинений в 6 томах*. Т. 2. Давыдов, Василий Васильевич (Ред.). Москва: Педагогика, 1982].
- Zubkov, Yevgeniy. *Russkiy ugovolnyj diskurs. Kniga pervaya. Ugolovnyj diskurs kak fenomen uslozhn’noy semanticheskoy dejatel’nosti*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2019 [Зубков, Евгений. *Русский уголовный дискурс. Книга*

ДИНАМИКА ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА...

первая. Уголовный дискурс как феномен усложненной семиотической деятельности. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2019].

Zubkov, Yevg'eniý. *Russkiy ugovnyj diskurs. Kniga vtoraya. Paradigmatika russkoho ugovnogo diskursa i analiz rossijskoho ugovnogo antropogennogo landshafta.* Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2019 [Зубков, Евгений. *Русский уголовный дискурс. Книга вторая. Парадигматика русского уголовного дискурса и анализ российского уголовного антропогенного ландшафта.* Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2019].

KATERYNA LAIDLER

 <https://orcid.org/0000-0002-1455-9089>

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

THE INTERACTION OF ORTHOGRAPHY, PERCEPTION, AND PHONOLOGY IN THE ADAPTATION OF E /ɜ:/ IN LOANWORDS INTO RUSSIAN

In the process of loanword nativization, foreign sounds are inevitably altered so as to comply with the phonological principles of the borrowing language. There is, however, an ongoing debate as to whether such modifications are attributable to the phonological similarity between the source and the target segments, their acoustic closeness, orthographic conventions of the languages involved or an impact of additional extralinguistic factors. The issue seems particularly relevant in the case of those sounds whose adaptation to the target language involves several changes. The present paper deals with the issue of the so-called British English long schwa adaptation in loanwords from English into Russian. E /ɜ:/ nativization poses an interesting research problem due to its lacking a single phonologically or phonetically closest equivalent in Russian. Thus, considerable variability can be observed in how it is adapted. The present paper aims to examine the major mechanisms and patterns of E /ɜ:/ nativization in Russian loanwords and shed some light on the interplay of phonology, acoustic similarity, and orthography. Towards this goal, the major adaptation scenarios of 200 established loanwords containing E /ɜ:/ have been compared to the results of an online experiment in which 41 native speakers of Russian with no command of English listened to a list of English words containing the sound in question in different segmental contexts and were asked to transcribe them using Cyrillic characters. The analysis demonstrates that while established loanwords are often influenced by orthography, spelling-based adaptations are inevitably reinforced by phonology and in some cases acoustic similarity. Moreover, a number of such adaptations is marginal if they are not supported by either phonology or phonetics, and the most common substitutes show an interplay of all three factors. Hence, our findings shed some light onto the nature of /ɜ:/ nativization in the Russian language as well as add to the debate of the loanword adaptation phenomena in general.

Keywords: loanword adaptation, phonology, phonetics, acoustics, orthography, Russian, English

1. INTRODUCTION

The issue of loanword adaptation has triggered much interest and controversy among linguists in the last three decades. Hundreds of papers have been devoted to it, improving greatly our insight into the nature of this process, and also facilitating a better understanding of

the inner workings of native grammars. Such conspicuous interest in this subject has brought about a number of new approaches proposed by linguists in their attempts to account for an array of phonetic and phonological modifications that inevitably take place when a word travels from one language to another. Nonetheless, there are still many questions, particularly concerning the role of individual factors contributing to the final phonetic shape of the borrowed words in a recipient language. Three such determinants have been the focus of adaptation research, namely perception, phonology, and orthography, with each of them claimed to play a major role in the nativization process, according to different frameworks. This paper is meant a contribution to this debate. On the basis of an in-depth inquiry into the adaptation of E /ɜ:/ in loanwords in Russian we, intend to demonstrate that all three factors interact significantly in this process and do not exclude, but rather complement each other. To our knowledge, this is the first analysis of this problem offered in scientific literature.

A substantial body of loan adaptation studies has been devoted to those pairs of languages which are characterized by markedly different phonological systems since they are likely to exhibit drastic modifications when confronted with foreign segments and structures, e.g. English and Cantonese,¹ French, and Fula,² English, and Japanese,³ English and Korean,⁴ English and Mandarin,⁵ etc. However, the analyses of anglicisms in phonologically less distant languages, such as English and Russian, frequently demonstrate fascinating patterns that contribute to our understanding of the processes involved in the nativization of borrowings.

In this paper, the impact of perception, phonology, and orthography on the adaptation of English /ɜ:/ in loanwords into Russian is

¹ M. Yip, *Cantonese Loanword Phonology and Optimality Theory*, "Journal of East Asian Linguistics" 1993, p. 261–291.

² C. Paradis, D. LaCharité, *Preservation and Minimality in Loanword Adaptation*, "Journal of Linguistics" 1997, no. 33, p. 379–430.

³ J. Itô, A. Mester, *The Phonological Lexicon*, in: T. Natsuko (ed.), *The Handbook of Phonological Theory*, Blackwell, Oxford 1999, p. 62–100.

⁴ Y. Kang, *Perceptual Similarity in Loanword Adaptation: English Postvocalic Word-Final Stops in Korean*, "Phonology" 2003, no. 20, p. 219–273.

⁵ Y.H. Lin, *Loanword Adaptation and Phonological Theory*, in: Y. Xiao (ed), *Proceedings of the 21st North American Conference on Chinese Linguistics (NACCL-21)*, Bryant University, Smithfield, Rhode Island 2009, p. 1–12.

examined. The so-called long schwa has been selected for this study for a number of reasons. First, it is among the vowels missing from the Russian phonemic inventory.⁶ Hence, in the course of nativization, adaptors are bound to replace it⁷ with the best substitute among those available to them within their native system. Secondly, the adaptation of this vowel presents a rather complex case of an interplay of several interconnected factors making it particularly interesting from a theoretical perspective.

In what follows, we are going to provide a comprehensive description of the major nativization scenarios of English /ɜ:/ in anglicisms in Russian. This is achieved through a detailed analysis of the established loanwords included in the *Dictionary of Anglicisms of the Russian Language*⁸ compiled by Anatolij Dyakov,⁹ which is the most up-to-date dictionary of this kind and with the most recent borrowings alongside the older ones. Furthermore, the dictionary data are juxtaposed with those obtained in the online adaptation experiment carried out by the author, which allows us to examine the role of perception¹⁰ in this process and its impact on the adaptation of anglicisms.

The paper is structured as follows. In Section 2 the major approaches to the process of loanword adaptation are briefly presented, after which Section 3 identifies the nativization patterns of E /ɜ:/ in established anglicisms. These scenarios are analyzed with regard to the impact of orthography (Section 4), perception, where the data concerning online adaptation experiments are presented and discussed (Section 5) as well as phonology (Section 6). Finally, a conclusion is drawn in Section 7.

⁶ The discussion of the differences between the sound systems of Russian and English is beyond the scope of this paper especially seeing that in what follows the adaptation of only one sound will be dealt with. For a more detailed comparison of the phonemic inventories as well as phonological processes operating in the two languages see K. Laidler, *From Jazz and Rap to Dzhaz and Rep. Phonological Adaptation of English Loanwords in Russian*, PeterLang, Berlin 2022.

⁷ A different option is to incorporate the vowel into the Russian segment inventory. This, however, does not happen.

⁸ The abbreviation DARL will be used from this point onwards.

⁹ А. Дьяков, *Словарь англицизмов русского языка*, Флинта, Москва 2020.

¹⁰ In this paper, the term ‘perception’ refers to the stage in loanword adaption which precedes production and at which the mapping of L2 forms onto L1 forms is determined by the perceptual approximation of the foreign input to the speaker’s native L1 categories.

2. MAJOR APPROACHES TO LOANWORD ADAPTATION

Before we proceed to the discussion of the major adaptation facts of E /ɜ:/ in Russian, a brief introduction to the role of perception, phonology, and orthography in the process of loanword nativization is in order. The nature of loanword adaptation has been the subject of a long-lasting debate with the major question being whether it takes place in perception or production, giving rise to the two major competing approaches, i.e. nativization-through-production and nativization-through-perception.

The first of them, as advocated by Carole Paradis and Dariene LaCharité,¹¹ Junko Itô and Armin Mester,¹² Donca Steriade,¹³ advances the claim about the existence of a universal set of phonological rules that aid speakers' foreign sounds processing and their subsequent matching onto the native representations which conform with the adaptors L1 phonology. Furthermore, Carole Paradis¹⁴ emphasizes the role of bilingual speakers in loanword nativization who, according to the scholar, are able to correctly identify the phonemes from the donor language input and find the closest phonological match in the target language at the same time preserving as much of the phonetic information as possible. However, some scholars maintain that the input to loan adaptation does not depend on how proficient the adapters are in L2 (such evidence is provided, among others, by Haike Jacobs and Carlos Gussenhoven).¹⁵ According to scholars, the perception of non-native structures is faithful and the input to loan adaptation is constructed through assigning phonological representations to foreign elements. Hence, under this view, modifications introduced in the process of loanword adaptation are phonologically minimal repairs. This also means that the key importance is

¹¹ C. Paradis, D. LaCharité, *Preservation and Minimality...*, p. 379–430.

¹² J. Itô, A. Mester, *The Phonological Lexicon...*, p. 62–100.

¹³ D. Steriade, *The Phonology of Perceptibility Effects: the P-Map and its Consequences for Constraint Organisation*, in: Hanson, Kristin; Inkelas, Sharon (eds), *The Nature of the Word: Studies in Honor of Paul Kiparsky*, MIT Press, Cambridge CA 2001/2008, p. 151–180.

¹⁴ C. Paradis, *The Inadequacy of Faithfulness and Filters in Loanword Adaptation*, in: J. Durand, B. Laks (eds), *Current Trends in Phonology: Models and Methods*, University of Salford Publications, Salford 1996, p. 509–534.

¹⁵ H. Jacobs, C. Gussenhoven, *Loan Phonology: Perception, Salience, the Lexicon and OT*, in: J. Dekkers, F. v. d. Leeuw, J. v. d. Weijer (eds), *Optimality Theory. Phonology, Syntax and Acquisition*, Oxford University Press, Oxford 2000, p. 193–210.

attached to contrastive features of L2 phonemes whereas allophonic variation is irrelevant and should not have any impact on the output of the nativization process in the target language.

A substantial body of loan adaptation studies demonstrates that modifications introduced by the borrowers are indeed a reflection of their L1 phonologies. For example, complex onsets in French loanwords in Fula¹⁶ similar to complex onsets and codas in English loanwords in Marshallese¹⁷ are repaired so as to avoid such ill-formed structures in L1. The adaptation of individual segments is also subject to the influences of phonology as in the case of English loanwords in Korean¹⁸ in which English voiceless plosives are invariably adapted as aspirated plosives in Korean irrespective of their realization in source items.¹⁹

The advocates of an alternative view, however, assign no role to production grammar claiming that repairs take place as early as at the stage of perception (Sharon Peperkamp and Emmanuel Dupoux,²⁰ Peperkamp,²¹ Inga Vendelin and Peperkamp).²² According to Peperkamp and Dupoux,²³ the mapping of L2 onto L1 forms is determined by the perceptual approximation of the foreign input to the listener's native L1 categories. The reliability of L2 perception is therefore influenced by the perceptual biases of the L1 phonological system making any modifications phonetic in nature. Such an explanation of the adaptation process implies that borrowers are non-native speakers of L2 whose perception of foreign sound signals is unreliable and often faulty. Some scholars (e.g. Paul Boersma;²⁴ Boersma and Silke Ha-

¹⁶ C. Paradis, D. LaCharité, *Preservation and Minimality*..., p. 379–430.

¹⁷ R. Brasington, *Cost and Benefit in Loanword Adaptation*, "Working Papers in Linguistics" 1997, no. 3, p. 1–19.

¹⁸ M. Oh, *English Stop Adaptations as Output-to-Output Correspondence*, "Onin Kenkyuu" 2004, no. 7, p. 165–172.

¹⁹ For more examples of phonological adaptations see Kang (2011).

²⁰ S. Peperkamp, E. Dupoux, *Reinterpreting Loanword Adaptations: The Role of Perception*, in: M. Solé, D. Recasens, J. Romero, *Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences*, Casual Productions, Barcelona 2003, p. 367–370.

²¹ S. Peperkamp, *A Psycholinguistic Theory of Loanword Adaptations*, "30th Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society" 2005, p. 341–352.

²² I. Vendelin, S. Peperkamp, *The Influence of Orthography on Loanword Adaptations*, "Lingua" 2006, no. 116, p. 996–1007.

²³ S. Peperkamp, E. Dupoux, *Reinterpreting Loanword Adaptations*..., p. 367–370.

²⁴ P. Boersma, *Functional Phonology: Formalizing the Interactions between Articulatory and Perceptual Drives*, Holland Academic Graphics, The Hague 1998.

mann)²⁵ maintain that perception is largely dependent on the native output constraints in that they determine whether the perception of foreign forms will be faithful or not. Overall, this approach makes a strong prediction as to the correlation between perception and the loan adaptation process and the concept of phonetic input is central to the phonetic approximation view.

Examples of adaptations based on phonetic rather than phonological input are found in Thai²⁶ where English voiceless stops are adapted with aspiration words initially but with no aspiration when preceded by /s/, which is a clear reflection of the allophonic realization of these sounds in English. Furthermore, Peprkamp and Dupoux²⁷ demonstrate how the adapters' inability to distinguish between certain non-native contrasts is mirrored in loanword adaptation. For example, Japanese listeners experience difficulty perceiving CC and CVC contrasts.²⁸ Korean adapters have major problems distinguishing between /r/ and /l/²⁹ whereas French speakers struggle to discriminate stress contrasts.³⁰ All this research demonstrates that perceptual assimilation can operate not only on the level of segments but also suprasegments as well as phonotactic structures.

While both stances offer valuable insights into the nature of the adaptation process, they fail to acknowledge the influence of external factors,³¹ such as orthography, on the phonetic/phonological shape of loanwords. Thus, for a long time, its role has been ignored or at best given only marginal attention in the debate about the nature of the input into the adaptation process. For example, Paradis and LaCha-

²⁵ P. Boersma, S. Hamann, *Loanword Adaption as First-Language Phonological Perception*, in: A. Calabrese, W.L. Wetzels (eds), *Loan Phonology*, John Benjamins, Amsterdam, Philadelphia 2009, p. 11–58.

²⁶ M. Kenstowicz, A. Suchato, *Issues in Loanword Adaptation: A Case Study from Thai*, "Lingua" 2006, no. 116, p. 921–949.

²⁷ S. Peperkamp, E. Dupoux, *Reinterpreting Loanword Adaptations...*, p. 367–370.

²⁸ E. Dupoux, K. Kazohiko, Y. Hirose, C. Pallier, J. Mehler, *Epenthetic Vowels in Japanese: A Perceptual Illusion?*, "Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance" 1999, no. 25, p. 1568–1578.

²⁹ J. C. L. Ingram, P. See-Gyoon, *Language, Context, and Speaker effects in the Identification and Discrimination of English /r/ and /l/ by Japanese and Korean Listeners*, "Journal of the Acoustical Society of America" 1998, no. 103, p. 1161–1174.

³⁰ E. Dupoux, K. Kazohiko, Y. Hirose, C. Pallier, J. Mehler, *Epenthetic Vowels in Japanese...*, p. 1568–1578.

³¹ Some other external factors often discussed in literature include the level of bilingualism in the community, the channel of borrowing (i.e. spoken vs written), source accent and the period of time when the lexical item was borrowed.

rité³² in their account of French loanwords in Fula conclude that the role of orthography is rather weak with only about 4.6% of adaptations in their corpus of 545 words attributable to the influence of this factor.

The impact of the written input in the process of nativization, however, cannot be denied, for example, in those English words whose silent letters are realized phonetically in their adapted counterparts, as is the case with English <d>, <w>, <k> and <l> in the examples from Polish and Russian below.

(1)	E sandwich ['sænwɪtʃ]	→	PL sandwicz ['sandvʲɪtʃ]
	E wrap [ræp]	→	PL wrap [vrɐp]
	E know [nəʊ]	→	R knokat' ['knokətʲ]
	E walkover ['wɔ:kəʊvə]	→	R valkovir [vɐl'kovʲɪr]

Even though it might be difficult to draw a clear line between phonological and orthographic adaptations since both can often yield similar results, the role of the latter is slowly being re-evaluated and acknowledged by scholars. For example, Jacek Mołęda³³ and Jolanta Szpyra-Kozłowska³⁴ emphasize the role of visual input in loan adaptation, particularly in the case of those societies which demonstrate a rather low degree of bilingualism.

In an attempt at a formal account of spelling-based adaptations, Lionel Mathieu³⁵ applies the mechanisms of Optimality Theory³⁶ to the analyses of orthographic modifications in loanwords found in Romanian and Japanese demonstrating how written representations, as well as grapheme-to-phoneme correspondences established by the borrowing language with regard to the donor one, can contaminate phonological representation of the borrowed items. Another formal

³² C. Paradis, D. LaCharité, *Preservation and Minimality...*, p. 379–430.

³³ J. Mołęda, *A Comparative Study of Phonological Adaptations of Anglicisms in Czech and in Polish since the 1990s*, Wydawnictwo PWSZ w Raciborzu, Racibórz 2011.

³⁴ J. Szpyra-Kozłowska, *Perception? Orthography? Phonology? Conflicting Forces Behind the Adaptation of English /ɪ/ in Loanwords into Polish*, "Poznań Studies in Contemporary Linguistics" 2016, no. 52 (1), p. 119–147.

³⁵ L. Mathieu, *Orthographic Traces in Romanian and Japanese Loanwords: Enriching Phonological Representations*, "Journal of Language Contact" 2012, p. 144–181.

³⁶ J. J. McCarthy, A. Prince, *Faithfulness and Reduplicative Identity*, "University of Massachusetts Occasional Papers" 1995, no. 18, p. 249–384; A. Prince, P. Smolensky, *Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar*, Boulder, Rutgers University, University of Colorado 1993/2004.

OT account of the interaction between orthography and perception is provided by Hamann and Ilaria Colombo³⁷ in their analysis of English intervocalic consonants borrowed into Italian as either singletons or geminates. Both accounts formalize the process of adaptation in the scenario of the adaptors' simultaneous exposure to the written and auditory input by showing how orthography and perception can interact at the same level of representation. Alternatively, Daland et al.³⁸ based on an extensive body of evidence on the adaptation of English vowels in Korean put forward a hypothesis according to which orthography plays a greater role in the adaptation of unstressed vowels whereas in the case of stressed syllables it is their perception that the listeners primarily rely on. Hence, in recent studies, the importance of orthography in the process of loanword adaptation is slowly recognized and successful attempts to incorporate it into formal analyses are undertaken.

To sum up this section, there is overwhelming empirical evidence to suggest that loanword adaptation can rely on both phonological and phonetic details of the source as well as the target language. Furthermore, the orthographic representation of a source item can contribute to its interpretation by the borrowers. Hence the process of adaptation should not be boiled down to an exclusive influence of either of these factors but rather the ways in which they interact should be uncovered to present a more accurate picture of the nativization process.

3. ADAPTATION OF E /ɜ:/ IN ESTABLISHED BORROWINGS INTO RUSSIAN

English /ɜ:/ is one of the vowel phonemes absent from the Russian inventory. In order to determine the major adaptation patterns of this vowel, we have examined 203 loanwords taken from *DARL* and enriched the list with 35 proper names, which allowed us to establish the following adaptation rates:

³⁷ S. Hamann, I.E. Colombo, *A Formal Account of the Interaction of Orthography and Perception. English Intervocalic Consonants Borrowed into Italian*, "Nat Lang Linguist Theory" 2017, no. 35, p. 683–714.

³⁸ R. Daland, M. Oh, S. Kim, *When in Doubt, Read the Instructions: Orthographic Effects in Loanword Adaptation*, "Lingua" 2015, no. 159, p. 70–92.

- (2) E /ɜ:/ → R /ɛ/39 = 61.5% E /ɜ:/ → R /i/ = 9%
 E /ɜ:/ → R /o/ = 15% E /ɜ:/ → R /a/ = 2.5%
 E /ɜ:/ → R /u/ = 12%

It has to be kept in mind that each of the phonemes presented in (2) can have two realizations in Russian, with their slightly fronted allophones occurring after palatalized consonants in CV sequences. These allophones, however, have different graphic representations according to the Russian orthographic rules, i.e.

- (3) R /ɛ/ → R [ɛ] = <è> R /o/ → R [o] = <o> R /u/ → R [u] = <u>
 → R [e] = <е> → R [ö] = <ë> → R [ü] = <ju>

Therefore, if the allophonic variation of Russian vowels is taken into account in the evaluation of the major adaptation patterns, a somewhat different picture emerges:

- (4) E /ɜ:/ → R /ɛ/ → R [e] = 59% E /ɜ:/ → R /u/ → R [u] = 10%
 E /ɜ:/ → R /ɛ/ → R [ɛ] = 2.5% E /ɜ:/ → R /u/ → R [ü] = 2%
 E /ɜ:/ → R /o/ → R [ö] = 9% E /ɜ:/ → R /i/ = 9%
 E /ɜ:/ → R /o/ → R [o] = 6% E /ɜ:/ → R /a/ = 2.5%

Some examples with the most frequent substitute, i.e. Russian /e/ realised as either [e] or [ɛ] are given in (5a) and (5b),

- (5a) E alert → R alert [v'liert] E vertex → R verteks ['v'erti'ks]
 E verge → R verdž [v'iertɕ]
 E earl → R èrl [ɛrl] E sir → R sèr [sɛr]

As demonstrated in (2), the second most common adaptation of English /ɜ:/ is through Russian /o/ which can be realised as either Russian [o] or [ö] as is shown in examples in (6a) and (6b),

³⁹ The phonological status of /ɛ/ in Russian is marked by controversy. Traditionally, [ɛ] has been treated as an allophone of /e/ (e.g. S. Knyazev, S. Pozharitskaya 2012). The main reason for this, according to Knyazev and Pozharitskaya (2012, p. 229) is the fact that while Russian [ɛ] is pronounced after hard consonants and [e] after soft ones, they are in free variation word-initially with [e] appearing more frequently in this position. There is, however, a serious flaw in such reasoning seeing that word-initial [e] is always pronounced with a glide before it, i.e. as [je], which suggests that the occurrence of [e] is always determined by its adjacency to the preceding [-back] segment. No such restrictions are observed in the case of [ɛ], which leads us to argue that there are more reasons to accept /ɛ/ as a phoneme and [e] as its allophone.

(6a) E lurch → R lorč [lortɕ]

E turn → R torn [torn]

(6b) E dirt → R dërt [d'ört]

E research → R resëřč [r'i'š'örtɕ]

Several instances of English /ɜ:/ nativized using the Russian close back vowel and realised as its two allophones, i.e. [u] and [ü], are given in (7a) and (7b) respectively. The adaptation of these items is spelling-based.

(7a) E cursor → R kursor [kur'sor]

E turnip → R turneps [tur'neps]

(7b) E blur → R bljur [bl'ür]

E lurk → R ljurkat' [l'ürkəti]

As can be seen from the examples presented so far, three Russian phonemes most commonly employed in the adaptation of E /ɜ:/, i.e. /ε/, /o/ and /u/ in the analysed loanwords are realised phonetically by means of their two allophones whose distribution is dependent on the palatalisation of the preceding consonant.

There are also a few loans in the examined data with English /ɜ:/ nativised as Russian /i/, e.g.:

(8) E girl → R girła [g'ir'la]

E twirl → R tvirl [tvirl]

E dirk → R dirk [d'irk]

E flirt → R flirt [flirt]

E virtual → R virtual [v'irtu'al]

E chirp → R čirp [č'irp]

Finally, the examples with English /ɜ:/ → Russian /a/ substitution are very few and include the following words:

(9) E sternpost → R starnpost ['starnpest]

E burster → R barster ['barsti:r]

E turkey trot → R tarki-trot ['tarci 'trot]

E hurdle → R xardl [xardl]

It is interesting, however, that all the items in (9) have been borrowed as specialised terms in Russian. Hence, *starnpost* is an archaic nautical term; *barster* is used to describe a cosmic source of powerful bursts of X-rays; *tarki-trot* is the name of an American ballroom dance and *xardl* refers to hurdle horseracing. These words belong to a group of older borrowings and could perhaps be attributed to an incorrect spelling-to-sound overgeneralisation in which English <u> is adapted as Russian /a/.

Among the loans which have been collected, a few doublets are found, i.e. words in which the target segment is adapted in two different ways, one of which is spelling-based e.g.

- (10) E burpee → R bërpi ['börpĭ] / burpi ['burpĭ]
 E purchase → R pečes ['pēt͡ɕʲs] / pëčes ['pöt͡ɕʲs]
 E furry → R ferri ['fērĭ] / furri ['furĭ]
 E burst → R bërst ['börst] / burst ['burst]

It is unclear how such doublets in (10) arise since those examples differ markedly in how English /ɜ:/ is adapted. While some of them seem to be conditioned by the original spelling, e.g. English *burpee* adapted as Russian *burpi*, where English <ur> is transliterated by means of Russian <ur> according to the conventions accepted in this language, other examples, such as the nativisation of English *furry* as Russian *ferri*, clearly have to be some sort of acoustic approximation. It is obvious, though, that the adaptation of English /ɜ:/ in Russian is far from being homogeneous and very often even the same items undergo several nativisation scenarios each potentially being attributable to different factors.

In the doublets presented in (11) the target vowel is adapted in the same way and the difference between the two forms lies in the presence or absence of the sound /r/ in the Russian version, e.g.

- (11) E birthday → R bezdĕj ['bĕzdĭj] / berzdĕj ['bĕrzdĭj]
 E workshop → R vokšop [vĕk'šop] / vorkšop [vĕrk'šop]
 E sweatshirt → R svetšit [svĭt'šĭt] / svitširt [svĭt'šĭrt]

One of the factors that should be taken into account in the analysis of borrowings is the source accent, especially in the case of those segments that show much variability in their realisation across different varieties of English. Szpyra-Kozłowska⁴⁰, in a series of articles investigating the factors behind the adaptation patterns observed in Polish anglicisms, argues that the two varieties of English, i.e. Received Pronunciation⁴¹ (RP) and General American (GA) should be considered as the major sources of borrowings in Polish due to the dominance of the former in EFL teaching and a considerable cultural influence of the latter in Poland.⁴² This is also true of Russian speaking countries

⁴⁰ J. Szpyra-Kozłowska, *Input to Loanword Adaptation of Anglicisms in Polish*, in: A. Bloch-Rozmej, A. Bondaruk, *Spotlight on Melody and Structure in Syntax and Phonology*, KUL, Lublin 2015, p. 305–329; J. Szpyra-Kozłowska, *Perception? Orthography? Phonology?...*, p. 119–147.

⁴¹ A. Cruttenden, *Gimson's Pronunciation of English (8th edition)*, Routledge, London / New York 2014.

⁴² A. Cruttenden explains that this particular variety is also known by other names such as BBC English, General British English, Southern (Standard) British English

where those two accents are influential in the sphere of education and popular culture alike.

When it comes to the adaptation of the loanwords discussed in this article, the major difference in the pronunciation of the target vowel in RP and GA is the [r]-coloring of /ɜ:/ in the latter. It is unclear whether such a difference can account for the variation in the nativisation of the doublets in (11) but there is a handful of other borrowings in which /r/ is absent in the Russian version, as in the examples in (12). Furthermore, in those words, the original spelling of English /ɜ:/ is disregarded and the adapted variants are some sort of phonetic approximations.

- (12) E search → R sěč [sʲötɕ]
 E e-learning → R i-lěning [iˈlʲönʲɪnk]
 E impulse purchase → R impul's pečes [ˈimpulʲs ˈpjetɕʲɪs]

It is also worth commenting on how the target vowel is adapted in proper nouns. According to Jerzy Bartmiński and Izabela Bartmińska,⁴³ proper names have a strong tendency to retain their original spelling which enhances the recognition of such nouns. However, Laidler⁴⁴ demonstrates that the adaptation of such nouns in anglicisms in Russian often follows two distinct patterns. The author points out that spelling-based substitutions are common in toponyms whereas the original phonetic forms are more frequently retained in people's names. An explanation could lie in the way the two groups of borrowings enter the language. While place names are frequently borrowed in their written form (e.g. through maps), the latter is more likely to appear in the media these days allowing the borrowers greater exposure to their pronunciation.

If we have a look at some English place names adapted in Russian, it is immediately obvious that in the majority of them the substitution of English /ɜ:/ could have been affected by the original spelling of the word (which is also supported by the presence of /r/ in those toponyms), as the examples in (13a) demonstrate. However, those

and less frequently nowadays as Received Pronunciation (RP).

⁴³ J. Bartmiński, I. Bartmińska, *Słownik wymowy i odmiany nazwisk obcych*, PPU "Park", Bielsko Biała 1997.

⁴⁴ K. Laidler, *Adaptation of Interdental Fricatives in English Loanwords into Russian. Established versus Online Loans*, in: J. Szpyra-Kozłowska, M. Radomski (eds), *Phonetics and Phonology in Action*, Peter Lang, Berlin 2019, p. 63–90; K. Laidler, *From Jazz and Rap...*

toponyms in which the target vowel is not transliterated are considerably less numerous, as shown in (13b).

(13a)

E Perth → R Pert [p'ert]	E Selkirk → R Selkirk ['sɛlcirk]
E Derby → R Derbi ['derbi]	E Alberta → R Al'berta [ɛl'bertə]
E Sherwood → R Šervud ['ʃɛrvut]	E Berkshire → R Berkšir ['b'erkʃir]
E Amherst → R Amxerst ['amçi'rst]	
E Pittsburgh → R Pitsburg ['p'itsburk]	

(13b)⁴⁵

E Kirkby → R Kerbi ['cerbi]
 E Firth of Forth → R Fert-of-Fort ['fɛrt əf 'fort]
 E Piccadilly Circus → R Pikkadili-Serkus [p'ik:ɐ' dɪli 's'ɛrkus]

A similar picture emerges when a look is taken at some examples of brand names.

(14a)

E Whirlpool → R Uirpul [u'irlpul]	E Word → R Word [vort]
E Hershey → R Xerši [çerʃi]	E Herbalife → R Gerbalajf [jɪ'rbɐ'lajf]
E McFlurry → R Makfluri [mek'fluri]	E Virgin → R Virdžin ['virdžin]
E Burger King → R Burger King ['burgi'r cink]	

(14b)

E Burberry → R Barberri ['barbi'ri] / Bjurberri ['bürb'i'ri]

Perhaps an explanation similar to the one concerning toponyms can be proposed in the case of the examples in (14a) and (14b). Since the adaptors are likely to come across written forms of brand names regularly, they can be expected to apply transliteration conventions in their attempts to nativise such nouns.

However, an examination of people's names (both real and fictional) has shown a different pattern.

(15a)

E Irving → R Irving ['irviŋk]	E Kirk → R Kirk [cirk]
E Kurt → R Kurt [kurt]	E Shirley → R Širli ['ʃirli]
E Sherlock → R Šerlok ['ʃɛrlək]	E Bernard → R Bernard [b'ɪr'nart]
E Merlin → R Merlin ['mɛrlin]	E Albert → R Al'bert ['al'b'ɪrt]

⁴⁵ It is interesting to note that even though the adaptation of E /ɜ:/ in such toponyms is likely influenced by perception, the presence of the grapheme <g> in nativized variants points towards the influence of orthography.

(15b)

E Curtis → R Kërtis [ˈcörtis]

E Murphy → R Mërfi [ˈmörfi]

E Burton → R Bërtan [ˈbörtan]

E Burt → R Bert [bɛrt]

E Burnie Burns → R Bërne Berns [ˈbörnɪ ˈbierns]

It seems that when adapting people's names Russian speakers choose to transliterate English /ɜ:/ almost as frequently as they opt for a transcribed variant.⁴⁶ While the adaptors might be exposed to the pronunciation of some names in the mass media (especially those of people related to show business, politics, sport etc.), which would reinforce their phonetic adaptation as in the examples in (15b), there might be a strong tendency to simply transliterate others, as in (15a), especially when these are names of writers or fictional characters whose written form might be more familiar to Russian speakers than their actual pronunciation.

4. THE INFLUENCE OF ORTHOGRAPHY

So far, we have observed that in a number of borrowings there is a strong tendency to interpret E /ɜ:/ as a combination of English graphemes and simply transliterate them in Russian. Even though English and Russian employ different scripts, i.e. Latin and Cyrillic, the familiarity of the Russian speakers with the former allows them to convert one into the other with relative ease. In order to assess the degree of spelling interference, we should examine the adaptations against the orthographic variants of the source vowel which are summarised in Table 1 after Cruttenden.⁴⁷

	Examples	TF ⁴⁸	LF
<er>, <err>	<i>her, perfect, referred</i>	39%	54%
<ur>, <urr>	<i>burn, curl, spurred</i>	24%	24%

⁴⁶ Transliteration is understood as the process of adaptation based on a graphic principle, where English graphemes are substituted by the closest Cyrillic characters. Transcription is the process of graphic adaptation whereby phonemes of the source language are substituted with their closest equivalents in the recipient language.

⁴⁷ A. Cruttenden, *Gimson's Pronunciation...*, p. 135.

⁴⁸ TF and LF refer to text frequency and lexical frequency respectively.

<ir>, <irr>	<i>bird, girl, whirred</i>	18%	11%
<yr>, <yrr>	<i>myrrh, myrtle</i>		
<w+or>	<i>word, work, worth</i>	4%	17%
<ear>	<i>earl, earth, search</i>	8%	4%
<our>	<i>journey, courtesy</i>		

Table 1. Spelling variants of E /ɜ:/⁴⁹

According to the Russian transliterating conventions, the most common spelling variants presented in Table 1 should be interpreted in the following manner:

- (16) E <er> → R <er> → R [er]
 E <ur> → R <ur> → R [ur]
 E <ir> → R <ir> → R [ir]

When the data from Table 1 is placed alongside the most frequent adaptation patterns with respect to their spelling in Russian, the following picture emerges:

- (17) E <er> = 66% R <e> [e] = 59%
 E <ur> = 24% R <u> /u/ = 12%
 E <ir> = 14.5% R <i> /i/ = 9%

On the one hand, the adaptation of English /ɜ:/ as Russian [e], /u/ and /i/ might indeed be rooted in the original spelling of the target vowel and a similarly decreasing frequency of their occurrence in English and the adapted forms is probably not coincidental. However, in several examined loanwords, the adaptation of the target vowel is a clear phonetic rendition rather than transliteration, as in the examples in (18).

- (18) E sternpost → R starnpost ['starnpəst]
 E Starburst → R starbêrst [stər'bôrst]
 E curling → R kèrling ['kərl'ink]
 E shirting → R šerting ['šert'ink]
 E circuit → R serkit ['s'ercit]

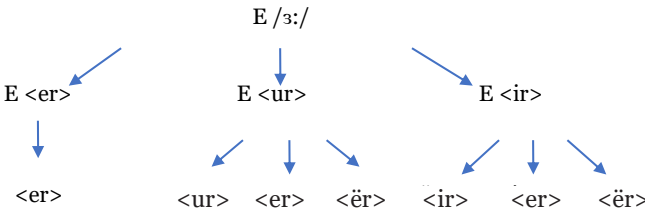
⁴⁹ A. Cruttenden, *Gimson's Pronunciation...*, p. 135.

To establish the exact number of loans in which the adaptation of English /ɜ:/ is likely to be a transliteration of the original variant, we have examined the words within each group of the most common E /ɜ:/ spellings, shown in (17), and established how many of them are adapted employing a similar combination of graphemes in Russian as opposed to the number of lexical items in whose nativisation the original orthography of the word was disregarded. The results are presented in Table 2.

E <er> →	E <ur> →	E <ir> →
R <er> = 98% R <ar> = 1% R <ë> = 1%	R <ur> = 38% R <er> = 26% R <ër> = 19% R <jur> = 7% R <or> = 6% R <ar> = 4%	R <ir> = 45% R <er> = 30% R <ër> = 16% R <or> = 4.5% R <èr> = 4.5%

Table 2. Adaptation rates with regard to most frequent spellings of E /ɜ:/

A few observations can be made based on Table 2. First, the most regular adaptation pattern (98%) is observed in the case of English /ɜ:/ spelled as the digraph <er> in the original form and realized as Russian [er] (<er>). The other common spellings, i.e. <ur> and <ir>, however, result in more variation with regard to the adapted vowels with only 38% and 45% of such loans respectively rendering a transliterated variant of the target vowel (Russian <ur> and Russian <ir>). Another striking observation is that while the transliterated adaptations do seem to be more frequent than others within each of the three groups in Table 2, English /ɜ:/ is very frequently adapted as either Russian <er> ([er]) or <ër> ([ör]), regardless of the original spelling of the target word. These nativization patterns can schematically be represented in the following way:

The examination of English loanwords containing /ɜ:/ clearly demonstrates that while some of them could indeed be the result of the Russian adaptors' attempt at transliterating the original combination of graphemes, there is a substantial number of borrowings where the spelling of the target vowel is disregarded and a phonetically closest match is selected instead.

5. THE IMPACT OF PERCEPTION

Loanwords do not enter a language through writing only. When borrowed in their spoken form, their shape is often determined by the adaptors' perception. In the previous section, we have observed that English /ɜ:/, can be adapted in many ways some of which are indeed attributable to the original spelling of the vowel. In other loans, however, its nativization goes against transliterating conventions that exist in Russian. It is therefore worth examining whether such substitutes are determined by the perception of English /ɜ:/ by Russian speakers. Toward this goal, an experiment was carried out whose results are discussed below.

The study was meant to discover how native speakers of Russian with no command of English perceive and subsequently adapt several English sounds absent from the Russian phonemic inventory. The list of 42 English words containing segments absent from Russian, including 10 items with English /ɜ:/ in different phonological contexts, was prepared by the experimenter and recorded by a male native speaker of Educated Southern British English. The recording was presented to one person at a time through headphones. Each word was read twice with a short pause between the consecutive items. The listeners had to write down the words they heard using the Cyrillic characters, which forced them to employ the written equivalents of the Russian sounds. Since the participants were not asked to pronounce the words, faulty production was not responsible for their versions, thus, a combination of perception and L1 phonology were at work in their adaptations.

The participants were 41 native Russian speakers of both sexes (27 females and 14 males), aged 35-65. The majority of them reported having obtained at least a Bachelor's degree. All the participants live in the eastern part of Ukraine, where Russian is the first language for the majority of the population. None of them had any command of English. The choice of the participants was dictated by the wish to avoid

the influence on their perception of the knowledge of English and the listeners' assumptions as to how the words might be pronounced.

The following results concerning words with English /ɜ:/ have been obtained.

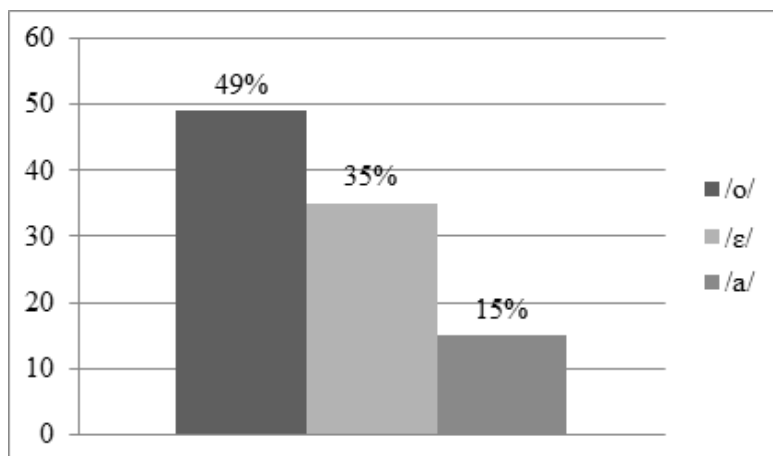

Figure 1. Adaptation of /ɜ:/ in online loans

The results of the experiment indicate that in almost half of the cases, the Russian speakers perceive English /ɜ:/ to be similar to Russian /o/ (49%), which in their adaptations is almost equally represented as either Russian <o> - [o] or <ë> - [ö] with the subsequent palatalization of the preceding consonant in the case of the latter. The second most frequent substitute is Russian /ɛ/ (35%), graphically represented by the participants mainly as Russian <e> (i.e. phonetic [e]). Finally, 15% of the listeners have chosen to substitute the target vowel with Russian <a> (phonetic [a]).

Let us now relate the results of the experiment to the adaptation facts of English /ɜ:/ concerning established anglicisms in the Russian language. If such borrowings were primarily perception-based, we would expect to observe a higher number of nativizations employing Russian /o/ followed by a somewhat lower rate of Russian /ɛ/-substitutions and occasional items with Russian /a/. However, in the integrated borrowings that were examined, Russian /ɛ/ (61.5%) is commonplace whereas Russian /o/ (15%) and /a/ (2.5%) are far less frequent. Perception is clearly not the major factor responsible for the adaptation of English /ɜ:/ in established loans.

However, it is interesting to note that the two most frequent substitutes, i.e. Russian /ɛ/ and /o/, are also the vowels that often ap-

pear in those established borrowings where the adaptation of the target phoneme is not the result of transliteration. It is clear why once a look is taken at their F1 and F2 values. The average formant values of [ɜ:] in the recordings used in the experiment are shown in (19).⁵⁰

$$(19) \quad F_1 = 594 \quad F_2 = 1381$$

As to F1 and F2 of the Russian vowels used as the substitutes of E /ɜ:/ by the subjects, the following average values are given by Leonov et al.:⁵¹

$$(20) \quad \begin{aligned} R /o/ &: F_1 = 555; F_2 = 1300 \\ R /a/ &: F_1 = 712; F_2 = 1300 \\ R [e] &: F_1 = 442; F_2 = 2237^{52} \end{aligned}$$

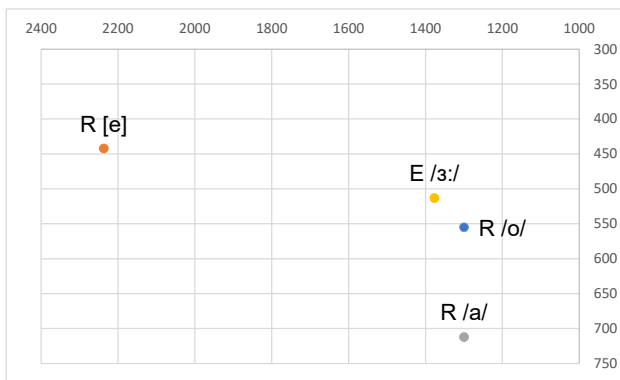

Figure 2. Average F1 and F2 values of E /ɜ:/ and R /o/, [e] and /a/

As illustrated in Figure 2, our British speaker's [ɜ:] is acoustically closest to Russian /o/. Thus, Russian listeners can be expected to perceive it more frequently as such, which is confirmed by the results of the online adaptation experiment. The second most common adaptation, i.e. Russian [e], differs from the target vowel substantially with regard to its F2 value. However, the two vowels' F1 frequencies are very close, which could explain why the listeners often identified and

⁵⁰ F1 and F2 values of the vowel produced by the British English speaker in the experimental items fall within the same range given by Cruttenden (2014, p. 104) for a male speaker of Standard British English variety: F1 513; F2 1377.

⁵¹ A. Leonov, I. Makarov, V. Sorokin, *Frequency Modulations in the Speech Signal*, "Acoustical Physics" 2009, no. 55, p. 876–887.

⁵² Since F2 values of R [e] and [ɛ] differ slightly, we have included the former since it more accurately corresponds to the vowel used by the participants in the online adaptation experiment.

adapted English /ɜ:/ as Russian [e]. The criteria for such markedness are clear if we take into account the fact that the articulation of consonants might have an impact on the vowel's F2 shape compared to the relative stability of the F1 value. Furthermore, the cross-linguistic primacy of the vowel height (F1) distinction in comparison to front/back (F2), which is found only in more complex systems, serves as an additional argument for the importance of the F1 value in the phonetic analysis of vowels. Hence, from the phonetic point of view, the best substitute for English /ɜ:/ is Russian /o/ whose F1 and F2 values are closest to the target vowel. The second-best choice is Russian [e] by virtue of sharing a rather similar F1 value with E /ɜ:/. Finally, Russian /a/ is a somewhat worse option of the three variants offered by the participants, yet its F1 and F2 are still close enough to those of English /ɜ:/ for the adaptors to identify it as such in 15% of cases. It could, however, be expected since, as pointed out by Cruttenden,⁵³ one of the characteristic features of CGB⁵⁴ is a slightly below mid-open realisation of /ɜ:/ which comes close to the usual pronunciation of GB /ɑ:/.

6. THE INFLUENCE OF PHONOLOGY

We have demonstrated in Section 3 that in established loans, English /ɜ:/ is most commonly replaced with Russian /ɛ/ (61.5%) followed by less numerous Russian /o/ and /u/ substitutions with 15% and 12% respectively. Of these three realizations, only Russian /o/ and /ɛ/ (most frequently pronounced with their allophones [õ] and [e]) was attested in the online experiment as well, which indicates that the choice of Russian /ɛ/ and /o/, at least in some items, in Russian anglicisms can be perceptually motivated.

It is, however, important to examine such adaptations further in order to see whether or not they might be determined by phonology as well. One of the approaches to loanword nativization briefly discussed in Section 2, i.e. the nativization-through-production view,

⁵³ A. Cruttenden, *Gimson's Pronunciation...*, p. 136.

⁵⁴ CGB or Conspicuous General British, according to Cruttenden (2014, p. 81), "is that type of GB which is commonly considered to be 'posh,' to be associated with upper-class families, with public schools and with professions which have traditionally recruited from such families, e.g. officers in the navy and in some army regiments." Thus, it is synonymous with RP and ESBE (Educated Southern British English).

predicts that a foreign segment will be replaced by the phonologically closest native equivalent. In terms of distinctive feature composition, this means that the best substitute is the one that requires a minimal alteration in its feature specifications. Table 3 shows relevant features of the target vowel as well as those of Russian /o/ and /ε/.⁵⁵ Russian /u/ is excluded from this analysis since there are strong arguments suggesting that its choice is determined exclusively by orthography.

	E / ɜ : /	R / ε /	R / o /
[h i g h]	-	-	-
[l o w]	-	-	-
[b a c k]	+	-	+
[r o u n d e d]	-	-	+

Table 3. Feature matrix for E /ɜ:/, R /ε/ and R /o/

From the feature matrix presented in Table 3, it is clear that both substitutes frequently attested in online adaptations as well as established borrowings share an equal number of distinctive features with English /ɜ:/. The substitution of /ɜ:/ with Russian /ε/ requires a change of [+back] to [-back] whereas the adaptation of the target vowel with Russian /o/ involves the alteration of the feature [rounded]. Since both modifications are equally minimal, their frequent choice in the online experiment is not surprising and a slight shift towards Russian /o/ in the data can be attributed to its F1 and F2 values being closer to English /ɜ:/ than in the case of Russian /ε/ and English /ɜ:/. On the other hand, Russian /ε/ in established loans while being both perceptually and phonologically motivated is also reinforced by orthography and hence prevails over other possible substitutes.

The phonological motivation behind the choice of the best vowel phoneme in place of English /ɜ:/ is clear. There is still, however, the question of the allophonic variation which can be observed in both data sets. As has already been mentioned, most Russian vocalic phonemes have two realizations whose occurrence depends on the palatalization, or lack thereof, of the preceding consonant. Therefore, it is interesting to see how the adaptation of the target vowel is linked to the [back] specification of the preceding consonant. While no clear tendencies have been established in the nativization of E /ɜ:/ in

⁵⁵ Seeing that tenseness plays no. role in Russian and can be of no. importance to the adaptation process, the feature is excluded from Table 3.

anglicisms, the influence of L1 phonology is evident in online loans. Taking into account that in the adaptations offered by the participants palatalized [-back] consonants are followed by either Russian [e] or [ö] whereas non-palatalized [+back] precede Russian [o], [ε] and [a], combining the data concerning the place of articulation of the consonants preceding the nativized variant of English /ɜ:/ shows a clear pattern.

(21)	[-back] consonant	
	70.5%	dental
	62.5%	bilabial
	23%	velar

The figures in (21) demonstrate that when a consonant is adapted by the listeners with a dental place of articulation, it is also palatalized in 70.5% of cases and English /ɜ:/ is adapted as a fronted allophone of either Russian /ε/ or /o/. Bilabial consonants are palatalized and followed by either Russian [e] or [ö] slightly less frequently (62.5%). Finally, the participants have shown a clear preference for non-palatalized velars and the use of either Russian /o/ or /a/ after them. As observed by Alan Timberlake,⁵⁶ in Russian, palatalization is inherent to the consonants with velars being more resistant to showing contrast for backness than labials and dentals. The latter, according to the author, exhibits such a contrast most readily.

(22) Susceptibility of consonants to palatalization in Russian:⁵⁷
dentals > labials > velars

The fact that the patterns in (21) and (22) coincide show the interference of the adaptors' L1 phonology on their choice of the optimal nativization of English /ɜ:/. While the decision about the best phoneme to substitute the target vowel with is firmly grounded in the phonological make-up of the available alternatives as well as their acoustic proximity to English /ɜ:/, the phonetic realization of the substitute vowels largely depends on the place of articulation of the preceding consonant. This pattern, however, has only been observed in online loans and not in established ones.

⁵⁶ A. Timberlake, *A Reference Grammar of Russian*, Cambridge University Press, Cambridge 2004.

⁵⁷ Ibid.

7. DISCUSSION AND CONCLUSION

The process of loanword adaptation is undoubtedly a complex one and a study of integrated borrowings is a challenging task considering the number of different factors that can affect this process. First of all, determining how a given item entered a language, i.e. through speech or writing, could potentially help to establish the degree of spelling interference in its adaptation. In practice, however, it is not always possible to answer this question with certainty. Moreover, words are adapted in more than one form which could exist side by side. Furthermore, the same adaptation can often be attributed to different factors making it rather difficult to establish with any confidence whether it is orthographically-, phonologically- or perceptually-based. The analysis of English /ɜ:/ adaptation in Russian anglicisms presented here demonstrates the complexity of the process which involves several determinants and cannot be ascribed to only one of them. In other words, we have attempted to demonstrate that many approaches to loanword adaptation are too simplistic in this respect as they do not take into account the whole range of rich and often contradictory nativization facts.

It has been shown that the nativization-through-production stance, briefly discussed in Section 2, predicts the adaptations to minimally depart from the target vowel phonologically. In terms of distinctive features, the two most frequent Russian substitutes employed to adapt English /ɜ:/ in anglicisms, i.e. Russian /ɛ/ and /o/, require minimal modifications of single features – [back] in the case of /ɛ/ and [round] in the case of /o/. Nevertheless, this approach cannot account for English /ɜ:/ → Russian /u/ as well as English /ɜ:/ → Russian /i/ substitutions, which amount to 12% and 9% of all loans. Furthermore, if the phonological make-up of the phonemes was a primary contributing factor in the choice of the best variant, we would expect to see a higher number of Russian /a/ in such borrowings (there are only 2.5% of these items) since it also differs from the target vowel with regard to a single feature.⁵⁸

The nativization-through-perception stance also predicts the occurrence of the two major Russian replacements of English /ɜ:/. The online adaptation data have demonstrated that the listeners frequently perceive English /ɜ:/ as Russian /o/ due to the vowels' F1

⁵⁸ The two vowels differ in their specifications for the feature [low].

and F2 falling within a similar range whereas the choice of Russian /ε/ (realized most commonly as [e]) could be determined by a small distance between the two vowels' F1 which might play a greater part in the identification of a vowel due to its relative stability compared to F2. The problem with this approach, however, is that just like the phonological stance it fails to account for English /ɜ:/ → Russian /u/ as well as English /ɜ:/ → Russian /i/ substitutions. Additionally, the results of the perceptual experiment suggest that the listeners are more likely to adapt English /ɜ:/ as Russian /o/ than /ε/. The analysis of established loans, however, has shown the exact opposite picture.

Finally, the role of orthography in the adaptation of English /ɜ:/ has to be pointed out. Even though English and Russian employ different scripts, i.e. Latin and Cyrillic, converting one into the other does not pose many difficulty to Russian speakers due to their familiarity with the former. Furthermore, the likelihood of spelling interference increases when the graphemes overlap in the two languages, for example, in the case of <e>. While certainly responsible for some adaptations, e.g. English /ɜ:/ → Russian /u/, English /ɜ:/ → Russian /i/ as well as certain instances of English /ɜ:/ → Russian /ε/, orthography alone cannot be viewed as underlying in numerous words where English digraphs <ur> and <ir> are adapted through Russian <er>, <ër> and <or>.

Regardless of the strong motivation for spelling-based adaptations, there are numerous examples in which it is overridden by perception, phonology or both.

(23)			E /ɜ:/	
R /ε/ = 61.5%	>>	R /o/ = 15%	>>	R /u/ = 12%; R /i/ = 9%
ORTHOGRAPHY		PERCEPTION		ORTHOGRAPHY
PERCEPTION		PHONOLOGY		
PHONOLOGY				

The most frequent adaptation variant is therefore motivated by all three forces whereas less common substitutes are backed only by phonology and perception or in the case of the least frequent ones by orthography exclusively. In addition, the influence of spelling, as overwhelming as it may seem at first glance, is in fact rather limited if such forms are not phonologically or perceptually close to the target phoneme.

The analysis carried out in this paper demonstrates that in order to account for English /ɜ:/ adaptation in Russian loanwords, a comprehensive approach should be taken in which all three contributing factors should be given due consideration. Unfortunately, neither phonological nor phonetic stance can single-handedly explain the patterns of nativization that were uncovered. This means that perhaps we should be concerned less with the question of whether the process of adaptation is phonetic or phonological in nature but rather aim to explore how exactly they interact with one another as well as with other grammar-external factors in the process of nativization.

REFERENCES

- Bartmiński, Jerzy; Bartmińska, Izabela. *Słownik wymowy i odmiany nazwisk obcych*. Bielsko Biala: PPU "Park", 1997.
- Boersma, Paul. *Functional Phonology: Formalizing the Interactions between Articulatory and Perceptual Drives*. The Hague: Holland Academic Graphics, 1998.
- Boersma, Paul; Hamann, Silke. "Loanword Adaptation as First-Language Phonological Perception." *Loan Phonology*. Calabrese, Andrea, and Wetzels, Willem L. Eds. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2009: 11-58.
- Brasington, Ron. "Cost and Benefit in Loanword Adaptation." *Working Papers in Linguistics*, 1997, no. 3: 1-19.
- Cruttenden, Alan. *Gimson's Pronunciation of English (8th edition)*. London, New York: Routledge, 2014.
- Daland, Robert; Oh, Mira; Kim, Syejeong. "When in Doubt, Read the Instructions: Orthographic Effects in Loanword Adaptation." *Lingua*, 2015, no. 159: 70-92.
- Dupoux, Emmanuel; Kazohiko, Kakehi; Hirose, Yuki; Pallier, Christophe; Mehler, Jacques. "Epenthetic Vowels in Japanese: A Perceptual Illusion?" *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1999, no. 25: 1568-1578.
- Dyakov, Anatolij. *Slovar' anglicyzmov russkogo jazyka*. Moscow: Flinta, 2021 [Дьяков, Анатолий. *Словарь англицизмов русского языка*. Москва: Флинта, 2021.]
- Hamann, Silke; Colombo, Ilaria E. "A Formal Account of the Interaction of Orthography and Perception. English Intervocalic Consonants Borrowed into Italian." *Nat Lang Linguist Theory*, 2017, no. 35: 683-714.
- Ingram, John C. L.; See-Gyoon, Park. "Language, Context, and Speaker Effects in the Identification and Discrimination of English /r/ and /l/ by Japanese and Korean Listeners." *Journal of the Acoustical Society of America*, 1998, no. 103: 1161-1174.
- Itô, Junko; Mester, Armin. "The Phonological Lexicon." *The Handbook of Phonological Theory*. Tsujimura, Natsuko Ed. Oxford: Blackwell, 1999: 62-100.
- Jacobs, Haike; Gussenhoven, Carlos. 2000. "Loan Phonology: Perception, Salience, the Lexicon and OT." *Optimality Theory. Phonology, Syntax and Acquisition*. Dekkers, Joost; v. d. Leeuw, Frank; v. d. Weijer, Jeroen. Eds. Oxford: Oxford University Press, 2000: 193-210.

- Kang, Yoonjung. "Perceptual Similarity in Loanword Adaptation: English Postvocalic Word-Final Stops in Korean." *Phonology*, 2003, no. 20: 219–273.
- Kenstowicz, Michael; Suchato, Atiwong. "Issues in Loanword Adaptation: A Case Study from Thai." *Lingua*, 2006, no. 116: 921–949.
- Knyazev, Sergej; Pozharitskaya, Sof'ja. *Sovremennyy russkiy literaturnyy jazyk: Fonetika, orfoèpija, grafika i orfografija: Učebnoe posobie dla vuzov*. Moscow: Gaudeamus, 2012 [Князев, Сергей; Пожарицкая, Софья. *Современный русский язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография. Учебное пособие для вузов*. Москва: Гаудеамус, 2012.
- Laidler, Kateryna. "Adaptation of Interdental Fricatives in English Loanwords into Russian. Established versus Online Loans." *Phonetics and Phonology in Action*. Szpyra-Kozłowska, Jolanta, and Radomski, Marek. Eds. Berlin: Peter Lang, 2019: 63–90.
- Laidler, Kateryna. *From Jazz and Rap to Dzhaz and Rep. Phonological adaptation of English loanwords in Russian*. Berlin: Peter Lang 2022.
- Leonov, A., Makarov, Ilya; Sorokin, Viktor. "Frequency Modulations in the Speech Signal." *Acoustical Physics*, 2009, no. 55: 876–887.
- Lin, Yen-Hwei. "Loanword Adaptation and Phonological Theory." *Proceedings of the 21st North American Conference on Chinese Linguistics (NACCL-21)*. Xiao, Yun. Ed. Smithfield, Rhode Island: Bryant University, 2009: 1–12.
- Mathieu, Lionel. "Orthographic Traces in Romanian and Japanese Loanwords: Enriching Phonological Representations." *Journal of Language Contact* 2012: 144–181.
- McCarthy, John J.; Prince, Alan. "Faithfulness and Reduplicative Identity." *University of Massachusetts Occasional Papers*, 1995, no. 18: 249–384.
- Molęda, Jacek. *A Comparative Study of Phonological Adaptations of Anglicisms in Czech and in Polish since the 1990s*. Racibórz: Wydawnictwo PWSZ w Raciborzu, 2011.
- Oh, Mira. "English Stop Adaptations as Output-to-Output Correspondence." *Onin Kenkyuu*, 2004, no. 7: 165–172.
- Paradis, Carole. "The Inadequacy of Faithfulness and Filters in Loanword Adaptation." *Current Trends in Phonology: Models and Methods*. Durand, Jacques, and Laks, Bernard. Eds. Salford: University of Salford Publications, 1996: 509–534.
- Paradis, Carole; LaCharité, Dariene. "Preservation and Minimality in Loanword Adaptation." *Journal of Linguistics*, 1997, no. 33: 379–430.
- Peperkamp, Sharon. "A Psycholinguistic Theory of Loanword Adaptations." *30th Annual Meeting of the Berkley Linguistic Society*. Berkley, CA: The Society, 2005: 341–352.
- Peperkamp, Sharon; Dupoux, Emmanuel. "Reinterpreting Loanword Adaptations: The Role of Perception." *Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences*. Solé, Maria-Josep, and Recasens, Daniel, and Romero, Joaquin . Eds. Barcelona: Casual Productions, 2003: 367–370.
- Prince, Alan, and Smolensky, Paul. *Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar*. Rutgers University, University of Colorado: Boulder, 1993/2004.
- Steriade, Donca. "The Phonology of Perceptibility Effects: the P-Map and its Consequences for Constraint Organisation." *The Nature of the Word: Studies in Honor of Paul Kiparsky*. Hanson, Kristin, and Inkelas, Sharon. Eds. Cambridge, MA: MIT Press. 2001/2008: 151–180.

- Szpyra-Kozłowska, Jolanta. "Input to Loanword Adaptation of Anglicisms in Polish." *Spotlight on Melody and Structure in Syntax and Phonology*. Bloch-Rozmej, Anna, and Bondaruk, Anna. Eds. Lublin: KUL, 2015: 305–329.
- Szpyra-Kozłowska, Jolanta. "Perception? Orthography? Phonology? Conflicting Forces Behind the Adaptation of English /ɪ/ in Loanwords into Polish." *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*, 2016, no. 52(1): 119–147.
- Timberlake, Alan. *A Reference Grammar of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Vendelin, Inga; Peperkamp, Sharon. "The Influence of Orthography on Loanword Adaptations." *Lingua* 2006, no. 116: 996–1007.
- Yip, Moira. "Cantonese Loanword Phonology and Optimality Theory." *Journal of East Asian Linguistics*, 1993: 261–291.

NINA D. AFANASJEWA (НИНА Д. АФАНАСЬЕВА)

 <https://orcid.org/0000-0002-9462-7706>

ANNA A. WASILJEWA (АННА А. ВАСИЛЬЕВА)

 <https://orcid.org/0000-0002-9064-8534>

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТА-МЕЖДУНАРОДНИКА

ACADEMIC DISCOURSE AS THE BASIS FOR THE ACADEMIC LITERACY OF THE INTERNATIONAL STUDENT

Professionally-oriented teaching of Russian as a foreign language to international students within the framework of the formation of academic literacy as an important factor of professional education is today an important and complex task since any scientific work should reflect the academic competencies of students. The purpose of this article is to investigate and generalize scientific approaches to the study of academic discourse, and to consider the structure and genre specifics of academic discourse. The set of exercises proposed by the authors contributes to the formation of the skills for writing a scientific text. The introduction of the system of exercises in the practice of teaching international students with a basic level of Russian language proficiency has confirmed its effectiveness, as evidenced by the positive results of the study.

Keywords: academic discourse, academic literacy, higher education, international student

ВВЕДЕНИЕ

За прошедшие несколько лет в сфере высшего образования произошли существенные изменения. Экономический, политический, социальный кризисы общества, снижение престижа образованности ставит ключевой задачей профессиональную подготовку специалиста. Модернизация образования связана с переходом от когнитивного подхода к компетентностному и для этого необходимы иное отношение к обучению, создание определённых условий, наполнение учебного процесса новым содержанием, использование различных методических техник обучения, обуславливающих необходимость обновления работником не только знаний, но и умений и навыков. Активизация

научно-исследовательской работы в вузах приводит к повышению публикационной активности студентов, аспирантов в высокоэффективных русских и зарубежных журналах. Однако навыки написания научного текста у студентов практически отсутствуют. С одной стороны, это объяснимо, так как большинство поступающих в вузы имеют только базовые знания иностранного языка. С другой стороны, в учебные программы не включена самостоятельная дисциплина, направленная на развитие навыков академического дискурса. Во многих учебных заведениях открываются консультационные пункты для студентов и аспирантов стремящиеся оказать помощь в написании научных статей, оформлении дипломных и диссертационных работ. Цель экспертов-консультантов

[...] развивать не только компетенции академической грамотности, связанные с риторикой и композицией научного текста, но и коммуникативные навыки, необходимые для обеспечения всего процесса публикации — от выбора журнала до переписки с редактором и рецензентами¹.

Студентам необходимо преодолевать трудности, так как в их учебном процессе ранее не присутствовала такая дисциплина, которая дала бы им умения и навыки поиска необходимых аргументов, оформления логического доказательства своей научной гипотезы, грамматически правильного оформления текста на русском языке.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обучение академическому дискурсу стало необходимостью в высшем образовании по нескольким причинам: во-первых, увеличение объема информации требует умения выделять важную составляющую; во-вторых, метод исследования и дальнейший критический анализ материала подменен методом простого копирования; в-третьих, внимание к академическому письму как ключевому академическому навыку в зарубежных странах осуществляется на основе текстовой деятельности. К тому же обнаруживаются значительные проблемы в международной научной коммуникации. Известно, что публикация статьи в престижном

¹ J. Bean, *Engaging Ideas: The professor's guide to integrating writing, critical thinking and active learning in the classroom*, Jossey-Bass 2001, с. 117.

журнале является обязательным требованием к отчетности по научным проектам. По сути, назрела необходимость в повышении академической грамотности студентов. Таким образом, для успешной интеграции специалистов в международную профессиональную среду необходимо усилить научно-исследовательскую деятельность в сфере написания проектных, дипломных работ, научных статей, тезисов докладов. Кроме того, Российская Федерация принимает активное участие в формировании единого мирового пространства системы высшего образования. С этой целью Россия присоединилась к Болонскому процессу (2003 г.). Стандартные требования к обучающимся в разных странах значительно расширяют их возможности получения или продолжения учёбы в различных высших учебных заведениях мира. Таким же образом Российская Федерация получила возможность экспортировать образовательные услуги в другие страны.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Изучение академического дискурса невозможно без осмысления теоретических проблем современной дискурсологии. Очевидно, в научной литературе представлены исследования, посвященные формированию дискурсивной компетенции, но четкого общепринятого определения до сих пор нет. Учитывая традиции других языков, определяя межкультурные различия дискурсов, учёные адаптируют дискурс собственного исследования.

Обращается особое внимание на качество подготовки современного специалиста, получающего высшее профессиональное образование, особое значение придаётся развитию академической грамотности, которая на современном этапе развития науки становится важным показателем развития профессиональной коммуникативной компетенции. Высшая школа выпускает молодых учёных, уже знакомых с основами научной деятельности, способных самостоятельно принимать решения, ответственно относящихся к своему труду. На сегодняшний день это основополагающий фактор западных университетов. Так, американская модель образования аккумулирует навыки самостоятельного, исследовательского письма. Декларация «Академическая грамотность» Межвузовского комитета академических сенатов калифорнийских университетов (ICAS) определяется как институ-

циональное требование к деятельности университетов². Молодой ученый способен писать и строить свое высказывание, критически мыслить и пользоваться информационно-коммуникационными технологиями³. Очевидно, что данные компетенции развиваются в рамках каждой дисциплины⁴, а формирование и дальнейшее развитие академической грамотности составляют одну из целей образования. Австралийский профессор Bill Green сформулировал три составляющие академической грамотности:

1) культурная грамотность, т.е. использование операциональных компетенций в профессиональном контексте;

2) операциональная грамотность, связанная с технологиями написания текстов и их интерпретация;

3) критическая грамотность, предусматривающая усвоение и практическое использование дискурсивных практик, предполагающая развитие умения оценивать и критически анализировать ресурсы, с помощью которых эти практики переносятся в профессиональную деятельность⁵. Становится очевидным, что языковая компетенция, устная или письменная коммуникация, способность перевести информацию в знание — фундаментальные комплексные умения западной образовательной среды.

Согласно российской системе образования функционально грамотным считается студент, который обладает способностью «решать проблемы учебной деятельности, стандартные жизненные проблемы, проблемы ориентации в система ценностей, проблемы подготовки к профессиональному образованию»⁶. Проблемы развития у обучающихся академической грамотности неоднократно рассматривались в трудах многих российских учёных. Так, например, профессор Ирина Б. Короткина, анализируя уровень грамотности руководителей высшего и среднего звеньев, отмечает наиболее важную причину низкого уровня — трудности

² *Academic Literacy: A Statement of Competences Expected of Students Entering California's Public Colleges and Universities*, Intersegmental Committee of the Academic Senates (ICAS), 2002.

³ <http://www.universityofcalifornia.edu/senate/reports/acadlit.pdf> (15.05.2021).

⁴ K. Hyland, *Academic Discourse: English in a Global Context*, Continuum, London 2009, с. 215.

⁵ B. Green, *The New Literacy Challenge*, «Literacy Learning: Secondary Thought» 1999, № 1, vol. 7, с. 36–46.

⁶ О. Е. Лебедев, *Управление качеством образования: сборник методических материалов*, РОССПЭН, Москва 2002, с. 36.

в освоении родного академического языка⁷. В работах исследователей Марии А. Лытаевой и Екатерины В. Талалакиной⁸ важность развития академической грамотности у иностранных обучающихся выражена довольно определённо. Они полагают, что у академических умений универсальный характер, так как, имея надпредметную природу, они могут быть использованы и в других предметах: «В рамках позитивистского подхода *academic skills* рассматриваются как измеримые черты, присущие индивиду, которые он способен переносить из одного контекста в другой»⁹. Безусловно, речь идет об академической грамотности.

Формируя, отрабатывая и доводя до автоматизма речевые академические навыки, необходимо уделять особое внимание письменному академическому дискурсу, так как с его помощью развивается способность анализа, выделения основной и второстепенной информации текста или высказывания, составления плана или тезисов, оформление письменного речевого высказывания по чёткой логической схеме. Авторитетный исследователь-дискурсолог проф. Людмила В. Куликова отмечает, что академический дискурс — это институциональный дискурс, он предполагает общение в определённых рамках статусно-ролевых отношений¹⁰. Не вызывает сомнения и тот факт, что в определение академического дискурса включается процесс речевого взаимодействия, неразрывно связанный со многими экстралингвистическими факторами (фоновыми знаниями, умением оформлять собственное высказывание, свою позицию в достижении цели, с ролевыми функциями вступивших в коммуникацию участников и пр.). Но, на наш взгляд, данный подход к определению не учитывает, что при письменном речевом взаимодействии участники коммуникации не вступают в непосредственный контакт. Единственная возможность полного взаимопонимания коммуникантов — одновременное использование ими общедоступного кода.

Британский учёный Кен Хайланд предлагает следующее определение термина академический дискурс:

⁷ И. Б. Короткина, *Грамотность в век информационных технологий: в поисках концептуального единства*, Образование и общество 2009, № 4, с. 125–129.

⁸ М. Лытаева, Е. Талалакина, *Academic skills: сущность, модель, практика*, «Вопросы образования» 2011, № 4, с. 180.

⁹ Там же.

¹⁰ Л. В. Куликова, *Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме*, КГПУ им. В. Г. Астафьева, Красноярск 2006.

Academic discourse refers to the ways of thinking and using language which exist in the academy. Its significance lies in the fact that complex social activities like educating students, demonstrating learning, disseminating ideas, and constructing knowledge, rely on language to accomplish¹¹.

Считаем необходимым добавить к этому определению цель, состоящую в профессиональном педагогическом общении, направленном на подготовку специалиста высокой квалификации. Таким образом, академическую грамотность можно определить как умение осуществления академического дискурса на базе профессионально ориентированных текстов и способности критического мышления для расширения знаний и приобретения определённых навыков. По сути, студент-международник должен уметь следовать речевым нормам каждого конкретного вида дискурса.

Итак, представим структуру академической грамотности в виде полевого образования, где ядром является академический дискурс, ближнюю периферию составляют научный, профессиональный и педагогический дискурсы, дальняя периферия включает в себя основные компоненты академической грамотности:

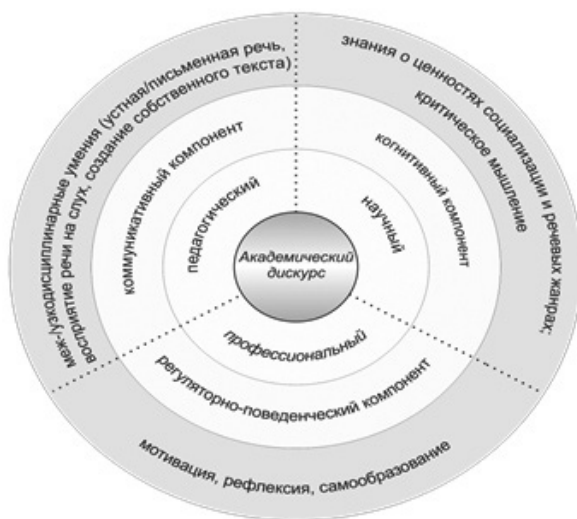

Схема 1. Структура академического дискурса

¹¹ K. Hyland, *Academic Discourse: English in a Global Context*, Continuum, London 2009, с. 78.

Таким образом, академический дискурс представляет собой организацию речевой деятельности и порождение текстов участниками определенной социальной группы. Следующий важный момент при изучении академического дискурса — определение его вида. Научный дискурс выявляет умения обучающихся в ходе полемики на научные темы прийти к определённым выводам и обосновать их. Дискурс педагогический тесно соединяется с процессом интеграции обучающегося в социальную среду с её моральными правилами, нравственными ценностями, знаниями и умениями. Профессиональный, предметно-ориентированный дискурс выполняет задачи профессиональной деятельности в различных видах работы: деловые переговоры, аннотирование статьи, создание аналитической справки по заявленной проблеме, дискурс теле-радиоинтервью и т.д. Академическая грамотность является метапредметной компетенцией, в её составе можно выделить три основных компонента. При коммуникативном компоненте необходимы развитые умения цитирования, создания письменных текстов, при котором важной частью является умение определить жанр текста и не нарушать особенности его написания, оформления, регуляторно-поведенческий учитывает самообразовательную компетенцию, когнитивный же основан на критическом мышлении.

Таким образом, обучение академическому письму нацелено на овладение профессиональными, учебно-познавательными и научно-исследовательскими компетенциями. Данный комплекс умений является ключевым компонентом академической грамотности.

ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Как известно, научный стиль — это система речевых и шире языковых средств, обслуживающих сферу науки. Взяв за основу традиционный подход к выделению устного и письменного жанра академического дискурса, представим их в виде семантического круга (см. схему на следующей странице).

Устный академический дискурс составляют такие жанры, как беседы, дискуссии, выступления с докладом на конференциях, симпозиумах, круглых столах, семинарах, выступление с презентацией, чтение лекций с сопроводительными объяснениями, а также защита квалификационной работы. В письменный академический дискурс входят следующие академические жанры:

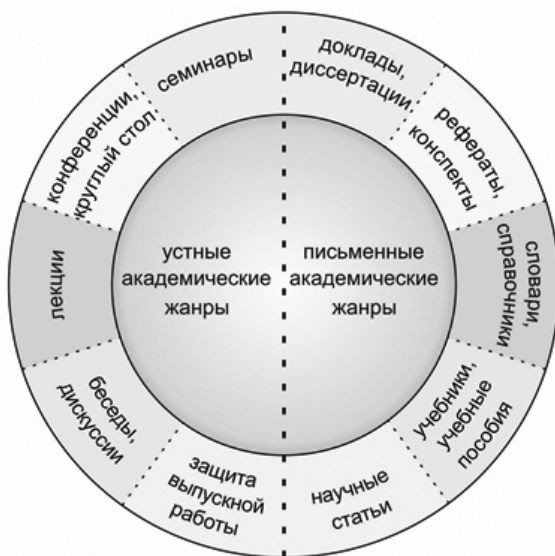

Схема 2. Структурная организация жанров академического дискурса

- научные: доклады, дипломные работы, диссертации;
- научно-справочные: словари и справочники;
- научно-учебные: учебные пособия;
- научно-информативные: рефераты, конспекты;
- научно-популярные: научные статьи, книги.

Традиционный подход к жанровой классификации объясняется логико-лингвистическими свойствами научных текстов. Стоит отметить, что каждый студент-международник должен уметь «вписать» свою точку зрения в уже существующую языковую картину мира. Отнесем профессионально-маркированные высказывания к дискурсивным формулам, поскольку специфика жанров академического дискурса состоит в тематике так называемых устойчивых выражений, используемых в рамках соответствующего жанра.

МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ДИСКУРСУ СТУДЕНТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ, ВЛАДЕЮЩИХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ НА УРОВНЕ А2–В1

Методические приемы, реализуемые в системе упражнений, ориентированы на формирование компетенций академического

письма на структурном, лингвистическом и паралингвистическом уровнях.

В своей работе мы используем как открытый тип заданий, так и закрытый. К упражнениям закрытого типа относятся идентификация, сравнение, выбор, группировка, ранжирование и проч. В данных упражнениях используется приём восстановления. Для лучшего запоминания, последовательно переходящего в лексический и грамматический навыки, студенту предлагается восстановить отдельные части предложения, или предложение фрагмента текста, или даже небольшую часть самого научного текста, где нарушен порядок изложения материала, или предварительно удалены языковые единицы. К упражнениям открытого типа мы относим творческие задания, поскольку они ориентированы преимущественно на содержание, но не на языковую форму.

Студенты нашего университета активно принимают участие в международных научно-практических конференциях. Вот некоторые из них: V, VI Международная студенческая научно-практическая конференция *Роль русского языка в международных отношениях*, организованная кафедрой русского языка МГИМО МИД России (2019, 2021); X юбилейная Международная студенческая конференция *Россия глазами молодых*, прошедшая в Тверском государственном университете (2021 г.); XVIII студенческая научно-практическая конференция *Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания*, состоявшаяся в РУДН (2021 г.). Участие в подобных конференциях — возможность презентовать себя, свои исследования, профессиональные и личностные качества, а также возможность опубликовать свою статью в печатном или электронном сборнике материалов конференции. Очевидно значение подобных мероприятий в формировании личностных качеств студентов и роста их профессионального самосознания. В работе конференций принимают участие студенты различных специальностей (юристы, экономисты, журналисты и др.). Преподаватели нашей кафедры разработали систему упражнений по подготовке студентов к написанию научной статьи. Предложенная нами система упражнений рассчитана на студентов с базовым уровнем общеязыковых компетенций. Обратимся к упражнениям.

Упражнение 1. Объясните, в каком порядке должны быть расположены разделы научной статьи:

заключение, основная часть, введение, аннотация, ключевые слова

Упражнение 2. Соотнесите разделы со следующими конструкциями:

Разделы	Конструкции
1) заключение	1) Обзор научной литературы показал...
2) основная часть	2) Результаты, приведенные в этой статье, показывают...
3) введение	3) Необходимо провести дополнительные исследования...
4) аннотация	4) В данной статье рассматриваются (анализируются)...
5) ключевые слова	5) Русский язык, культура речи, инновационные технологии
	6) Проблемы развития культуры научной речи России — предмет пристального внимания исследователей
	7) Теоретическую базу составили следующие труды...

Упражнение 3. Изучите модель научной статьи. Обратите внимание на ее основные части.

Заглавие	
	автор(ы), аффилиация, адрес
Аннотация	— предмет и цель обучения — методы исследования — результаты
Ключевые слова	опорные слова
Введение	— важность исследования — исторические предпосылки — недостаток знаний — цель
Основная часть	— описание методов и приемов — проведение эксперимента — результаты эксперимента — оценка результата
Вывод	— описание значимости результатов — рекомендации для дальнейшего изучения
Библиографические ссылки	

Упражнение 4. Назовите следующие части научной статьи в соответствии с приведенной выше структурой. Найдите лингвистические маркеры этих частей. Расположите части научной статьи в правильном порядке.

1) В последние годы было проведено большое количество исследований, посвященных особенностям речевого поведения мужчин и женщин в повседневном, политическом, рекламном и научном дискурсе. Особое внимание традиционно уделяется формированию гендерных стереотипов в дискурсе средств массовой информации. Однако анализ новостного текста, написанного мужчиной или женщиной, по-прежнему остается относительно малоизученной темой. В настоящей статье утверждается, что гендерная маркированность новостных текстов зависит от социальных, культурных, а также психологических факторов восприятия событий авторами-мужчинами и авторами-женщинами.

2) В соответствии с поставленными задачами в работе применялись следующие методы исследования: метод контекстуального анализа; описательный метод с его основными компонентами (наблюдение, интерпретация и обобщение); метод дискурс-анализа; лексико-семантический, синтаксический и стилистический анализ текстов.

3) Настоящая статья посвящена социолингвистическому анализу дискурса СМИ и его гендерной специфике. Раскрываются социокультурные факторы и психологические особенности, влияющие на речеобразующую психическую деятельность мужчин и женщин-авторов новостных текстов. В статье была предпринята попытка описать и классифицировать лингвистические параметры газетных текстов, написанных авторами мужского и женского пола. Особое внимание авторы уделяют гендерному анализу структурных, содержательных и стилистических аспектов новостных текстов.

4) Гендерные исследования, дискурс, СМИ, новостной текст.

5) Гендерный дискурс-анализ новостного текста.

6) Для анализа восприятия новостного текста авторов-мужчин и авторов-женщин мы провели социолингвистический эксперимент. Нами было предложено определить пол автора после прочтения шести гендерно-нейтральных новостных текстов о бедствиях в разных частях мира. 100 новостных текстов были отобраны путем случайной выборки из газет («АиФ», «Известия», «Коммерсант»), опубликованных в период с 2015 по 2020 гг. Результаты эксперимента показали, что пол авторов был правильно определен 84 случаях.

7) Городникова М.Д. *Гендерный фактор и распределение социальных ролей в современном обществе (на материале брачных объявлений) // Гендерный фактор в языке и коммуникации: сб. науч. тр. Мос. гос. лингв. ун-та. Вып. 446. Москва, 1999. С. 36–44.*

Дударева А.А. *Рекламный образ. Мужчина и женщина.* РИП-холдинг, Москва 2002. 222 с.

Кирилина А.В. *Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации, «Кавказоведение» 2002. № 2. С. 134–141¹².*

¹² Библиографические данные даются согласно стандартам, принятыми в России. .

Подобные упражнения стимулируют речемыслительную деятельность, мотивируют студентов понимать закономерности функционирования языковых единиц, уметь их комбинировать. Необходимо отметить, что все задания объясняются на русском языке, что позволяет студентам адекватно усваивать информацию, которая помогает в написании научного текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Письменная научная речь включает в себя сложное коммуникативное умение, связанное с определением цели написания текста, отбором языковых средств, тезаурусом профессиональной среды, аргументированностью изложения материала. Результаты показывают, что студенты-международники владеют базовыми принципами построения научного текста, корректно используют метакоммуникационные, лексико-грамматические и синтаксические средства при построении академического дискурса, адекватно разделяют текст на абзацы и, наоборот, грамотно оформляют абзац, используя слова-маркеры, оформляют библиографию, ссылки в соответствии с требованиями, принятыми ГОСТом. Формирование основ академического дискурса способствуют развитию общекультурных компетенций, личностному и профессиональному росту. Безусловно, особенности академического дискурса должны быть включены в содержание обучения.

REFERENCES

- Academic Literacy: Statement of Competences Expected of Students Entering California's Public Colleges and Universities*. Intersegmental Committee of the Academic Senates (ICAS), 2002.
- Bean, John. *Engaging Ideas: The professor's guide to integrating writing, critical thinking and active learning in the classroom*. Jossey-Bass 2001.
- Intersegmental Committee of the Academic Senates of the California Community Colleges*. The California State University, and the University of California <<http://www.universityofcalifornia.edu/senate/reports/acadlit.pdf>>.
- Hyland, Ken. *Academic Discourse: English in a Global Context*. London: Continuum, 2009.
- Green, Bill. "The New Literacy Challenge?" *Literacy Learning: Secondary Thoughts*, 1999, no. 1, vol. 7: 36–46.
- Lebedev, Oleg. *Upravleniye kachestvom obrazovaniya: sbornik metodicheskikh materialov*. Moskva: РОССП·ЕН, 2002 [Лебедев, Олег. *Управление качеством*

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС...

- вом образования: сборник методических материалов. Москва: РОССПЭН, 2002].
- Korotkina, Irina. "Gramotnost' v vek informatsionnykh tekhnologiy: v poiskakh kontseptual'nogo yedinstva." *Obrazovaniye i obshchestvo*, 2009, no. 4: 125–129. [Короткина, Ирина. "Грамотность в век информационных технологий: в поисках концептуального единства." *Образование и общество*, 2009, no. 4: 125–129].
- Lytayeva, Mariya, and Talalakina, Yekaterina. "Academic skills: sushchnost', model', praktika". *Voprosy obrazovaniya*, 2011, no. 4 [Лытаева, Мария, and Талалакина, Екатерина. "Academic skills: сущность, модель, практика". *Вопросы образования*, 2011, no. 4].
- Kulikova, Lyudmila. *Kommunikativnyy stil' v mezhkul'turnoy paradigm* Krasnoyarsk: KGPU im. V. G. Astaf'yeva, 2006. [Куликова, Людмила. *Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме*. Красноярск: КГПУ им. В. Г. Астафьева, 2006].

R E C E N Z J E

ALEKSANDRA SZYMAŃSKA

 <http://orcid.org/0000-0002-3380-5396>

Uniwersytet Łódzki

Тюнде Сабо, *Статьи по поэтике Л. Улицкой*,
Москва: Издательство «ФЛИНТА» 2022, 260 с.

В книге Тюнде Сабо — венгерского специалиста по творчеству Людмилы Улицкой — собраны статьи, опубликованные в период с 2016 по 2021 год в разных научных изданиях. Методологически их объединяет подход к литературному произведению как к сложно организованному семиотическому пространству. В произведениях Улицкой исследовательницу интересует в первую очередь антропологический аспект. Книга состоит из четырех глав, в каждую из которых вошло от трех до пяти статей. В них анализируются основные произведения Улицкой: *Сонечка*, *Веселые похороны*, *Казус Кукоцкого*, *Искренне ваш Шурик*, *Даниэль Штайн, переводчик*, *Зеленый шатер*, *Лестница Якова*. В каждой главе автор книги находит новый аспект, расширяющий пространство исследования. Первая глава посвящена герою и структуре сюжета, вторая — художественному творчеству героев, третья — интертекстуальным связям, заключительная — проблеме трансгрессии. Такая широта тем и проблем позволяет глубоко и всесторонне исследовать поэтику Улицкой.

В первых пяти статьях внимание сосредоточено на взаимосвязи героя и структуры сюжета. Подчеркивается новаторская композиция произведений писательницы, в которых герои — носители композиционных функций. В статье, открывающей книгу, Сабо размышляет о рецепции творчества Улицкой. По мнению исследовательницы, интерес критиков к творчеству писательницы объясняется женским дискурсом. Между тем в произведениях *Казус Кукоцкого*, *Искренне ваш Шурик*, *Даниэль*

Штайн, переводчик, Лестница Якова главными героями, как следует из заглавий, являются мужчины. Этот факт заставляет задуматься над принципами создания героев.

Сабо отмечает, что основной принцип создания главного героя в романах Улицкой — биографизм. Причем акцент делается на профессиональной и межличностной сферах построения героя. Его судьба представлена в двойной перспективе — генеалогической и бытовой, с которыми тесно связаны координаты времени. Время в романах, с одной стороны, биографическое, индивидуальное, с другой — историческое. Исследуется вопрос о принадлежности героев к классическим или романтическим характерам (по терминологии Михаила Бахтина). Автор книги замечает, что большое количество биографий в романах Улицкой приводит к дегероизации, к релятивизации статуса героя.

Предмет внимания во второй статье — роман *Зеленый шатер*, а точнее система его персонажей. Анализируя взаимоотношения героев, Сабо пытается выявить поэтический и социологический принципы в изображении советских шестидесятников. Отмечается, что, несмотря на фрагментарность сюжета и отсутствие в нем единства времени, все герои взаимосвязаны. Для выявления их отношений Сабо предлагает метод анализа социальных сетей (*social network analysis*). Благодаря этому методу, исследовательница приходит к выводу о единстве романного мира, которое задается социальной сетью персонажей. Это позволяет определить взгляд Улицкой на героев как социологический — сосредоточенный не столько на персонажах, сколько на их взаимодействии. Вместе с тем сплетение судеб отдельных героев приобретает символические значения, которые релевантны только с точки зрения поэтики. В частности, одна из основных идей *Зеленого шатра*, по мнению Сабо, — изображение органической связи с литературой Серебряного века. Непрерывность литературной традиции проявляется в системе центральных персонажей романа, каждый из которых воплощает одно из трех основных течений Серебряного века.

Анализ романа *Веселые похороны* приводит исследователя к обобщению — состояние умирающего Алика становится метафорой положения русских эмигрантов в Нью-Йорке, а также характеристикой эпохи. За водевильной жизнью русской диаспоры в американской столице стоит сложный историко-культурный процесс — смена парадигм.

Обстоятельно анализируются в книге две героини с именем Таня. Одна — персонаж романа *Казус Кукоцкого*, другая — повести *Сонечка*. Концепция любви в этих произведениях противопоставляется взглядам на любовь Толстого. По мнению исследовательницы, Улицкая полемизирует с авторитетным предшественником, обнаруживая в *Казусе Кукоцкого* переключку с представлениями о любви Гёте. Как замечает Сабо, во взаимоотношениях героев воссоздана сюжетная схема романа Гёте *Избирательное сродство*. Та же схема обнаруживается и в ранней повести Улицкой *Сонечка*.

Первую главу книги завершает статья, посвященная образам ученых в романах *Казус Кукоцкого*, *Зеленый шатер* и *Лестница Якова*. Благодаря биологическому образованию писательницы, естественнонаучная топика усиливает референциальный аспект ее произведений. Однако беседы героев выходят далеко за пределы естественных наук и коренятся в культурной традиции (сократический диалог). Анализ текстов позволяет прийти к выводу, что, помимо актуализации жанрового кода сократического диалога, персонажи-ученые продолжают традицию образа Дон Кихота в ее многочисленных вариациях. Это одно из свидетельств того, что романы Улицкой вписываются в европейскую литературную традицию.

Вторую главу книги составили три статьи, в которых рассматриваются произведения, созданные героями Улицкой. Как утверждает Сабо, эти экфрастические фрагменты создают вторичные семиотические пространства, расширяя представления писательницы о человеке. В романе *Даниэль Штайн, переводчик* использован прием «религиозного экфрасиса», в процессе которого раскрывается «тайна» матери Иоанны и иконы *Хвалите Господа с небес*. Если эпизод с описанием иконы воспринимать без знания о его прототипе (Юлия Николаевна Рейтлингер), то сестра Иоанна покажется незначительным персонажем. Напротив, если в этом образе видеть Юлию Рейтлингер, то неизбежна «аккумуляция смыслов».

Во второй статье внимание сосредоточено на музыкальных элементах и их функции в художественном мире *Зеленого шатра*. Обосновывается мысль о том, что в основе мировосприятия героя лежит музыка. Она обнаруживает свое присутствие на разных уровнях текста. Сабо фокусирует внимание на реалиях окружающего мира, восприятии героями концертов, интерпре-

тации отдельных музыкальных произведений, интермедийной связи с произведением Рахманинова.

В заключительной статье раздела предметом внимания становятся театральные эпизоды в романе *Лестница Якова*. Театральный контекст имени Нора, отсылающий к драме Ибсена *Кукольный дом*, придает героине Улицкой особый смысл. Ее родословная связана не только с Яковым, но и посредством литературы — с Ибсеном. В романе описан процесс становления Норы как писателя. Благодаря совместной с Тенгизом работе над спектаклями, у героини формируется антропологическое видение драматургического материала. Примером может быть *Король Лир* Шекспира. Для его интерпретации Нора использует различные источники, включая новозаветный сюжет *Преображение Христова*, иконы, концепцию Николая Бердяева об одухотворенности материи, театральные идеи Гротовского и Крэга, трактат Толстого *О Шекспире и о драме*. Анализ отдельных эпизодов романа приводит исследовательницу к выводу о гиперриторической структуре («текст в тексте»), которая создает сложное семиотическое пространство.

В третью главу вошли работы, раскрывающие связи произведений Улицкой со знаковыми текстами XIX и XX веков. В первой статье рассматривается связь романа *Лестница Якова* с *Доктором Живаго* Пастернака. Сабо отмечает эпический характер хронотопа обоих произведений, их автобиографичность, а также связь личной судьбы героев с судьбой страны, встраивание произведений другого искусства в текст романа, прямые отсылки к стихотворениям Живаго и др. Интертекстуальная связь *Лестницы Якова* с романом Пастернака разворачивается как сложная система, охватывающая разные уровни текста. В следующей статье *Зеленый шатер* сопоставляется с *Бесами* Достоевского. Предметом сравнительного анализа становятся структурные особенности сюжета и система персонажей, переключки на тематическом уровне, прототипы героев, общественно-историческая проблематика, метафорика. Исследовательница приходит к выводу о проницаемости границы между литературой и действительностью. В статье, завершающей раздел, Сабо показывает, как поднятая Достоевским в *Подростке* тема «случайного семейства», развиваясь в *Безотцовщине* Чехова, модифицируется в романе Улицкой *Искренне ваш Шурик*.

Заключительные три статьи объединены проблемой трансгрессии — пересечения антропологических и семиотических границ. Сабо обращается к теме мистицизма в творчестве Улицкой. Эта тема тесно связана с смертностью. Наиболее характерным выражением мистического опыта героев становится проницаемость границы между мирами. Для определения характера этой границы в плане поэтики Сабо обращается к концепции Цветана Тодорова о фантастическом в литературе. Теоретической основой следующей статьи послужила концепция о других пространствах Мишеля Фуко. В этой связи роман *Даниэль Штайн, переводчик* рассматривается как гетеротопический текст. Сабо анализирует важнейшие гетеротопии в жизни героя, в том числе литературные. Анализ показывает, что гетеротопии разного типа выполняют в романе Улицкой важную структурообразующую функцию. В финальной статье рассматриваются случаи трансгрессии — одна из ключевых философско-антропологических категорий постмодернизма. По мнению исследовательницы, трансгрессия в произведениях Улицкой осуществляется на трех уровнях: в изображаемом «реальном» мире, как художественное творчество героев, на уровне авторской концепции.

Книга Тюнде Сабо представляет собой нетривиальный и проницательный взгляд на творчество Людмилы Улицкой, основанный на подробном анализе ее поэтики. Внимание исследовательницы к культурным кодам, интертекстуальности позволяет воспринимать автора как наследницу русской и европейской культурной традиции. Книга опирается на солидную научную базу, характеризуется актуальностью подхода и предназначена студентам, аспирантам, преподавателям-филологам.

IRENA SAWICKA

<http://orcid.org/0000-0003-1426-8211>

Instytut Sławistyki PAN

Jakub Walczak, *Fonetyka rosyjska. Praktyczny przewodnik po wymowie i intonacji z ćwiczeniami*, PWN, Warszawa 2018, 149 s.

Fonetyka rosyjska jest podręcznikiem wymowy rosyjskiej. Ale tytuł *Fonetyka* nie bardzo pasuje do niego — żadnych objaśnień fonetycznych w niej nie ma. Autor wybrał te rosyjskie konteksty fonetyczne, których wymowa, jego zdaniem, jest inna niż w polskim, i nie wdając się nadmiernie w objaśnienia artykulacyjne, wskazał, jak je należy wymawiać. Do tego dołączono kilka ćwiczeń, polegających głównie na powtarzaniu trudnych kontekstów. Przy okazji przemycił też parę pozafonetycznych ćwiczeń (niektóre dziwne, jak np. zapamiętywanie nazw przypadków rosyjskich, s. 48).

Podręcznik wydaje się pożyteczny.

Nie jest moją intencją krytyka tej książeczki, ale przy okazji chciałabym się zastanowić nad przydatnością podobnych podręczników do praktycznej nauki języka rosyjskiego. Może czas już odejść od pewnych schematów?

Podręczniki do praktycznej nauki języka obcego można, najogólniej, zgrupować w dwa typy:

1. Tradycyjne, wprowadzające stopniowo słownictwo i gramatykę. Zwykle składają się one z tekstu, objaśnień gramatycznych, ćwiczeń i słowniczka. Mają uniwersalne zastosowanie i są skuteczne.

2. Wprowadzające zwroty językowe bez objaśnień, na zasadzie utrwalania, poprzez częste powtarzanie. Te też są skuteczne, ale już nie dla każdego — uczniowie, którzy rozumieją strukturę gramatyczną, lepiej zapamiętują, szybciej przyswajają sobie język, jeśli otrzymają objaśnienie reguły gramatycznej.

Fonetyka rosyjska należy raczej do drugiego typu, chociaż pewne objaśnienia wymowy wprowadza. Autor kontynuuje notoryczne prak-

tyki rusycystyczne, stosowane w procesie nauczania języka rosyjskiego. Językoznawstwo światowe rozwija się, powstają nowe teorie, z których wybierane są te najskuteczniejsze dla zrozumienia mechanizmów językowych. W Rosji tzw. twarde językoznawstwo stoi w miejscu. Jeżeli się mylę, jeżeli jednak coś sensownego powstaje, to nie przenika do praktyki nauczania języka rosyjskiego. Nie przenikają nawet niektóre osiągnięcia lat sześćdziesiątych–osiemdziesiątych. Skutek tego jest po pierwsze taki, że niektóre ważne problemy wymowy rosyjskiej są pomijane, ale także i taki, że terminologia gramatyczna stosowana w podręcznikach do nauki języka rosyjskiego jest hermetyczna i niekompatybilna ani z terminologią gramatyczną polską, ani światową. Jest to też cecha tego podręcznika, chociaż terminologii w niej nie ma dużo. Ale to co jest, jest co najmniej dziwne. Na przykład termin „syntagma” stosuje się tu w znaczeniu „zdanie”, m.in. na s. 127, gdzie zdania złożone (np. *Она поспорила с ней и она вышла из дому*) nazywane są wielosyntagmowymi. No tak, właściwie to prawda, bo większość zdań, w tym pojedynczych, składa się najczęściej przynajmniej z dwóch syntagm — frazy (grupy) nominalnej i frazy werbalnej. Innym dziwnym terminem rosyjskim jest „subiekt” — nigdy nie wiem, co on w konwencji rusycystycznej nazywa — agensa czy podmiot? Subiekt tutaj na szczęście się nie pojawił. Pojawił się natomiast szkolny termin „akcent logiczny” (s. 49 pass.). Autor stosuje go dla oznaczenia tematu wypowiedzi. Wyrażenie „rytmika” jest żywcem przejęte z rosyjskiego (zresztą nie tylko przez tego autora). Po polsku ten wyraz oznacza rodzaj ruchowych zajęć umuzykalniających dla dzieci lub całokształt zjawisk rytmicznych w utworze muzycznym. Powinno być „rytm językowy”.

Rusycyści na świecie stanowią ogromne, potężne środowisko naukowe, ale bardzo hermetyczne — właśnie dlatego, że kiszą się głównie we własnym sosie i zwykle w kręgu bardzo wąskiej tematyki. Za taki stan rzeczy odpowiedzialne są nie tylko ich indywidualne wybory, ale także właśnie uprawiane teorie, terminologia, jak również transkrypcja — izoluje ich to od trendów światowych. Jeśli ktoś wychodzi poza te ramy, włącza się automatycznie w kręgi językoznawstwa światowego i zaczyna się poruszać w innych realiach. Niestety pozostaje to bez żadnego wpływu na praktykę nauczania języka rosyjskiego. To sprawia, że z naszych czy rosyjskich podręczników nie mogą w pełni skorzystać uczniowie przyzwyczajeni do innej terminologii — nie wiem czy lepszej, ale bardziej powszechnej.

Inną sprawą, nad którą warto się zastanowić, jest transkrypcja. Warto już przejść na alfabet łaciński i raczej nie na tzw. transkryp-

cję slawistyczną, ale na międzynarodową. Slawiści na całym świecie powoli zaczynają korzystać z IPA. Także młodszy poloniści. Niestety autor omawianego podręcznika z żadnej z nich nie stosuje. Podchodzi do kwestii zapisu w sposób uproszczony, korzysta głównie z konwencji rosyjskiej ortografii, a zamiast kursywy (którą konwencjonalnie zapisujemy formy ortograficzne) używa druku pogrubionego.

Przy okazji liczne sformułowania utrwala u studentów przekonanie, że litery się wymawia i że „głoska” to to samo co „litera”.

Transkrypcja nigdzie nie została objaśniona. Tam, gdzie pojawiają się zapisy fonetyczne (w nawiasach kwadratowych), brak konsekwencji. Polskie wyrazy zapisywane są łacinką, systemem opartym na polskiej ortografii, a rosyjskie — cyrylicą. Zdarzają się zresztą błędy, np. [słotki] (s. 10) — można by sądzić, że w polskim wymawia się jeszcze zębową spółgłoskę laterałą. A jeśli to zapis celowy, to uczeń może sądzić, że rosyjski ekwiwalent wymawiamy tak samo, jak polskie *ł*. Na tej samej stronie autor twierdzi, że uczący się „[...] w sposób naturalny podstawiają [...] głoski zbliżone pod względem miejsca artykulacji [...] polskie *ł* w miejsce rosyjskiej głoski *л* [...]”. Otóż nie, rosyjską literę *л* (oczywiście nie głoskę) polscy uczniowie wymawiają zwykle jako [w] ([u]), ponieważ w językach tak blisko spokrewnionych silniejsza jest ekwiwalencja morfonologiczna niż fonologiczna.

Stosowana czasem konwencja transkrypcji fonetycznej oparta na cyrylicy jest typowa dla rosyjskich zapisów morfonologicznych, a dla nas dziwna, por. np. [тв'орды...] (s. 15). Gdzie mamy [j] a nie [й].

Kilka kontrastywnych problemów rosyjskiej fonetyki autorowi umknęło. Znalazłam też parę nieścisłości. Tak więc, realizacja rosyjskiego akcentu jest inna niż polskiego. O tym, ani słowa. Nie ma też mowy o rosyjskiej sylabicznej wymowie spółgłosek płynnych w niektórych pozycjach, diametralnie różnej od polskiej wymowy płynnych w analogicznych kontekstach. *Notabene*, wiąże się to z niezauważoną przez autora różnicą w realizacji sandhi polskiego i rosyjskiego. Na s. 26 o wymowie dziaśłowych szczelinowych autor pisze: „Spółgłoski twarde szczelinowe **ж** i **ш** mają tę samą charakterystykę, co spółgłoski **ż** i **sz** w języku polskim” — cóż, nie jest to prawda. Nie ma też ani słowa o afrykacyzacji miękkich zwartych okluzywów. W rosyjskich gramatykach taka wymowa notorycznie opisywana jest jako miękkość. Wprawdzie wymowa [tʲ], [dʲ] (w konwencji autora zapewne [tʲ] i [dʲ]) występuje w rosyjskim, ale nie jest to wymowa elegancka. Wiedza o możliwości wymowy z afrykacyzacją uchroniłaby uczniów przed wstawianiem joty po niektórych miękkich spółgłoskach, przed czym

zresztą autor przestrzega (s. 34). Nie jest prawdą, że rosyjski kontekst *pu* wymawiany jest tak samo jak polskie *ri* (s. 46). Reguły udźwięcznień i ubezdźwięcznień są omówione tylko częściowo, ponieważ, jak twierdzi autor są (z wyjątkiem jednego kontekstu), takie same jak w polskim. Otóż niekoniecznie. Najwyraźniej autor pochodzi z Polski północno-wschodniej i nie jest świadom tego, że tam, gdzie mieszka mówi się inaczej.

Jak wielu polskich nauczycieli języka obcego autor zwraca uwagę przede wszystkim na wymowę spółgłosek. W podręczniku zabrakło jednak spraw podstawowych. Generalnego zdefiniowania rosyjskiej bazy artykulacyjnej, która nadaje wymowie specyficzne brzmienie — stoi za tym labializacja, welaryzacja, apikalizacja — te cechy najlepiej uwidaczniają się w wymowie rezonantów. Autor wspomina o wymowie nieakcentowanych samogłosek, ale ani słowa nie poświęcił tym samym samogłoskom akcentowanym, których wymowa diametralnie różni się od polskiej (labializacja w wymowie [o], której w polskim [ɔ] nie ma, i silna welaryzacja w wymowie [ɑ]).

Zdarzają się też drobne pomyłki, jak np. *jabłoko* zamiast *jabłko* (s. 21), albo dziwaczne sformułowanie „suxar filologiczny” (?) (s. 61).

Na tle licznych niedostatków dotyczących fonetyki segmentalnej dość dobrze prezentuje się intonacja. A to dzięki wykorzystaniu opisu Jeleny Bryzgunowej¹.

Książeczka jest pożyteczna, większość problemów do przećwiczenia wytypowano trafnie. Publikacja nadaje się do utrwalania wymowy rosyjskiej na lektoratach na niefilologicznych kierunkach, ale nie jest to „fonetyka”, jak zapowiada tytuł i nie nadaje się, ze względu na ogólnikowość, uproszczenia i wskazane uchybienia, do ćwiczeń ze studentami, którzy uczą się nie tylko praktycznej nauki, ale też wszechstronnej wiedzy o języku. Przypuszczam zresztą, że mimo deklaracji we wstępie na temat możliwości zastosowania podręcznika na wyższych etapach nauki, autor w gruncie rzeczy musiał myśleć przede wszystkim o szkole podstawowej. Świadczy o tym sformułowanie polecenia w ostatnim ćwiczeniu każdej z lekcji: „Zapamiętaj wszystkie nowe słowa [...]. Na następnych zajęciach lektor może o nie zapytać”. Objaśniane są kwestie banalne (np. co to jest sylaba otwarta), a o tym, o czym student może nie wiedzieć — ani słowa. Przydałyby się objaśnienia artykulacji.

¹ Jelena Bryzgunowa opisała intonację rosyjską ze słuchu. Miała doskonały słuch i intuicję, ale nie nawiązywała do żadnych innych opracowań, czy teorii. Jej opis doczekał się ery fonologii autosegmentalnej i ma szanse teraz zostać doceniony.

RECENZJE

Dla mnie osobiście irytujące są pretensjonalne tytuły lekcji, gdzie pojawia się litera, jako „patron” zajęć. Jeśli już, to dlaczego litera, a nie głoska? Zresztą ci patroni (brzmi dziwnie, bo patron powinien być osobą, ale nie da się powiedzieć „patrony”, bo to znaczy co innego po polsku) w żaden sposób nie nawiązują do treści lekcji. W tytule również wymieniony jest jakiś idiom, który nie został objaśniony i nie jest utrwalany w ćwiczeniach. W treści lekcji wprowadzane są także inne idiomy („zwrot na teraz”), też zresztą bez żadnego zastosowania w ćwiczeniach.

Część z powyższych uwag należy odnieść do większości podobnych prac. Język się zmienia, językoznawstwo się rozwija, ale nie zmienia się opis języka, który został ustalony raz na zawsze. To samo dotyczy zresztą niektórych podręczników polskiej fonetyki. Przy tym wszystkim podręcznik Jakuba Walczaka wydaje się jednak pożyteczny.

Zakończę tę recenzję tak: PWN wydawało kiedyś lepsze książki.

DOROTA DRUŻYŁOWSKA

<https://orcid.org/0000-0002-1246-406X>

Uniwersytet Wrocławski

Наталья В. Кабяк, *Любимые советские фильмы на уроке РКИ: учебное пособие*, Флинта, Москва 2022, 392 s.

Любимые советские фильмы на уроке РКИ: учебное пособие autorstwa Natallii Kabiak (red. nauk. Larissa Andriejewa) to podręcznik do nauki języka rosyjskiego oparty na filmach fabularnych studia Mosfilm¹.

Mimo bogatej oferty materiałów do nauczania języka rosyjskiego jako obcego (opracowanych zarówno na gruncie rosyjskim, jak i polskim) brak jest opracowań, które by w sposób kompleksowy i systematyczny proponowały pracę z tekstami kultury, jakimi są radzieckie filmy. Omawiany podręcznik w sposób istotny wypełnia tę lukę.

Punktem wyjścia organizacji materiału jest dziesięć wybranych filmów fabularnych z lat 1966–1987, zaprezentowanych w układzie chronologicznym² (*Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика*, *Бриллиантовая рука*, *Джентльмены удачи*, *Иван Васильевич меняет профессию*, *Невероятные приключения итальянцев в России*, *Служебный роман*, *Москва слезам не верит*, *Осенний марафон*, *Самая обаятельная и привлекательная*, *Где находится нофелет?*). Bezsprzecznie wszystkie zaproponowane produkcje reprezentują „klasykę gatunku”: z jednej strony zdążyły zająć istotne miejsce we współczesnej rosyjskiej przestrzeni kulturowej, z drugiej — cieszą się niesłabnącą

¹ Wszystkie filmy są dostępne do obejrzenia na stronie internetowej studia filmowego Mosfilm (cinema.mosfilm.ru), wybrane z nich można oglądać z napisami.

² W związku z chronologicznym kluczem organizacji materiału kolejność filmów nie odzwierciedla stopnia trudności i złożoności prezentowanych treści (co autorka omówiła we Wstępie do podręcznika, por. Н. Кабяк, *Любимые советские фильмы на уроке РКИ: учебное пособие*, Флинта, Москва 2022, s. 4.

popularnością wśród kolejnych pokoleń Rosjan. Co ważne, radzieckie filmy fabularne zawierają jednostki leksykalne charakterystyczne dla potocznej odmiany języka rosyjskiego, słownictwo o zabarwieniu emocjonalnym, frazeologię oraz tzw. skrzydlate słowa i wyrażenia, które są aktywnie używane przez jego rodzimych użytkowników.

Bez wątpienia praca z materiałami audiowizualnymi wpływa wyjątkowo korzystnie na proces uczenia się: aktywizowane są różne kanały odbioru, a dostarczanie bodźców w postaci obrazów i dźwięku, a także wprowadzenie elementów, które zakładają zaangażowanie emocjonalne uczących się (np. współodczuwanie z bohaterami filmu, elementy humorystyczne), mają nieocenione znaczenie dla procesu przyswajania wiedzy.

W proponowanych materiałach pracę z filmem potraktowano kompleksowo oraz zastosowano najnowsze zdobyte metodyki nauczania języków obcych. Założenia teoretyczno-metodyczne znajdują odzwierciedlenie w algorytmie pracy podręcznikiem, który proponuje autorka (s. 4). Algorytm sprowadza się do trzech etapów: 1) praca przed obejrzeniem filmu, nastawiona na przygotowanie do projekcji poprzez wyeliminowanie potencjalnych trudności leksykalnych, które mogą pojawić się podczas oglądania; 2) wspólne lub samodzielne oglądanie filmu; 3) praca po projekcji filmowej³. Ostatni etap stanowi najobszerniejszą część każdego rozdziału i obejmuje wiele zróżnicowanych zadań. Przewidziano w nim ćwiczenia poświęcone kluczowym filmowym dialogom (których transkrypcję zamieszczono w książce), bohaterom filmów, zawarto liczne pytania i tematy do dyskusji. Ponadto umieszczono w podręczniku ćwiczenia leksykalno-gramatyczne (w tym słotwórcze, frazeologiczne) oraz nastawione na rozwijanie sprawności mówienia i pisanie. Każdy rozdział zakończono testem dla uważnych widzów (тест для внимательных зрителей). Zaproponowany algorytm pozwala maksymalnie wykorzystać potencjał filmu poprzez poddanie go wieloaspektowej i dogłębnej analizie.

W ćwiczeniach leksykalnych szczególną uwagę zwrócono na skrzydlate słowa i wyrażenia pochodzące z filmów. Należą one do jednostek lingwokultury, a ich znajomość pozwala nie tylko na efektywną komunikację z rodzimymi użytkownikami języka, ale gwarantuje także lepsze rozumienie kultury, zwyczajów i obyczajów, systemu

³ Taki układ ćwiczeń odwzorowuje typowy schemat organizacji pracy z tekstem (np. por.: предтекстовые, притекстовые, послетекстовые упражнения: Э. Азимов, А. Щукин, *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*, Икар, Москва 2009, s. 210, 220, 205).

norm i wartości danej społeczności językowej. Skrzydlate słowa i wyrażenia można zaliczyć do grupy tzw. fenomenów precedensowych (прецедентные феномены), a konkretnie – wypowiedzi precedensowych: „прецедентное высказывание: являющийся коллективным достоянием обусловленный культурой результат эмоционально-образного восприятия уникального высказывания, который обладает фиксированной языковой формой”⁴. Skrzydlate słowa i wyrażenia zostają w podręczniku wyjaśnione i opatrzone komentarzem kulturologicznym, po czym są wprowadzone do ćwiczeń, które zakładają ich aktywne użycie. Tym samym pojawiają się we wszystkich typach zadań: najpierw rozwijających umiejętności receptywne (słuchanie, czytanie), następnie produktywne (tworzenie własnych tekstów); taki schemat pracy pozwala na efektywne przyswojenie wspomnianych jednostek i wprowadzenie ich do aktywnego zasobu leksykalnego uczniów.

Niekwestionowaną wartością podręcznika jest jego potencjał w rozwijaniu u uczących się kompetencji lingwo-socjokulturowej oraz historycznej i realioznawczej, przy jednoczesnej pracy nastawionej *stricte* na opanowanie języka obcego. Na uznanie zasługuje zarówno dobór zagadnień, jak i wnikliwe opracowanie każdego z nich. Właśnie bogactwo i różnorodność tematów, podanych w atrakcyjny, przystępny sposób oraz autorskie opracowanie każdego z nich jest jednym z głównych walorów niniejszej książki.

Podręcznik przeznaczony jest dla uczących się języka rosyjskiego jako obcego na poziomie ТРКИ–2⁵ (odpowiednik B2 według Europejskiego Systemu Opisu Kształcenia Językowego⁶) oraz ТРКИ–3⁷ (odpowiednio: C1). Warto zaznaczyć, że ćwiczenia mogą być pomocne podczas przygotowywania (się) do testów certyfikatowych na wspomnianych poziomach, poprzez ćwiczenie sprawności słuchania,

⁴ В. Красных, *Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии*, Гнозис, Москва 2016, s. 294.

⁵ Por.: Т. Иванова и др., *Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение*, Златоуст, Москва-Санкт-Петербург 1999.

⁶ Por.: Rada Europy: D. Coste, B. North, J. Sheils, J. Trim, *Europejski system opisu kształcenia językowego: uczenie się, nauczanie, ocenianie*, przeł. W. Martyniuk, Wydawnictwo CODN, Warszawa 2003.

⁷ Por. Т. Иванова и др., *Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение*, Златоуст, Москва-Санкт-Петербург 1999.

mówienia i pisania (typy zadań korespondują z zadaniami egzaminacyjnymi). Nakład pracy z podręcznikiem obejmuje nieco ponad 70 godzin.

Podręcznik można wykorzystać jako podstawowy lub uzupełniający na rusycystycznych studiach filologicznych np. w ramach przedmiotu praca z tekstem (aspekt praktycznej nauki języka rosyjskiego) lub zajęciach realioznawczych czy też poświęconych rosyjskiej kulturze popularnej. Opracowanie może być także z powodzeniem wykorzystywane na lektoratach, w szkołach ponadpodstawowych lub na kursach językowych. Jednocześnie podręcznik może posłużyć do pracy samodzielnej. W związku z zakładanym poziomem biegłości językowej wszystkie polecenia sformułowano w języku rosyjskim, co sprawia, że jest on uniwersalny i może być wykorzystywany niezależnie od języka ojczystego uczących się.

Różnorodność oferowanych zadań i form pracy odzwierciedlają bogate doświadczenie dydaktyczne autorki. Proponowane w podręczniku materiały, będące efektem pracy praktyka o doskonałych podstawach teoretycznych, były wielokrotnie testowane i doskonałe podczas zajęć ze studentami na Uniwersytecie w Melbourne.

Biorąc pod uwagę omówione zalety podręcznika, można stwierdzić z pełnym przekonaniem, że jest on wyjątkowo wartościowym opracowaniem, które zapewni lektorom nieocenioną pomoc w organizacji procesu dydaktycznego, a atrakcyjne materiały będą satysfakcjonujące zarówno dla uczącego się, jak i nauczającego.

REFERENCES

- Azimov, El'khan, Shchukin Anatolij. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)*. Moskva: Ikar, 2009 [Азимов, Эльхан, Щукин Анатолий. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. Москва: Икар, 2009].
- Ivanova, Tamara at al. *Gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart po russkomu yazyku kak inostrannomu. Vtoroy uroven'. Obshcheye vladeniye*. Moskva–Sankt-Peterburg: Zlatoust, 1999 [Иванова, Тамара и др., *Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение*. Москва–Санкт-Петербург: Златоуст, 1999].
- Ivanova, Tamara at al., *Gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart po russkomu yazyku kak inostrannomu. Tretiy uroven'. Obshcheye vladeniye*. Moskva–Sankt-Peterburg: Zlatoust, 1999 [Иванова, Тамара и др., *Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение*. Москва–Санкт-Петербург: Златоуст, 1999].

- Kabiak, Natal'ya. *Lyubimyye sovetskiye fil'my na uroke RKI: uchebnoye posobiye*. Moskva: Flinta, 2022 [Кабяк, Наталья. *Любимые советские фильмы на уроке РКИ: учебное пособие*. Москва: Флинта, 2022].
- Krasnykh, Viktoriya. *Slovar' i grammatika lingvokul'tury. Osnovy psikholingvokul'turologii*. Moskva: Gnozis, 2016 [Красных, Виктория. *Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии*. Москва: Гнозис, 2016].
- Rada Europy: Coste, Daniel; North, Brian; Sheils, Joseph; Trim, John. *Europejski system opisu kształcenia językowego: uczenie się, nauczanie, ocenianie*. Transl. Martyniuk, W. Warszawa: Wydawnictwo CODN, 2003.

NOTY O AUTORACH

NINA D. AFANASJEWA

Dr nauk pedagogicznych, docent. Zakres zainteresowań naukowych: kompetencje komunikacyjne jako przedmiot wielopoziomowego wymiaru pedagogicznego, teoria i technologia eksperckiej oceny zagranicznej literatury edukacyjnej, metodyka nauczania języka rosyjskiego jako obcego, językowe i międzykulturowe aspekty międzynarodowej komunikacji biznesowej, juryslingwistyka. Współpracuje z magistrantami i doktorantami wydziałów Stosunków Międzynarodowych, Prawa Międzynarodowego, Biznesu Międzynarodowego i Międzynarodowego Instytutu Zarządzania.

Kontakt: afan-nina@yandex.com

MARYNA O. DEI

Dr nauk prawnych, docent. Ukończyła Kijowski Narodowy Uniwersytet Ekonomiczny. Pracę doktorską obroniła na Narodowym Uniwersytecie Spraw Wewnętrznych Ukrainy. Wykłada prawa człowieka, zarządzanie projektami, środki antykorupcyjne. Obszar zainteresowań naukowych: prawo pracy, prawa człowieka, prawo międzynarodowe, prawo europejskie, edukacja, zarządzanie projektami. Autorka 103 publikacji, organizator kilkunastu międzynarodowych i ogólnoukraińskich konferencji naukowych.

Kontakt: dei8004-5@acu-edu.cc

DOROTA DRUŻYŁOWSKA

Dr nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa, pracownik badawczo-dydaktyczny w Zakładzie Języka Rosyjskiego w Instytucie Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Wrocławskiego. Autorka i współautorka monografii poświęconych współczesnej frazeologii w ujęciu porównawczym rosyjsko-polskim oraz słownika dydaktycznego (*Ну, ладно! Minimum leksykalne rosyjskiego dla poziomu średnio zaawansowanego*, 2017; 2022 — wydanie drugie poprawione; współautor: Jakub Walczak). Zainteresowania badawcze: dydaktyka języków obcych (ze szczególnym uwzględnieniem nauczania języków blisko spokrewnionych), frazeologia języka rosyjskiego i polskiego, leksykografia oraz zjawiska gry językowej.

Kontakt: dorotadru@gmail.com

MICHAŁ GŁUSZKOWSKI

Dr habilitowany w zakresie językoznawstwa, absolwent socjologii i filologii rosyjskiej, zastępca dyrektora Instytutu Językoznawstwa UMK w Toru-

niu. Zainteresowania naukowe: społeczne i indywidualne uwarunkowania dwujęzyczności, słowiańskie wspólnoty wyspowe ze szczególnym uwzględnieniem społeczności staroobrzędowych w Polsce i krajach bałtyckich oraz Polaków na Wschodzie, socjolingwistyka i historia socjologii. Autor lub współautor ponad 150 publikacji naukowych oraz czterech monografii, kierownik projektów badawczych dotyczących przełączania kodów w dwujęzyczności polsko-rosyjskiej na Syberii (NCN, 2017–23), rosyjskiej gwary staroobrzędowców w Polsce (NCN, 2011–15), rodzinnej polityki językowej słowiańskich mniejszości w Stanach Zjednoczonych (NAWA, 2022).

Kontakt: micglu@umk.pl

WERONIKA JELEŃSKA

Doktorantka w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskich UAM. Pracuje nad rozprawą doktorską poświęconą pedagogicznej rosyjskiej prozie kobiecej XXI wieku w aspekcie genderowym. Zainteresowania badawcze obejmują współczesną literaturę rosyjską (ze szczególnym uwzględnieniem prozy kobiecej), pedagogiczne i edukacyjne aspekty literatury oraz pedagogikę genderową. Publikowała na łamach takich czasopism jak „Studia Edukacyjne” i „Acta Polono-Ruthenica”.

Kontakt: werjel@amu.edu.pl

TATIANA KOSMEDA

Prof. dr hab., kierownik Zakładu Ukrainistyki w Instytucie Filologii Rosyjskiej i Ukrainskiej Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Autorka ponad dziesięciu monografii m.in. *Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки*, 2000; *Его і Alter Его Тараса Шевченка в комунікативному просторі щоденникового дискурсу*, 2012; *Мовна гра в парадигмі інтерпретативної лінгвістики. Граматика оцінки. Граматична ігра (теоретичне осмислення дискурсивної практики)*, 2013 (we współautorstwie); *Степан Руданський: феномен моделювання «живого» мовлення українців*, 2015 (we współautorstwie); *Лінгвокалейдоскоп: живые речевые процессы*, 2017; *Delineation of Linguopersonology and Linguoaxiology*, 2019 (we współautorstwie) i ponad 300 publikacji naukowych. Zainteresowania naukowe: lingwopragmatyka, lingwoaksjologia, lingwokulturologia, lingwopersonologia i in.

Kontakt: tkosmeda@gmail.com

NATALIA KOVALCHUK

Prof. dr hab. nauk humanistycznych w zakresie filozofii. Obszar zainteresowań naukowych obejmuje historię religii, filozofię religii, filozofię kultury, filozofię kultury ukraińskiej. Autor ponad 140 publikacji naukowych. Ostatnie publikacje: *Апостольская миссия святых Кирилла и Мефодия в контексте Слова, Нравственно-духовные основы государственной*

NOTY O AUTORACH

деятельности Ярослава Мудрого, Культурная память. Украинское барокко в контексте парадигмы диалогической украинской культуры, Особенности духовной музыки в контексте украинского барокко.

Kontakt: kovalchuk8107@sci-univ.com

GIENNADIJ F. KOWALOW

Doktor habilitowany nauk filologicznych, profesor. Autor ponad 360 publikacji naukowych, w tym 15 książek. Sprawował opiekę naukową nad trzema rozprawami habilitacyjnymi oraz wypromował 36 doktorów. Przez trzy lata pracował jako nauczyciel języka rosyjskiego i literatury w szkole w Jakucji, a w 1973 roku rozpoczął pracę dydaktyczną na Uniwersytecie Państwowym w Woroneżu. W 1978 roku obronił pracę doktorską z historii etnonimii języka rosyjskiego, a w 1995 uzyskał stopień doktora habilitowanego, broniąc rozprawy na temat słowotwórstwa słowiańskiej etnonimii. Zainteresowania naukowe: historia ludów słowiańskich, ich języków i kultur, onomastyka literacka, badania nad językami rejonu Woroneża.

Kontakt: kovalev@phil.vsu.ru

KATERYNA LAIDLER

Asystentka w Uniwersytecie Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, gdzie prowadzi zajęcia z fonetyki i fonologii. Zainteresowania naukowe: zapożyczenia leksykalne, komparatystyka angielsko-słowiańska oraz teoria optymalizacji.

Kontakt: kateryna.laidler@mail.umcs.pl

ANASTASIIA V. MISHCHUK

W 2018 roku ukończyła studia w zakresie filologii ukraińskiej na Państwowym Uniwersytecie „Kolegium Czernigowskie im. T.G. Szewczenki”, a w 2020 roku ukończyła Państwową Akademię Lotniczą z tytułem magistra na kierunku filologia germańska. Od 2015 roku jest uczestnikiem i prelegentem konferencji międzynarodowych. Autorka kilku publikacji w tomach pokonferencyjnych. Zainteresowania badawcze: literatura czasów Rusi Kijowskiej, kroniki, język staro-cerkiewno-słowiański.

Kontakt: mishchuk.anastasiia@gmail.com

DOROTA PAZIO-WLAZŁOWSKA

Dr hab., językoznawca. Profesor Instytutu Sławistyki PAN. Zainteresowania naukowe: etnolingwistyka, aksjolingwistyka, mediolingwistyka, język religijny, leksykografia. Członek międzynarodowego konwersatorium EUROJOS. Członek Komisji Etnolingwistycznej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów oraz Komisji Języka Religijnego przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów. Autorka monografii *Церковь в кругу ценностей: семья, традиция, патриотизм (по материалам интернет-портала «Российской газеты»)* (Warszawa 2021) oraz kilkudziesięciu artykułów

opublikowanych w kraju i za granicą, współredaktorka jedenastu tomów zbiorowych.

Kontakt: d.pazio@ispan.waw.pl

GRZEGORZ PRZEBINDA

Filolog rusycysta i historyk idei, wieloletni dyrektor instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ, od 2005 kierownik Katedry Kultury Słowian Wschodnich UJ. W latach 2012–2020 rektor Karpackiej Państwowej Uczelni im. Stanisława Pigonia w Krośnie. Redaktor naczelny rocznika „Studia Pigoniana”. Autor ponad 350 publikacji, w tym dziewięciu książek na temat kultury i historii Rosji, Ukrainy i Białorusi. W 1991 uhonorowany Nagrodą Polcul za „współpracę polsko-rosyjską w walce o demokrację”. Ostatnia książka — *Между Краковом, Римом и Москвой. Русская идея в новой Польше* (Moskwa 2013). W 2016 wraz z żoną Leokadią Anną i synem Igo-rem opublikował przekład *Mistrza i Małgorzaty* z filologicznym komentarzem. Ostatnio współredagował — wraz z Bartoszem Gołąbkim i Wojciechem Gruchalą — zbiorową monografię *Gustaw Herling-Grudziński. Między Wschodem a Zachodem* (Krosno 2020).

Kontakt: gregp6@gmail.com

YULIIA RUDENKO

Dr nauk humanistycznych w zakresie historii, docent. Absolwentka historii Dydaktyczno-Naukowego Instytutu Historii i Filozofii Czerkaskiego Uniwersytetu Narodowego im. B. Chmielnickiego. W 2018 roku obroniła rozprawę doktorską w zakresie historii Ukrainy. Od 2019 roku jest docentem w Katedrze Dyscyplin Społeczno-Humanistycznych Kijowskiego Instytutu Biznesu i Prawa. Od 2021 roku jest członkiem Ogólnoukraińskiej Organizacji Publicznej „Ukraińskie Stowarzyszenie Biblioteczne”, a od 2022 także Narodowego Związku Krajoznawców Ukrainy. Autor ponad 70 publikacji naukowych i edukacyjnych. Zainteresowania badawcze: historia lokalna, muzealnictwo, komunikacja pocztowa i telegraficzna, Holokaust, Hołodomor, polityka pamięci.

Kontakt: rudenko107@neu.com.de

IRENA SAWICKA

Profesor w Instytucie Sławistyki Polskiej Akademii Nauk. Sławistka i bałkanistka. Zajmuje się fonetyką arealną.

Kontakt: irena.sawicka@ispan.waw.pl

IRYNA S. SKLIAR

Mgr prawa, absolwentka Kijowskiego Narodowego Uniwersytetu Ekonomicznego im. W. Hetmana. Zainteresowania naukowe: prawo cywilne, kapitał

NOTY O AUTORACH

prywatny, psychologia. Uczestniczka i prelegentka konferencji międzynarodowych.

Kontakt: i.skliar@edu-knu.com

ALEKSANDRA SZYMAŃSKA

Dr nauk humanistycznych, adiunkt w Zakładzie Literatury i Kultury Rosyjskiej w Instytucie Rusycystyki UŁ. Autorka monografii *Postać Don Juana w utworach pisarzy rosyjskich XIX wieku* (Łódź 2009) oraz artykułów dotyczących związków literatury rosyjskiej z hiszpańską w zakresie dziedziczenia mitów, jak również ich ewolucji i rosyjskiej specyfiki. Zainteresowania naukowe: historia literatury rosyjskiej XIX–XXI wieku, intertekstualność jako problem teoretyczno-metodologiczny we współczesnym literaturoznawstwie rosyjskim, semiotyczna koncepcja kultury, motywy hiszpańskie w literaturze rosyjskiej.

Kontakt: aleksandra.szymanska@uni.lodz.pl

ZIFA TEMIRGAZINA

Dr hab., profesor Wyższej Szkoły Nauk Humanistycznych Pawłodarskiego Uniwersytetu Pedagogicznego im. Margulana w Kazachstanie. Doktorat z aksjologii lingwistycznej obroniła w 1999 roku w Ałmaty. Zakres zainteresowań naukowych: lingwopoetyka; pragmatyka języka rosyjskiego, kazachskiego, angielskiego; aksjologia lingwistyczna.

Kontakt: temirgazina_zifa@pspu.kz

URSZULA TROJANOWSKA

Doktor nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa, adiunkt w Katedrze Literaturoznawstwa Rosyjskiego na Uniwersytecie Jagiellońskim. Zatrudniona na UJ od 2002 roku. Badaczka dwudziestowiecznej i współczesnej literatury rosyjskiej. Autorka monografii i kilkudziesięciu artykułów naukowych, dotyczących wybranych zagadnień literatury rosyjskiej XX i XXI wieku. Jej najnowsze badania koncentrują się wokół realizmu magicznego w literaturze rosyjskiej. Prowadzi zajęcia dydaktyczne z zakresu historii i teorii literatury, a także kultury rosyjskiej.

Kontakt: ula.trojanowska@gmail.com

MAŁGORZATA UŁANEK

Dr, adiunkt w Katedrze Literaturoznawstwa Słowiańskiego w Instytucie Językoznawstwa i Literaturoznawstwa UMCS w Lublinie. Zainteresowania naukowe: literatura rosyjska XX wieku, rosyjska literatura emigracyjna. Autorka monografii *Koncepcja miłości w prozie Borysa Pasternaka – w kręgu antropologii pisarza* (Lublin 2015) oraz artykułów naukowych poświęconych twórczości Borysa Pasternaka i Władimira Nabokova.

Kontakt: malgorzata.ulanek@mail.umcs.pl

ANNA A. WASILJEWA

Dr nauk filologicznych, Zainteresowania naukowe: językoznawstwo, metody nauczania języka rosyjskiego jako obcego, komunikacja międzykulturowa, kognitywistyka, konceptualna analiza tekstu, językoznawstwo kulturowe, teoria i metodologia nauczania języka rosyjskiego w kontekście dialogu kultur i cywilizacji; współpracuje ze studentami zagranicznymi w instytucie przygotowawczym, ze studentami wydziałów Stosunków Międzynarodowych, Prawa Międzynarodowego, Biznesu Międzynarodowego i Międzynarodowego Instytutu Zarządzania.

Kontakt: Vasilyevaaa_mgimo@mail.ru